

ISSN 2072-0297

МОЛОДОЙ УЧЁНЫЙ

МЕЖДУНАРОДНЫЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

49
2025
ЧАСТЬ VII

16+

Молодой ученый

Международный научный журнал

№ 49 (600) / 2025

Издается с декабря 2008 г.

Выходит еженедельно

Главный редактор: Ахметов Ильдар Геннадьевич, кандидат технических наук

Редакционная коллегия:

Жураев Хуснурин Олтинбоевич, доктор педагогических наук (Узбекистан)

Иванова Юлия Валентиновна, доктор философских наук

Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук

Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)

Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук

Лактионов Константин Станиславович, доктор биологических наук

Сараева Надежда Михайловна, доктор психологических наук

Абдрасилов Турганбай Курманбаевич, доктор философии (PhD) по философским наукам (Казахстан)

Авдеюк Оксана Алексеевна, кандидат технических наук

Айдаров Оразхан Турсункожаевич, кандидат географических наук (Казахстан)

Алиева Таира Ибрагим кызы, кандидат химических наук (Азербайджан)

Ахметова Валерия Валерьевна, кандидат медицинских наук

Бердиев Эргаш Абдуллаевич, кандидат медицинских наук (Узбекистан)

Брезгин Вячеслав Сергеевич, кандидат экономических наук

Данилов Олег Евгеньевич, кандидат педагогических наук

Дёмин Александр Викторович, кандидат биологических наук

Дядюн Кристина Владимировна, кандидат юридических наук

Желнова Кристина Владимировна, кандидат экономических наук

Жуйкова Тамара Павловна, кандидат педагогических наук

Игнатова Мария Александровна, кандидат искусствоведения

Искаков Руслан Марагбекович, кандидат технических наук (Казахстан)

Калдыбай Кайнар Калдыбайулы, доктор философии (PhD) по философским наукам (Казахстан)

Кенесов Асхат Алмасович, кандидат политических наук

Коварда Владимир Васильевич, кандидат физико-математических наук

Комогорцев Максим Геннадьевич, кандидат технических наук

Котляров Алексей Васильевич, кандидат геолого-минералогических наук

Кузьмина Виолетта Михайловна, кандидат исторических наук, кандидат психологических наук

Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)

Кучерявенко Светлана Алексеевна, кандидат экономических наук

Лескова Екатерина Викторовна, кандидат физико-математических наук

Макеева Ирина Александровна, кандидат педагогических наук

Матвиенко Евгений Владимирович, кандидат биологических наук

Матроскина Татьяна Викторовна, кандидат экономических наук

Матусевич Марина Степановна, кандидат педагогических наук

Мусаева Ума Алиевна, кандидат технических наук

Насимов Мурат Орленбаевич, кандидат политических наук (Казахстан)

Паридинова Ботагоз Жаппаровна, магистр философии (Казахстан)

Прончев Геннадий Борисович, кандидат физико-математических наук

Рахмонов Азизхон Боситхонович, доктор педагогических наук (Узбекистан)

Семахин Андрей Михайлович, кандидат технических наук

Сенцов Аркадий Эдуардович, кандидат политических наук

Сенюшкин Николай Сергеевич, кандидат технических наук

Султанова Дилшода Намозовна, доктор архитектурных наук (Узбекистан)

Титова Елена Ивановна, кандидат педагогических наук

Ткаченко Ирина Георгиевна, кандидат филологических наук

Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры

Фозилов Садриддин Файзуллаевич, кандидат химических наук (Узбекистан)

Яхина Асия Сергеевна, кандидат технических наук

Ячинова Светлана Николаевна, кандидат педагогических наук

Международный редакционный совет:

Айрян Заруи Геворковна, кандидат филологических наук, доцент (Армения)
Арошидзе Паата Леонидович, доктор экономических наук, ассоциированный профессор (Грузия)
Атаев Загир Вагитович, кандидат географических наук, профессор (Россия)
Ахмеденов Кажмурат Максутович, кандидат географических наук, ассоциированный профессор (Казахстан)
Бидова Бэла Бертовна, доктор юридических наук, доцент (Россия)
Борисов Вячеслав Викторович, доктор педагогических наук, профессор (Украина)
Буриев Хасан Чутбаевич, доктор биологических наук, профессор (Узбекистан)
Велковска Гена Цветкова, доктор экономических наук, доцент (Болгария)
Гайич Тамара, доктор экономических наук (Сербия)
Данатаров Агахан, кандидат технических наук (Туркменистан)
Данилов Александр Максимович, доктор технических наук, профессор (Россия)
Демидов Алексей Александрович, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Досманбетов Динар Бакбергенович, доктор философии (PhD), проректор по развитию и экономическим вопросам (Казахстан)
Ешиев Абдыракман Молдоалиевич, доктор медицинских наук, доцент, зав. отделением (Кыргызстан)
Жолдошев Сапарбай Тезекбаевич, доктор медицинских наук, профессор (Кыргызстан)
Игисинов Нурбек Сагинбекович, доктор медицинских наук, профессор (Казахстан)
Кадыров Кутлуг-Бек Бекмурадович, доктор педагогических наук, и.о. профессора, декан (Узбекистан)
Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Козырева Ольга Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Россия)
Колпак Евгений Петрович, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)
Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)
Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Кыят Эмине Лейла, доктор экономических наук (Турция)
Лю Цзюоань, доктор филологических наук, профессор (Китай)
Малес Людмила Владимировна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Нагервадзе Марина Алиевна, доктор биологических наук, профессор (Грузия)
Нурмамедли Фазиль Алигусейн оглы, кандидат геолого-минералогических наук (Азербайджан)
Прокопьев Николай Яковлевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Прокофьева Марина Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Казахстан)
Рахматуллин Рафаэль Юсупович, доктор философских наук, профессор (Россия)
Ребезов Максим Борисович, доктор сельскохозяйственных наук, профессор (Россия)
Сорока Юлия Георгиевна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Султанова Диляшода Намозовна, доктор архитектурных наук (Узбекистан)
Узаков Гулом Норбоевич, доктор технических наук, доцент (Узбекистан)
Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры (Россия)
Хоналиев Назарали Хоналиевич, доктор экономических наук, старший научный сотрудник (Таджикистан)
Хоссейни Амир, доктор филологических наук (Иран)
Шарипов Аскар Калиевич, доктор экономических наук, доцент (Казахстан)
Шуклина Зинаида Николаевна, доктор экономических наук (Россия)

На обложке изображен Эрнест Резерфорд (1871–1937), британский физик новозеландского происхождения.

Эрнест Резерфорд родился в Новой Зеландии в небольшом поселке Спринг-Грув в семье фермера и был четвертым ребенком в семье из двенадцати детей. Мальчик имел удивительную память, богатырское здоровье и силу. Он с отличием окончил начальную школу, получив 580 баллов из 600 возможных и премию в 50 фунтов стерлингов для продолжения учебы в колледже Нельсона. Стипендия позволила ему продолжить обучение в Кентербери-колледже в Крайстчерче. В те времена это был маленький университет, в котором учились всего 150 студентов, а преподавали всего семь профессоров. Резерфорд увлекся наукой и с первого дня начал исследовательскую работу. Через несколько лет он получил степень бакалавра и магистра искусств.

В Кентербери-колледже Эрнест Резерфорд изучал способы намагничивания железа. Он использовал метод высокочастотного разряда и даже придумал специальный детектор, который помогал «ловить» электромагнитные волны. Эти исследования так увлекли молодого ученого, что уже в 1895 году он перебрался в Великобританию и поступил на факультет физики в Кембридже.

Эрнест Резерфорд начал работать в Кавендишской лаборатории при университете. Он стал первым докторантом у Джозефа Джона Томсона, который в 1895 году занимал пост ее руководителя. Эрнест делил лабораторию с другими учеными: Джоном Таунсендом, Джоном МакЛеннаном и Полем Ланжевеном, с которым оставался дружен всю жизнь.

Ученый продолжал работу над детектором, который распознавал электромагнитные волны. Однако он не смог получить повторную стипендию, и поэтому ему пришлось остановить исследования и устроиться репетитором — позволить себе Кембридж он не мог.

В свободное время Эрнест Резерфорд помогал Томсону изучать рентгеновские лучи и их влияние на ионизацию газов. В отличие от коллег, Резерфорд был экспериментатором, а не теоретиком: он плохо знал математику и физику. Однако его отличал гибкий ум и творческое мышление.

В 1898 году Резерфорд проводил опыты с ураном. Физик обнаружил, что если поместить рядом фотопластинку, то в одном источнике радиоактивного излучения возникали сразу два вида частиц с противоположными зарядами.

Ученый обозначил их буквами альфа (положительный заряд) и бета (отрицательный заряд). Через год физик Полль Вийяр открыл частицы нейтрального заряда, которые получили название гамма-лучей. Они были намного короче, чем рентгеновские. Альфа-частица оказалась невероятно тяжелой. Она «весила» два элементарных электронных заряда, или четыре атомные единицы массы. Углубившись в исследования, Эрнест Резерфорд определил, что альфа-частица равна ядру атома гелия, а бета-частица — электрону.

Это открытие перевернуло физику. Однако всемирную известность Резерфорд получил гораздо позже. В 1898 году он перебрался в Канаду и стал профессором в Монреальском университете. В течение следующих пяти лет ученый работал над теорией радиоактивного распада: он подтвердил, что результатом атомного превращения становилось совершенно новое вещество.

Резерфорд совместно с физиками Гейгером и Марденом провели серию опытов с альфа-частицами. Ученые заметили, что частицы сильно отклонялись, проходя через кусочек фольги. Никто не мог даже подумать о таких результатах: принятая в то время модель атома Томсона отрицала большие углы отклонения. Новые результаты означали, что атом состоял из крайне маленького положительно заряженного ядра. При этом он был самым «тяжелым»: его масса оказалась намного больше, чем у электронов, вращающихся вокруг. Эти данные легли в основу планетарной модели атома, которую Резерфорд разработал в 1911 году.

Еще в 1908 году Эрнест Резерфорд получил Нобелевскую премию по химии за исследования в области распада элементов.

Работая в Кембридже, Резерфорд познакомился там со своей будущей женой Мэри Джорджиной Ньютон. Она была дочерью хозяйки пансиона, где проживал Эрнест. В 1901 году у них родилась дочь Эйлин Мэри. Также всю свою жизнь он поддерживал близкие отношения со своей матерью Мартой Резерфорд, которая была для своего сына первой учительницей. Их взаимопонимание было удивительным, а переписка постоянной, несмотря на то, что они почти всю жизнь прожили вдалеке друг от друга. Когда в 1931 году 60-летнего физика, серьезного ученого, нобелевского лауреата Эрнеста Резерфорда наградили титулом баронета и званием лорда, он первым делом отправил в Новую Зеландию телеграмму. В ней было всего несколько слов: «Итак — лорд Резерфорд. Заслуга более твоя, чем моя. Люблю. Эрнест».

Эрнест Резерфорд ушел из жизни в 1937 году в возрасте 66 лет. Его похоронили в Вестминстерском аббатстве рядом с Ньютоном, Фарадеем и Дарвином.

В честь Эрнеста Резерфорда названы:

- химический элемент номер 104 в периодической системе — резерфордий, впервые синтезированный в 1964 году и получивший данное название в 1997 году (до этого носил название курчатовий);
- астероид (1249) Резерфордия; открытый 3 ноября 1932 года немецким астрономом Карлом Райнмутом в Гейдельбергской обсерватории;
- кратер на обратной стороне Луны;
- жидкостный ракетный двигатель «Резерфорд» частной аэрокосмической компании Rocket Lab.

Информацию собрала ответственный редактор
Екатерина Осянина

СОДЕРЖАНИЕ

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Савюк О. В.

Значение умысла при квалификации преступлений, связанных с причинением средней тяжести вреда здоровью 441

Сазанцев А. О.

Разграничение промышленного шпионажа и конкурентной разведки 443

Самаров К. О.

Историческое становление законодательства о противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма 445

Саунина Д. А.

О личности преступника, совершающего преступления в бытовой сфере 447

Серебрякова К. А.

Независимая гарантия как способ обеспечения исполнения обязательств 448

Сидорова А. С.

Тактика осмотра трупа на этапе предварительной проверки материалов при насильственном причинении смерти на бытовой почве 450

Слуценко Д. А., Шакупов А. Б.

Радикализация и вербовка в террористические организации в мигрантских сообществах: факторы уязвимости 452

Смирнова Ю. Д.

Место института государственно-частного партнерства в системе финансового права 454

Смирнова Е. В.

Условия и цели привлечения эксперта и специалиста в гражданском процессе: сравнительно-правовой анализ 457

Соцков В. И.

Правовое регулирование оборота долей: национальное законодательство и международный опыт 459

Старцева И. И.

Нарушение прав авторов музыкальных композиций в цифровой среде 461

Толошняк А. И.

Проблемы и перспективы кодификации мер обеспечения производства по делам об административных правонарушениях 464

Толошняк А. И.

Международно-правовые аспекты обеспечения производства по делам об административных правонарушениях: существующие проблемы 465

Турков И. В.

Историко-правовой анализ становления и развития суда присяжных заседателей в России 467

Фокина Е. А.

Проблемы регулирования использования товарного знака, связанные с новыми технологиями 469

Харламова О. Н.

Особенности установления публичных сервитутов на земельные участки 471

Хасанов В. Ю.

Конкурентные способы проведения государственных и муниципальных закупок... 473

Хрупова Е. Е.

Субъективные признаки преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов 475

Черкашина Т. П.

Механизм и основания применения мер поощрения к государственному гражданскому служащему: вопросы тактики... 478

Черкашина Т. П.

Поощрительное производство в системе государственной гражданской службы 480

Четина В. Е.

Актуальные проблемы таможенного контроля 482

Шебалова Т.С.

Правовое регулирование деятельности Социального фонда России как объединенного внебюджетного фонда: актуальные проблемы и перспективы 484

Шемендюк А. В.

Ответственность за незаконную рубку лесных насаждений: современные проблемы правоприменения и перспективы совершенствования законодательства 486

ФИЛОЛОГИЯ, ЛИНГВИСТИКА

Аскерова М. А.

Речевой портрет Камалы Харрис в интервью как средство репрезентации публичной личности в политическом дискурсе 488

Белохвостова Ю. А.

Лингвостилистические стратегии адаптации экологической рекламы с английского языка на русский 490

Гусева В. И.

Лингвокультурный типаж «злая свекровь» в современном китайском кинематографе 491

Yermekkyzy A.

Cross-cultural variability in translating risk-related economic concepts 493

Икрам А. Е.

Речевой портрет персонажей в произведении А. Н. Островского «Свои люди — сочтёмся!» 496

Ким А. В.

Анализ перевода имён собственных в компьютерной игре *The Life and Suffering of Sir Brante* 498

Лу Юйся

Использование библейских фразеологизмов в современных русских литературных произведениях 501

Платнер Е. В.

Место перевода финансовой отчетности в классификации видов перевода 503

Платнер Е. В.

Определение способов преодоления сложностей, возникающих при переводе финансовой отчетности (на материале документации торговой сети SPAR) 507

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Значение умысла при квалификации преступлений, связанных с причинением средней тяжести вреда здоровью

Савюк Олеся Викторовна, студент

Научный руководитель: Дробот Сергей Александрович, кандидат юридических наук, доцент
Челябинский государственный университет

В статье рассматривается вопрос о влиянии и значении умысла при квалификации преступлений, связанных с причинением средней тяжести вреда здоровью.

Ключевые слова: умысел, прямой умысел, косвенный умысел, умышленное причинение средней тяжести вреда здоровью.

Significance of intent in the qualification of crimes related to the infliction of moderate harm to health

Savyuk Olesya Victorovna, student

Scientific advisor: Drobot Sergey Aleksandrovich, phd in law, associate professor
Chelyabinsk State University

The article examines the issue of the influence and significance of intent in the classification of crimes involving causing moderate bodily harm.

Keywords: intent, direct intent, indirect intent, intentional causing of moderate bodily harm.

Актуальность настоящего исследования определяется рядом вопросов, связанных с квалификацией рассматриваемого преступления, в частности, вопросом о наличии у субъекта умысла на совершение противоправного деяния.

В современном мире, характеризующемся высоким уровнем преступности в государстве, крайне актуальной является точная квалификация преступных деяний, что требует обеспечения объективного и обоснованного применения норм законодательства при правоприменительной деятельности.

Умышленное причинение средней тяжести вреда здоровью предусмотрено ст. 112 УК РФ. Таким образом, законодатель закрепил в названии статьи 112 УК РФ термин "умысел" в качестве ключевого сношания, на которое опираются правоохранительные и судебные органы при квалификации преступлений, связанных с причинением средней тяжести вреда здоровью. [1]

В практической деятельности данное деяние подлежит квалификации при условии наличия следующих обязательных признаков: во-первых, наличие умысла, независимо от его формы — прямого или косвенного; во-вторых,

наличия медицинского заключения, подтверждающего наличие у потерпевшего признаков вреда здоровью средней тяжести.

Объективная сторона данного преступления проявляется в виде общественно опасного деяния, выраженного в форме действия или бездействия, а также в наступлении последствий в виде причинения вреда здоровью средней тяжести и наличия причинно-следственной связи между указанным деянием и наступившими последствиями. При этом причинение того же вреда по неосторожности не влечет привлечение лица к уголовной ответственности.

В соответствии с приказом Министерства здравоохранения Российской Федерации от 08.04.2025 № 172н «Об утверждении порядка определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека» к медицинским критериям, служащим основанием для квалификации вреда как средней тяжести, относятся: во-первых, временное нарушение функций органов или систем, в том числе временная нетрудоспособность, продолжающаяся более трех недель (свыше 21 дня); во-вторых значительная стойкая утрата общей трудоспособности в пределах от

менее одной трети до трети включительно, то есть от 10 до 30 процентов.

Ключевым фактором, определяющим квалификацию вреда здоровью как средней степени тяжести, является наличие у лица умысла, который характеризует субъективную сторону преступления. Обязательным условием наличия умышленной формы вины является предвидение лицом возможности или неизбежности наступления общественно опасных последствий, предусмотренных уголовным законом, в результате своих действий. Умышленное преступление может проявляться в двух формах: прямом умысле и косвенном умысле. Понятие умышленного преступления регламентировано в ч.1–3 ст. 25 УК РФ.

Если в отношении лица предъявлено в совершении насильственных действий в отношении начальника, а также наступлением последствий в виде причинения ему вреда средней тяжести (пункт «в» ч.2 ст. 334 УК РФ), то в случае доказательства в судебном заседании умышленного причинения потерпевшему вреда средней тяжести, содеянное следует квалифицировать по п. «б» ч.2 ст. 112 УК РФ.

Согласно правовой позиции, умышленное причинение вреда здоровью как средней, так и легкой степени тяжести посягающего в целом не подлежит уголовной ответственности, поскольку такое действие зачастую укладывается в рамки необходимой обороны вследствие отсутствия явного несоответствия средств защиты характеру и степени опасности посягательства.

Для примера, смоделируем ситуацию: гражданка А, являясь контроллером поездов РЖД, попросила гражданку Б предъявить билет об оплате за проезд. Гражданка Б нецензурно выражаясь, отказалась предъявить билет. Гражданка А. толкнула гражданку Б в область плеча. В результате гражданке Б. причинен средней тяжести вред здоровью. На допросе гражданка А. дала показания, что умысел на причинение вреда здоровью гражданке Б. она не имела и неприязненного отношения к гражданке Б не испытывала. Следствием было установлено, что вред, причиненный граждане Б., был связан не с толчком гражданки Б. гражданкой А., а возник в результате падения гражданки Б. Ввиду отсутствия состава преступления гражданка А. не была привлечена к уголовной ответственности. Вопрос о привлечении гражданки А. к ответственности перешел в гражданско-правовую плоскость.

При наличии прямого умысла лицо осознает вероятность или неизбежность наступления общественно опасных последствий своих действий. При косвенном умысле — предвидение возможности наступления подобных последствий носит менее конкретный характер.

Так, согласно Кассационному постановлению Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 07.07.2023 № 77–2825.2023, суд признал юридическую оценку действий М. по п. «з» ч.2 ст.112 УК РФ, как свидетельствующих о наличии прямого умысла на причинение вреда здоровью потерпевшего с использованием в качестве орудия нападения автомашины. Суд подчеркнул, обоснованно. исходя из анализа доказательств по делу, в соот-

ветствии с которыми было установлено что осужденный, действуя из личных неприязненных мотивов, вызванных конфликтом с потерпевшим, управляя автомобилем, используя ее как орудие преступления, умышленно совершил наезд на потерпевшего, в результате чего потерпевшему был причинен средней тяжести вред здоровью.

Если умысел виновного был направлен на убийство одного лица, однако в результате осуществления им указанных действий наступила не только смерть этого человека, но и причинен вред здоровью средней тяжести другим потерпевшим. его действия квалифицируются как совокупность преступлений, предусмотренных п. п. «е» ч. 2 ст. 105 и п. «а» ч.2 ст. 112 УК РФ.

В судебной практике установлено, что в процессе совместного распития спиртных напитков между Б и И. произошла ссора, перешедшая в драку, в ходе которой Б., находясь в состоянии противоправного умысла, произвел из пистолета выстрелы в И., вследствие которых потерпевший впоследствии скончался, при этом вблизи потерпевшего находились и другие граждане, в частности потерпевшие А. и М., которым действиями Б. п.п. «е» ч.2 ст. 105, п. «а» ч.2 ст. 112, ч.1 т. 222 УК РФ. В апелляционной жалобе адвокат осужденного просил отменить и прекратить производство по ч.2 ст. 112 УК РФ в связи с отсутствием состава преступления, однако судебная коллегия оставила постановление без изменений, исходя из того, что для квалификации по п. «а» ч.2 ст. 112 УК РФ необходимо установление прямого умысла, что является необоснованным, поскольку в данном случае, совершая выстрелы в направлении И., находившегося рядом с другими гражданами, Б., хотя и не желал причинения вреда конкретным лицом, сознательно допускал возможность причинения их здоровью вреда любой тяжести, то есть действовал с косвенным умыслом на причинение вреда средней тяжести здоровью А. и М., и порядок причинения ранений не имеет юридического значения и не влияет на правильную юридическую оценку его действий.

В данных случаях различие между прямым и косвенным умыслами определяется волевым содержанием совершаемых действий: при прямом умысле лицо осознанно стремится к наступлению предвидимых им общественно опасных последствий, тогда как при косвенном умысле лицо не желает их наступления, однако сознательно допускает возможность их возникновения или безразлично относится к их возможному наступлению, и используя его как орудие преступления, умышленно совершил наезд на потерпевшего, что привело к причинению вреда здоровью средней тяжести, что соответствует правовой квалификации. [2]

В соответствии с Постановлением Пленума Верховного Суда РФ от 27.09.2012 № 19 (редакции от 31.05.2022) «О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление» уголовная ответственность за причинение вреда наступает у оборонявшегося лишь в случае превышения пределов необходимой обороны.

То есть, по делу должно быть установлено, что лицо, умышленно, прибегая к защите от посягательства, предусмотренного в ч.2 ст.37 УК РФ, использовало способы и средства, которые явно не соответствовали характеру и опасности посягательства. При этом ответственность за превышение пределов необходимой обороны возникает только в ситуации, когда будет подтверждено, что в результате рассмотрения дела оброняющийся осознал, что причиняемый им вред превышает необходимый для предотвращения или пресечения конкретного общественно опасного посягательства.

Квалифицируя совершенное преступление, правоприменитель обязан доказать, что в результате совершенного преступного деяния наступили именно те общественно опасные последствия, которые предусмотрены и указаны в позиции ст. 112 УК РФ.

Таким образом, на стадии предварительного следствия органами дознания устанавливается, осознавало ли лицо

общественную опасность причинения вреда здоровью средней степени тяжести, предвидело и оно возможность или неизбежность наступления таких последствий, а также желало ли их наступления (прямой умысел), или же сознательно допускало и, либо безразлично относилось к факту их наступления (косвенный умысел).

Наличие умысла является решающим фактором при квалификации преступлений, связанных с причинением вреда здоровью средней тяжести, поскольку уголовное законодательство не предусматривает ответственности за неумышленное причинение такого вреда, следовательно, вопрос о привлечении лица к уголовной ответственности в случае отсутствия умысла не ставится.

Таким образом, установление и оценка преступных намерений обладает существенным значением для обеспечения справедливости, повышения эффективности судебного преследования и оптимизации ресурсов правоохранительных органов.

Литература:

- Уголовный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 13.06.1996 № 63 -ФЗ (ред. от 15.10.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации. 13.06.1996. № 25. Ст. 112.
- Уголовное право России. Общая и Особенная части: учебник / Под ред. д-ра юрид. наук, профессора В. К. Дуюнова. — 6-е изд. — Москва: РИОР: ИНФА-М, 2023. — 780 с.

Разграничение промышленного шпионажа и конкурентной разведки

Сазанцев Артур Олегович, студент магистратуры
Хакасский государственный университет имени Н. Ф. Катанова (г. Абакан)

Статья посвящена исследованию и сравнению двух важных понятий: промышленного шпионажа и конкурентной разведки. Автор подробно рассматривает сходства и различия между этими понятиями, выделяя ключевые критерии, позволяющие отличить одно явление от другого. Особое внимание уделяется юридическим последствиям каждого из рассматриваемых институтов, подчеркивая необходимость четкого понимания границ дозволенного поведения в условиях рыночной конкуренции.

Ключевые слова: промышленный шпионаж, конкурентная разведка, сбор информации, уголовная ответственность

Промышленный шпионаж и конкурентная разведка являются достаточно схожими экономическими явлениями. И шпионаж, и разведка обуславливают сбор и обработку информации о конкурентах, использование такой информации для собственного экономического блага, получения определенных конкурентных преимуществ. Однако, несмотря на их схожесть, стоит разграничивать данные институты, поскольку за совершение одного из них наступает уголовная ответственность, а второй — является вполне необходимым, законным и этичным явлением. Поэтому важно при квалификации деяний того или иного лица, направленных на сбор информации о конкуренте, отличать преступный умысел от добросовестных намерений.

Названный нами аспект является первым критерием, по которому стоит разграничивать данные институты — наступление уголовной ответственности. За совершение промышленного шпионажа в законодательстве РФ установлена юридическая ответственность — по ст. 183 УК РФ. Совершение же конкурентной разведки не влечет наступление юридической ответственности, поскольку ее совершение не является запрещенным законом правонарушением. Однако здесь необходимо учитывать, что проведение конкурентной разведки способно перерасти в совершение промышленного шпионажа при возникновении его признаков в деянии — использование противоправных методов, сбор и пользование информацией, являющейся охраняемой законом тайной, использование

информации в преступных целях и пр. Поэтому, во избежание ответственности за свою деятельность, важно производить сбор «открытой» информации незапрещенными законом способами и методами.

Одной из ключевых отличительных черт конкурентной разведки является использование легальных и этичных методов в ходе сбора информации. Промышленный шпионаж всегда осуществляется запрещенными законом способами, которые влекут за собой нравственные и физические страдания сотрудников конкурента или самого конкурента, причинение ущерба имуществу или репутации предприятия и иные общественно опасные последствия. Особо опасными в данном аспекте являются последствия, связанные с причинением вреда жизни или здоровью граждан, которые могут возникнуть в результате угроз, принуждения и пр.

Как отмечает А. И. Каболов, к промышленному шпионажу зачастую прибегают в целях уменьшения временных и материальных затрат [1]. И, действительно, представляется, что наименьшее количество средств и времени будет потрачено на угрозы персоналу, который самостоятельно передаст необходимую информацию субъекту шпионажа, чем проводить поисковую и аналитическую работу для получения необходимых сведений о конкуренте. Однако подобная экономия является уголовно наказуемым деянием.

Второе, в чем заключается разница данных деяний — характер информации. В рамках совершения промышленного шпионажа производится сбор охраняемой законом информации, в рамках совершения конкурентной разведки — информация не является «секретной». Получение коммерческой, банковской или иной охраняемой законом тайны неуполномоченным субъектом уже является незаконным, а получение такой информации противоправными методами — приобретает признаки промышленного шпионажа. Поэтому при поиске и дальнейшем использовании информации в коммерческих целях необходимо иметь ввиду, что не вся информация является доступной для конкурентов и потребителей. Конкурентная разведка является таковой только при условии, что полученная в результате ее проведения информация не содержит указание на секретность.

Третье отличие касается самого деяния. Конкурентная разведка в общем виде представляет собой сбор и обработку экономической информации. Промышленный шпионаж в данном ключе является более многоаспектным явлением — шпионажем будет являться не только незаконный сбор и использование информации, но и ее разглашение. При этом разглашение секретной информации о конкуренте является квалифицирующим

признаком, то есть признаком, отягчающим уголовную ответственность.

Таким образом, нами проведено соотношение конкурентной разведки и промышленного шпионажа как экономических и правовых явлений. В ходе сопоставления признаков промышленного шпионажа и конкурентной разведки нами выявлено, что указанные институты хоть и являются схожими по своей сути явлениями, однако отождествлять их недопустимо. Сходства данных явлений заключаются в том, что промышленный шпионаж и конкурентная разведка направлены на получение информации коммерческой направленности о конкурентах. Однако такой сбор абсолютно различен:

— во-первых, конкурентная разведка является легальным явлением. Ее осуществление не ограничивается законом и обеспечивает существование здоровой конкуренции на рынке. Промышленный шпионаж — преступление. За совершение данного преступления наступает уголовная ответственность.

— во-вторых, промышленный шпионаж касается исключительно информации, составляющей охраняемую законом тайну. Конкурентная разведка же проводится в отношении «открытой» информации, доступ к которой не запрещен, а ее использование не наносит ущерб имуществу и репутации субъекта предпринимательской деятельности.

— в-третьих, конкурентная разведка осуществляется путем применения законных средств и методов. Промышленный шпионаж характеризуется использованием противоправных методов, таких, как угрозы, хищение, подкуп и пр.

— в-четвертых, промышленный шпионаж заключается не только в незаконном сборе и использовании информации, но и в ее разглашении в противоправных целях. Конкурентная разведка характеризуется лишь первыми двумя деяниями.

— в-пятых, цель конкурентной разведки — усилить свое положение на рынке, цель промышленного шпионажа направлена на ослабление положения конкурента.

— заключительное отличие касается задач реализуемых деяний. Конкурентная разведка имеет более этичные и абсолютно легальные задачи экономического характера. Промышленный шпионаж же касается противоправных задач: незаконное получение, использование и разглашение информации в ущерб интересам конкурента.

Из данного выявленного перечня отличий мы видим, что данные деяния между собой не соотносятся. Они являются абсолютно различными как с правовой, так и с экономической точки зрения.

Литература:

1. Каболов А. И. Промышленный шпионаж и конкурентная разведка в деятельности предприятия // Актуальные вопросы экономических наук. 2014. № 39.

Историческое становление законодательства о противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма

Самаров Кантемир Олегович, студент магистратуры
Московский финансово-юридический университет МФЮА

В статье проводится анализ исторического становления и текущего развития системы противодействия отмыванию денег и финансированию терроризма в России. Особое внимание уделено основным нормативным документам, принятым для регулирования данной области, исследованы проблемные аспекты, существующие в рассматриваемой сфере.

Ключевые слова: законодательство о легализации доходов, правовые нормы, преступным путем, финансирование терроризма.

The historical development of legislation on combating legalization (laundering) of proceeds of crime and financing of terrorism

Samarov Kantemir Olegovich, master's student
Moscow University of Finance and Law

This article analyzes the historical development and current evolution of the system for combating money laundering and terrorist financing in Russia. Particular attention is paid to the main regulatory documents adopted to regulate this area and the problematic aspects that exist in this area are explored.

Keywords: legislation on money laundering, legal norms, criminal activities, terrorist financing.

История возникновения законодательства, нацеленного на борьбу с отмыванием криминальных доходов, связана с осознанием опасности вливания в легальную экономику средств, полученных в результате совершения преступлений. Эти средства, становясь сопоставимыми с доходами крупнейших корпораций, представляют собой серьезный риск. Для противодействия данному явлению существует **законодательство**, направленное на предотвращение легализации криминальных доходов. Все иные стратегии противодействия либо будут заведомо неэффективными, либо должны играть служебную роль в реализации целей уголовно-правового регулирования соответствующих общественных отношений [1].

В русских правовых памятниках, а именно в правовых нормах, регулирующих имущественные отношения, различаются законные и незаконные способы приобретения имущества, что является проявлением легализации как социального явления. Это различие отражает стремление государства упорядочить общественные отношения и защитить собственность от незаконного присвоения. Так, согласно Псковской судной грамоте (ст. 47), для подтверждения сделки купли-продажи на торгу было достаточно присяги покупателя, что имущество приобретено законным путем. В Судебнике 1497 г. (ст. 46) предпочтение отдавалось показаниям свидетелей, при которых была совершена покупка, и только при их отсутствии допускалась присяга [2].

Данные положения получили свое дальнейшее развитие и в Судебнике 1550 года, где статья 93 развила положения о добросовестном приобретении, распространяв

их на покупку старых вещей на рынке. В законе было установлено, что покупка считалась правомерной, только если продавец был поручителем, и покупатель не мог претендовать на исковую защиту, если поручительства не было. Таким образом, закон устанавливал требование поручительства для защиты от покупки краденых вещей, поскольку покупатель терял право на иск в случае отсутствия такого поручительства [3].

Соборное уложение 1649 г. устанавливало, что покупка **поддержаных вещей** без поруки наказывалась выплатой выти (часть от стоимости вещи). Запрет на покупку без поруки распространялся только на уже бывшие в употреблении товары, а не на новые, что служило мерой борьбы с кражами и скупкой краденого. Прием, хранение или продажа похищенного имущества наказывалось по той же статье, что и укрывательство преступников (глава XXI «О разбойных и о татиных делах», ст. 64). Покупка или использование вещей, совершенные без поруки (свидетелей или залога), влекли выплату «выти» (части от стоимости вещи) (ст. 65).

Дальнейшее совершенствование уголовного законодательства демонстрирует, что законодатель оперативно реагировал на изменения в экономике и социально-политической сфере, внося корректировки в правовую систему, соответствующую новым реалиям. Это отражается в постоянных внесениях изменений в Уголовный кодекс, которые направлены на укрепление законности и борьбу с новыми видами преступлений, возникающими в связи с развитием общества.

В XVII—XVIII веках в России и окружающих её территориях существовала проблема масштабных злоупотреблений со стороны воинских частей, которые занимались грабежами, насилиями и незаконным присвоением военной добычи. Историческая обстановка была неблагоприятной, способствуя процветанию притеснений и насилия со стороны военных. Особенно выделялись наемные части, но проблема касалась и регулярных войск. В Померании и Мекленбурге (1710–1714 гг.) российские воинские части также совершали подобные насилия. Эти действия привели к бесславию русской армии, несмотря на её победу под Полтавой.

Правительство Петра I и командование приняли ряд суворых и решительных мер к пресечению таких поступков. Это было зафиксировано в Конвенции с Данцием от 9 июня 1715 г. и Трактате с Пруссией 45 батальонов русской пехоты и 7000 драгун, вступивших в Северную Германию, что позволило быть дисциплинированными.

Устав воинский 1716 года в артикулах 107–108, 111, 112, 193 и 194 установил правовые нормы, касающиеся военной добычи, включая уголовную ответственность за нарушение правил ее захвата и дележа, порядок признания имущества военной добычей и процедуру его распределения. Артикул 111 устанавливал интересное условие: имущество, ранее принадлежавшее русским, признавалось военной добычей, если оно находилось во владении противника не менее 24 часов, и прежний владелец не мог его вернуть. Артикулы 112, 193 и 194 регулировали распределение добычи и предусматривали ответственность за утаивание или растрату.

Указанные реминисценции с легализацией незаконного имущества возникают и далее, при рассмотрении уголовного законодательства в его развитии. В Уложении 1885 г. уникальная по своему содержанию статья 1705 устанавливала уголовную ответственность за действия, связанные с налогообложением недвижимого имущества, которое находится под запретом, секвестром или опекой, а также за сокрытие этих фактов или за закладывание заложено украденной вещи, что совершается с применением насилия или обмана. Эта норма является уникальной, так как, в отличие от статей 1701 и 1702, которые касались сбыта и скупки краденого и были близки к легализации доходов, она фокусируется на налогообложении и имуществе под юридическими ограничениями.

В дальнейшем в Уложении 1885 г. законодатель наиболее адекватно среагировал на социально-экономические условия, сложившиеся в тот период в России, когда после эпохи Александра II наступил период правления Александра III с усилением репрессий. Экономический рост требовал более эффективной защиты имущественных прав, что выразилось в усилении уголовной

ответственности за преступления против собственности, такие как мошенничество и кража. Усиление репрессивных мер было направлено на борьбу с возрастающей социальной опасностью преступлений, связанных с имуществом, что отразилось в нормах Уложения, регулирующих гражданско-правовые отношения и вводящих более строгие наказания.

Принятый в период послереволюционного времени Уголовный кодекс РСФСР 1926 года, в частности статья 1.64-а, сохраняла преемственность с дореволюционными уголовно-правовыми нормами уголовного права, вводя ответственность за незаконное обращение с заведомо похищенным огнестрельным оружием и боеприпасами (за исключением охотничьего мелкокалиберного). Данная норма была разработана в контексте новых реалий советского государства, учитывая изменения в обществе и законодательстве.

В условиях плановой экономики и государственной собственности, статья 208 Уголовного кодекса РСФСР 1960 г. («Приобретение или сбыт имущества, заведомо добываемого преступным путем») была направлена на защиту социалистической и личной собственности. Предметом преступления было любое имущество, полученное преступным путем, например, хищением, контрабандой или обманом. Однако эта норма была малоэффективной, так как для её применения требовалось сначала установить признаки первичного преступления, что усложняло доказывание.

В современное уголовное законодательство понятие «легализация (отмывание)» было введено в 1996 году в статью 174 УК РФ, что стало развитием правовых норм, касающихся преступлений, связанных с незаконным обогащением. Несмотря на появление специализированной статьи 174.1 и более раннего определения 174 УК РФ [4], и статьи 19.28 КоАП РФ [5], устанавливающую ответственность для юридических лиц за незаконную передачу должностному лицу денежных средств или иного имущества от имени или в интересах этой организации, вопросы легализации незаконного имущества остаются актуальными и проявляются в развитии законодательства.

Таким образом, до вступления в силу нового Уголовного Кодекса РФ и КоАП РФ ответственность за легализацию незаконных доходов могла наступать лишь за отдельные ее виды: укрывательство таких преступлений, как кража, грабеж, разбой, мошенничество и получение взятки или приобретение или сбыт имущества, заведомо добываемого преступным путем. В настоящее время законодательством о легализации доходов и финансировании терроризма предусматривается комплексное международное противодействие, включая создание международных организаций и принятие глобальных стандартов.

Литература:

1. Уголовное право РФ / Под. ред. проф. Здравомыслова Б. В. — М.: Юристъ, 2000.

2. Волотова Е. О. Легализация (отмывание) денежных средств или иного имущества, приобретенного другими лицами преступным путем // Адвокат. 2011. № 2.
3. Русанов П. А. Противодействие легализации преступных доходов: теоретико-практический анализ / Г. А. Русанов. М.: Юрлитинформ. 2012.
4. Уголовный Кодекс Российской Федерации от 13.06.1996. № 63-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.
5. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001. № 195 ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2002. № 1. Ст. 1.

О личности преступника, совершающего преступления в бытовой сфере

Саунина Дарья Анатольевна, студент

Научный руководитель: Штефан Алена Владимировна, кандидат юридических наук, доцент
Челябинский государственный университет

Ключевые слова: преступник, криминальное поведение, семейно-бытовое насилие, преступление

Среди множества криминологических проблем одной из главных и наименее проработанных является проблема личности преступника, совершающего преступление в бытовой сфере. Изучение структуры личности преступника имеет огромное значение для криминастики. Понимание психологических, и психофизиологических особенностей преступников помогает разрабатывать профили преступников, прогнозировать их поведение, а также разрабатывать методики и предотвращения преступлений. Разработка данных методик помогает лучше понять причины поведения преступника, его мотивы, что в свою очередь может способствовать более эффективному расследованию преступлений бытового типа и общественной безопасности.

Личность преступника — индивид, который собирает в себе совокупность характеристик, свойств и особенностей, которые проявляются в его поведении, мотивах, и действиях в процессе совершения преступления. Личность преступника включает в себя не только биологические и психологические аспекты, а также и социальные факторы.

Чтобы более точно определить личность преступника, совершающего данную категорию преступлений, нужно более подробно изучить основные компоненты его личности, которые взаимодействуют друг с другом, а именно:

1) Биологические факторы, которые играют важную роль в формировании личностных качеств. Наследственность, генетические особенности и физиологическое состояние организма влияют на поведение индивида. Например, наличие психических расстройств, алкогольной или наркотической зависимости, может существенно повысить риск совершения преступления.

2) Социальная среда оказывает значительное влияние на формирование личности. Семья, школа, окружение сверстников формируют ценности, нормы поведения и модели взаимодействия с обществом. Неблагопри-

ятные социальные условия, такие как низкий уровень образования, бедность и безработица, все это способствует росту числа бытовых преступлений.

3) Психологический портрет преступника также важен для понимания мотивов и целей противоправных действий. Важными психологическими характеристиками являются эмоциональная нестабильность, агрессия, склонность к риску, низкая самооценка. Эти черты часто проявляются в конфликтах внутри семьи или ближайшего окружения.

4) Опыт предыдущих правонарушений влияет на дальнейшее развитие криминального поведения. Преступники, имеющие судимости, чаще повторяют аналогичные правонарушения. Этот фактор подчеркивает важность профилактики рецидива путем исправительных мер и реабилитации осужденных [2].

Практически во всех странах мира отмечается наличие высокого уровня семейно-бытового насилия, в данный список входит и Россия. По результатам исследований, большинство, а именно 85 % бытовых преступлений совершаются мужчинами. При этом мужской пол совершает более опасные преступления по сравнению с преступлениями, совершенными женщинами. Также стоит отметить, что по статистике проведенных дополнительных исследований, среди совершивших преступления в сфере бытовых отношений криминальной активностью отличаются две возрастные группы: лица 18–30 и 31–40 лет. И это не случайно, ведь во многом это связано с социальным статусом указанных возрастных групп [4].

Особый интерес представляет подгруппа лиц 25–30, т. е. возраста активной брачной-семейной жизни, становления семейных отношений, предполагающего новые обязанности, нормы поведения и т. п. В этот ответственный период жизни нередко происходит вызревание и обострение внутрисемейных противоречий, разрешаемых, как правило, в форме межличностных конфликтов, которые приводят

к разводам. Ряд факторов, подводящих супругов к расщеплению брака, определяет и семейно-бытовые преступления. Например, разводы чаще происходят из-за пьянства мужа, которому сопутствует жестокость, скандалы, побои, угрозы убийством и другие антиобщественные действия. Эти же факторы играют ведущую роль в определении преступлений, совершаемых на почве бытовых конфликтов. Следовательно, проблема разводов имеет и криминологический характер. По уровню образования лица, совершившего преступление в сфере быта, характеризуются следующим образом: имеют высшее образование только 5,5 %, незаконченное высшее — 2,5 %, среднее специальное — 21,0 %, среднее общее — 47,2 %, неполное среднее — 23,8 %. Они, как правило, заняты тяжелым физическим неквалифицированным трудом (грузчики, разнорабочие и. т. д.). Среди них распространено злоупотребление алкоголем. Именно этот контингент совершает больше всего преступлений. Но было неправильным напрямую связывать характер труда и противоправное поведение лиц. Здесь необходимо учитывать сложное взаимодействие иных факторов (культурно-образовательный уровень, потребности, интересы и др.), определяющие поведение человека [3].

Также существенный интерес для исследования личности преступника играет его криминальное прошлое. Согласно статистическим данным, почти каждый третий из них ранее осуждался за совершение различных преступ-

лений, а около половины имели две и более судимостей. Более 35 % осуждённых были опасными рецидивистами, как раз по преступлениям в сфере быта. При этом преступники-рецидивисты, имеющие первую судимость за хулиганство, впоследствии совершали на почве бытовых конфликтов тяжкие преступления против личности [5].

Для анализа обращаемся к данным МВД и Генпрокуратуры России, где подсчитали, что в 2024 году около 21–23,9 % всех предварительно расследованных за год убийств совершаются в семье [7].

Ежегодно от насилия погибают около тысячи женщин. В 2024 году по данным МВД, партнерами и родственниками убиты 1315 женщин. Еще около 1200 женщин ежегодно получают тяжкие телесные повреждения в результате преступления, совершенного в быту [7].

В 2024 году своими половыми партнерами или членами семьи были убиты 50 тысяч женщин и девочек в семейно-бытовых отношениях — в среднем одна каждые 10 минут. Эти данные приведены в новом докладе Управления ООН по наркотикам и преступности (УНП ООН) и структуры «ООН-женщины» [6].

Таким образом, изучение структуры личности преступника помогает выявить закономерности и тенденции развития криминального поведения, разработать профилактические мероприятия для борьбы с бытовыми преступлениями и снижению уровня насилия в обществе.

Литература:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 г. № 63-ФЗ (в ред. От 17.11.2025) // Собрание законодательства РФ. — 1996. — № 25. — Ст. 2954;
2. Вознесенская, А. Е. Структура личности преступника и методы прогнозирования преступного поведения / А. Е. Вознесенская. — Текст: непосредственный // Молодой учёный. — 2024. — № 21 (520). — С. 456–457. — URL: <https://moluch.ru/archive/520/114422>.
3. Харламов В. С. Теория и практика противодействию преступному насилию в семье (системное криминологическое и уголовно-правовое исследование): дис.... д-ра. юрид. наук.—Спб., 2023. — 719с.
4. Грищенко М. В. Характеристика личности лица, совершающего семейно-бытовые насильтственные преступления // Н.Экс.Т. 2024. №1 (25). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/harakteristika-lichnosti-litsa-sovershayusche-go-semeyno-bytovye-nasilstvennye-prestupleniya> (дата обращения 27.11.2025)
5. Айрапетян М. Г., Погребатько Е. С. Личность преступника и жертвы в преступлениях семейно-бытовой направленности // Science Time. 2016. №12 (36). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/lichnost-prestupnika-i-zhertvy-v-prestupleniyah-semeyno-bytovoy-napravlennosti> (дата обращения 02.12.2025)
6. Каждый день 137 женщин и девочек погибают от рук своих партнеров или родственников // Новости ООН [электронный ресурс]: <https://news.un.org/ru/story/2025/11/1466902> (дата обращения 02.12.2025)
7. Статистика и аналитика [электронный ресурс]: <https://mvd.ru/dejatelnost/statistics> (дата обращения 02.12.2025)

Независимая гарантия как способ обеспечения исполнения обязательств

Серебрякова Кристина Александровна, студент магистратуры
Московский университет «Синергия»

Сегодня как никогда актуальной темой является использование Федерального закона «О контрактной

системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» от

05.04.2013 № 44-ФЗ, регулирующего отношения, связанные с планированием закупок, определением поставщиков (подрядчиков, исполнителей), заключением контрактов.

Особая значимость Федерального закона № 44-ФЗ определена тем, что цифровые технологии выходят на лидирующую позицию. Закупочная деятельность в нашей стране с каждым днем приобретает всё большую популярность и становится доступнее. На территории Российской Федерации закупки проводятся на восьми электронных площадках.

Электронные закупки осуществляются посредством проведения аукциона, конкурса, запроса котировок. Существует ряд преимуществ и недостатков проведения закупок для государственных и муниципальных нужд в электронной форме.

Преимущества

Как было отмечено ранее, во-первых, это доступность. Единственное, что необходимо сделать, — зарегистрироваться на электронной площадке в качестве поставщика, исполнителя или подрядчика либо, если планируете закупать необходимое для муниципальных или государственных нужд, в качестве заказчика, предоставив необходимые документы.

Во-вторых, удобство. Можно находиться в офисе или дома и выходить на торги.

В-третьих, надежность. На многих электронных площадках у потенциальных подрядчиков (исполнителей, поставщиков) проверяют всю необходимую документацию. Контролеры электронных площадок обеспечивают функционирование площадки в соответствии с требованиями законодательства РФ.

К сожалению, имеются и недостатки проведения закупок через электронные площадки.

Недостатки

Во-первых, не у всех исполнителей (подрядчиков, поставщиков) имеется товар надлежащего качества. Зачастую многие заказчики выбирают поставщика (подрядчика, исполнителя), предложившего наименьшую стоимость, однако многие участники торгов пытаются скрыть информацию о качестве поставляемой ими продукции или выполняемых работ.

Во-вторых, согласно п. 1 статьи 46 Федерального закона от 05.04.2013 № 44-ФЗ (ред. от 26.12.2024) «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» при применении конкурентных способов проведения переговоров заказчиком, членами комиссии по осуществлению закупок с участником закупки в отношении заявок на участие в определении поставщика запрещено [2]. К сожалению, многие участники торгов пренебрегают этим положением, идут на нарушение закона.

В-третьих, не всегда заказчику удается заключить контракт с порядочным и добросовестным исполнителем (подрядчиком, поставщиком). Некоторые исполнители (подрядчики, поставщики) предоставляют заказчику независимую гарантию как способ обеспечения исполнения обязательств по контракту. В данной статье попытаемся разобрать не только само гарантинное обязательство, но и иные обязательства, возникающие при выдаче независимой гарантии.

Обратимся к понятию «независимая гарантия». Согласно п. 1 статьи 368 Гражданского кодекса РФ гарант принимает на себя по просьбе другого лица (принципала) обязательство уплатить указанному им третьему лицу (бенефициару) определенную денежную сумму в соответствии с условиями данного гарантом обязательства независимо от действительности обеспечиваемого такой гарантией обязательства [1].

Независимая гарантия может быть выдана не только банком (в таком случае она будет называться банковской гарантией), но и другой коммерческой организацией. Необходимо письменное оформление гарантии.

В настоящее время ведется немалое количество дискуссий относительно возмещения принципалом гаранту выплаченных сумм. От принципала зависит качество выполненных работ, поставленной по контракту продукции. В случае нарушения обязательств по контракту заказчик вправе обратиться в банк с целью возмещения убытков.

Помимо этого, предъявлять требования по возмещению сумм, которые были уплачены бенефициару не в соответствии с условиями независимой гарантии или за нарушение обязательств гаранта перед бенефициаром, гарант не может, кроме тех случаев, когда соглашением между гарантом и принципалом предусмотрено иное либо принципал дал свое согласие на такой платеж.

Перед выплатой суммы банковской гарантии гарант имеет право самостоятельно проверить нарушения принципала по основному обязательству и наступление у бенефициара права на получение выплаты по ней согласно оговоренным условиям.

Поступление требования о платеже гаранту за пределами срока действия банковской гарантии не является основанием для отказа гаранта в совершении платежа, если указанное требование было направлено бенефициаром гаранту в пределах срока действия банковской гарантии и иное не указано в самой гарантии.

На основании вышеизложенного можно сделать следующие выводы.

1. Банковская гарантия имеет некоторые преимущества перед другими способами обеспечения исполнения обязательств: во-первых, быстрое и доступное оформление; во-вторых, получение гарантом вознаграждения за выдачу гарантии.

2. Использование независимой гарантии как способа исполнения обязательств имеет высокую востребованность у участников закупок.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 31.07.2025, с изм. от 25.11.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.08.2025) // Собрание законодательства РФ. — 1994. — № 32. — Ст. 3301.
2. Федеральный закон «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» от 05.04.2013 № 44-ФЗ.

Тактика осмотра трупа на этапе предварительной проверки материалов при насильственном причинении смерти на бытовой почве

Сидорова Анна Сергеевна, студент магистратуры
Московский университет имени С. Ю. Витте

В статье рассматривается проблема квалификации и определения механизмов образования следов, которая всегда являлась ключевой в деятельности следователя, особенно в условиях, когда преступники заранее продумывают оправдательные версии происшествия. На примере типичной ситуации нанесения ножевого ранения освещены тактика и методика осмотра места происшествия и трупа. Особое внимание уделяется важности незамедлительного прибытия следственно-оперативной группы, сохранению следовой картины, тщательной фиксации положения тела, характера повреждений, состояния обстановки и предметов. Подчеркивается необходимость объективного, комплексного анализа каждого этапа расследования, что позволяет выявить несоответствия между показаниями и фактической обстановкой, а также предотвращает утрату доказательств, особенно при участии несовершеннолетних. В статье делается вывод, что детальное изучение каждого элемента происшествия и строгая объективность следователя являются залогом установления истины и справедливых выводов по делу.

Ключевые слова: расследование, труп, предварительная проверка, бытовая почва.

Проблема квалификации и умение выявлять механизмы образования следов всегда были ключевыми в деятельности следователя; в последнее время участились случаи, когда преступники не только хорошо подготовлены, но и заранее продумывают оправдательные версии происшествия.

Поэтому работа следователя усложняется: помимо трудностей, связанных с получением информации на месте преступления, ему приходится противостоять целенаправленным попыткам нарушителя помешать расследованию.

Представим тактику осмотра места преступления и трупа на примере конкретной типичной ситуации:

«В дежурную часть по телефону поступило сообщение от гражданки М, что сегодня, примерно в 20.15 местного времени она нанесла ножевое ранение своему отцу, в результате которого он умер. Также заявитель сообщил адрес происшествия и то, что она вызвала Скорую помощь.

После прибытия на место происшествия установлено, что на полу кухни находится тело мужчины (гражданин Б), смерть которого наступила в результате нанесения колото-резаной раны в жизненно важные органы»

В данной ситуации на первый план выходит незамедлительное прибытие следственно-оперативной группы на место происшествия, чтобы максимально зафиксировать исходную картину событий до внесения посторонних из-

менений. Кухня превращается в ключевое пространство, где гибель наступившая от ножевого ранения требует тщательного изучения положения тела, характера и локализации травмы, следов крови, а также возможных признаков борьбы или попыток самообороны. На теле фиксируются не только раны, но и любые иные повреждения, следы захватов, а также состояние одежды, что позволит более полно воссоздать динамику прошедшего [1, с. 101].

Орудие преступления, если оно оставлено на месте, требует особого внимания — анализируются следы крови, отпечатки, наличие тканей и микрочастиц; проверяется соответствие повреждений на теле особенностям лезвия. Отсутствие предмета, послужившего оружием, может говорить о попытке скрыть следы, что зачастую указывает на умысел и продуманность действий подозреваемого.

Особенности обстановки — расположение мебели, предметов, положение телефона, направление открытых дверей и окон, наличие или отсутствие запахов — формируют контекст происшествия, подтверждая или опровергая заявленные обстоятельства конфликта. Фиксация мельчайших деталей помогает выявить несоответствия между показаниями и объективной обстановкой [2, с. 112].

Важно соблюдать осторожность при перемещениях группы в жилом помещении, чтобы не нарушить целостность следовой картины, а фиксация всех изменений проводится до вмешательства медицинского персонала или

других лиц, способных невольно изменить исходные доказательства.

В данной ситуации детальное изучение тела жертвы на месте происшествия позволяет тщательно восстановить обстоятельства преступления. Фиксация положения трупа даёт возможность судить о динамике нападения, а локализация ранения позволяет сопоставить версию о необходимой обороне с реальным развитием событий. Характер, направление и сторона нанесения повреждений указывают на особенности взаимодействия участников, а также помогают ответить на вопрос о физической возможности нанесения удара конкретным лицом, принимая во внимание рост, возраст и физические характеристики подозреваемой.

Особое внимание уделяется расположению и количеству ран, что может говорить как о состоянии аффекта, так и о целенаправленных действиях, осуществлённых с пониманием уязвимых зон на теле. Анализ формы и размеров ранения способствует определению типа орудия, а также позволяет оценить возможную причастность представленного ножа к совершенному преступлению. Осмотр иных повреждений помогает исключить альтернативные механизмы смерти, например, падение или удар.

Поза тела может служить дополнительным косвенным доказательством, позволяя определить время наступления смерти, а также установить, имело ли место перемещение тела после нанесения смертельного ранения. Наличие внешних повреждений в виде царапин, синяков, стертостей свидетельствует о борьбе либо транспортировке жертвы, что указывает на конфликтную динамику или попытки скрытия следов.

Исследование состояния и повреждённости одежды, а также наличия на ней пятен крови и других следов, позволяет судить о характере взаимодействия, выявлять элементы сопротивления со стороны жертвы либо нехарактерную для подростка силу, применённую при совершении нападения. Эти признаки, а также возможное несоответствие одежды месту и обстоятельствам, способны раскрыть дополнительные детали преступления или даже указать на попытку скрыть его отдельные элементы. Осмотр аксессуаров помогает восстановить хронологию происшествия, а изучение содержимого карманов может пролить свет на мотивы конфликта или указать на дополнительные обстоятельства случившегося [3, с. 343].

Перед непосредственным осмотром тела важно убедиться, что человек действительно мертв, поскольку, если он находится в состоянии бессознания, требуется немедленно вызвать Скорую помощь и оказать первую медицинскую помощь. Если смерть подтверждена, после тщательного осмотра тела следует перейти к исследованию орудия преступления.

Значение приобретает характер предмета — если он относится к кухонным приборам или отличается нетипичностью для данного помещения. Это способно указать на неслучайный выбор орудия. Кровь на ноже требует отдельной фиксации, поскольку установление принадлеж-

ности крови возможно только по результатам экспертизы, а само наличие пятен не дает абсолютной уверенности, что именно этот предмет был применен для причинения смертельных повреждений. Местонахождение орудия может стать ключевым элементом при проверке показаний: если подозреваемая утверждает, что оставила нож в теле жертвы, но он найден на расстоянии, это порождает сомнения в ее словах. Технические особенности предмета и возможность нанесения ими обнаруженных повреждений должны быть сопоставлены для исключения других вариантов развития событий [4, с. 72].

После изучения орудия внимания требует обстановка в помещении. Внешний вид и расположение предметов позволяют судить о характере произошедшего — если на кухне сохранена обычная обстановка, это противоречит версии о внезапной ссоре или самообороне. Наличие сервированного стола и следов недавнего приема пищи может свидетельствовать о бытовом характере конфликта. Количества используемой посуды и столовых приборов сигнализирует о возможных свидетелях либо участниках событий, которых по неизвестным причинам нет на месте. Осмотр смежных помещений помогает обнаружить попытки скрыть следы преступления, например, попытки стереть или смыть кровь, а также установить был ли факт перемещения тела [5, с. 265].

Необходимо также учитывать детали, указывающие на борьбу, такие как разбросанные вещи, следы повреждений мебели или техники; это поможет восстановить реальный ход событий и место, где начался конфликт.

На основании собранных материалов и зафиксированной обстановки формируется полная картина происшествия, что позволяет перейти к допросу подозреваемой и возможных свидетелей уже с конкретными вопросами и предварительными выводами. Однако стоит помнить, что такие проверки требуют особой тщательности, особенно при участии несовершеннолетних, поскольку поспешные выводы могут привести к потере важных доказательств. Следователь должен сохранять объективность на всех этапах, чтобы минимизировать вероятность ошибок, возникающих из-за человеческого фактора и ограниченного восприятия ситуации. В противном случае определенные факты рискуют остаться не замеченными, а ошибочные решения усложняют дальнейшее расследование [6, с. 183].

Таким образом, тщательная квалификация деяния и умение выявлять механизмы образования следов выступают базисом успешной работы следователя, особенно в условиях возрастающей осведомлённости и подготовленности преступников. На примере рассмотренной ситуации становится очевидным, что правильная тактика и методика осмотра места происшествия и тела жертвы позволяет не только объективно зафиксировать исходную картину событий, но и выявить нестыковки между заявленной версией и действительными обстоятельствами преступления. Внимательное изучение деталей — природы ранения, состояния орудия, расположения предметов, следов борьбы и иных признаков — даёт возмож-

ность воссоздать динамику происшествия, исключить или подтвердить самооборону, а также предотвратить возможные попытки исказить ход расследования. Лишь комплексный, всесторонний подход и максимальная объек-

тивность на каждом этапе обеспечивают выявление всех существенных сведений, что в конечном счёте служит гарантом установления истины и справедливых выводов по делу.

Литература:

1. Егоров Н. Н., Протасевич А. А. Использование специальных знаний: история, состояние и перспективы развития // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. 2022. № 1 (35). С. 101–117.
2. Кулешов Р. В., Фогель Е. И. Межэтнические отношения: организационные и криминалистические аспекты современной уголовной политики // Всерос. криминологический журнал. 2022. Т. 16. № 1. С. 111–121.
3. Лебедев Н. Ю. Криминалистическое обеспечение диагностики конфликтов, возникающих в ходе предварительного расследования. Красноярск: Красноярская региональная общественная организация «Общественный комитет по защите прав человека», 2019. С. 343–350.
4. Лебедев Н. Ю., Чеснокова Е. В. О подходах к предмету криминалистики и теории судебной экспертизы (судебной экспертологии) // Вестник Томского гос. ун-та. Сер.: Право. 2020. № 36. С. 70–82.
5. Минаков Н. А. Тактика получения объяснений на этапе предварительной проверки материалов при насильственном причинении смерти на бытовой почве (на примере личного исследования типичной следственной ситуации) // Сибирский юрид. ин-т МВД РФ. 2022. С. 265–267.
6. Смирнова И. Г. Идеи М. М. Сперанского и современное уголовно-процессуальное законодательство: оценка исторической преемственности / Науч. школа уголовного процесса и криминалистики Санкт-Петербургского гос. ун-та: Матер. XIII Междунар. конф. / Под ред. Н. П. Кирилловой, В. Д. Пристанского Н. Г. Стойко, В. Ю. Низамова. М., 2022. С. 183–192.

Радикализация и вербовка в террористические организации в мигрантских сообществах: факторы уязвимости

Слуценко Данил Алексеевич, студент;

Шакупов Адиль Бауржанович, студент

Научный руководитель: Вишневецкая Ирина Николаевна, кандидат юридических наук, доцент
Саратовская государственная юридическая академия

Исследование посвящено критически важной проблеме национальной безопасности — использованию мигрантских сообществ как среды для радикализации и вербовки в террористические структуры. Актуальность обусловлена масштабами миграции в РФ и устойчивой связью между транснациональными угрозами и незащищенными группами населения.

Ключевые слова: террористические организации, терроризм, противодействие терроризму, национальная безопасность, транснациональные угрозы, мигрантские сообщества, мигранты, иностранные граждане, миграционные процессы

Актуальность исследования проблем радикализации и вербовки в террористические организации в среде мигрантских сообществ обусловлена устойчивой взаимосвязью между глобальными миграционными процессами и транснациональными угрозами безопасности. В современную эпоху, характеризующуюся повышенной мобильностью населения вследствие экономических диспропорций, политической нестабильности и вооруженных конфликтов, мигрантские сообщества регулярно становятся объектом пристального внимания со стороны вербовщиков радикальных и террористических структур.

Для Российской Федерации как одного из крупнейших в мире реципиентов мигрантов эта проблема имеет особое практическое значение. Статистические данные МВД

России свидетельствуют о том, что ежегодно на территорию РФ въезжают несколько миллионов иностранных граждан, что объективно формирует сложную и многообразную среду, требующую эффективных мер адаптации и интеграции. Отсутствие должного внимания к этой проблематике может привести к серьезным последствиям для национальной безопасности [1].

Анализ судебной практики по статьям 205.1 («Содействие террористической деятельности») и 205.5 («Организация террористического сообщества и участие в нем») Уголовного кодекса Российской Федерации демонстрирует устойчивую тенденцию: вербовка часто осуществляется именно в группах, объединенных общим этнокультурным происхождением и языком, где фактор доверия

и авторитета играет определяющую роль [2]. Это подтверждает необходимость тщательного изучения специфических факторов уязвимости, характерных для мигрантских сообществ.

Правовую основу исследования составляют положения действующего законодательства Российской Федерации. Согласно пункту 1 статьи 3 Федерального закона от 06.03.2006 № 35-ФЗ «О противодействии терроризму», под терроризмом понимается «идеология насилия и практика воздействия на принятие решения органами государственной власти, органами местного самоуправления или международными организациями, связанные с устрашением населения и (или) иными формами противоправных насильственных действий» [3].

Важно разграничивать смежные понятия. Радикализация представляет собой социально-психологический процесс усвоения индивидом или группой крайних идей и убеждений, которые оправдывают использование насилия для достижения политических, идеологических или религиозных целей. Это динамический процесс, движущийся от умеренных взглядов к крайним, часто сопровождающийся разрывом с общепринятыми социальными нормами.

Вербовка, в соответствии с примечанием к статье 205.1 УК РФ, определяется как «склонение, вовлечение иное воздействие на лицо в целях вовлечения его в совершение» преступлений террористической направленности. Законодатель четко определяет вербовку как самостоятельный состав преступления, независимо от того, привело ли склонение к реальному совершению террористического акта [4].

Действующее законодательство предусматривает комплексный подход к противодействию, включающий:

1. Уголовную ответственность за вербовку (ст. 205.1 УК РФ)
2. Запрет публичных призывов к террористической деятельности (ст. 205.2 УК РФ)
3. Ответственность за организацию террористических сообществ (ст. 205.5 УК РФ)
4. Административно-правовые ограничения для лиц, связанных с террористической деятельностью
5. Меры по предотвращению проникновения террористов на территорию РФ

Проведенный анализ позволяет выделить несколько взаимосвязанных групп факторов уязвимости:

Социально-экономические факторы:

Маргинализация и социальная эксклюзия проявляются через отсутствие полноценных программ социокультурной адаптации, слабое владение русским языком и замкнутый образ жизни в пределах этнических анклавов. Экономическая депривация выражается в занятости в низкооплачиваемых сферах с нестабильными

условиями труда. Проблема жилищных условий усугубляет социальную изоляцию, вынуждая мигрантов селиться в условиях крайней скученности.

Психологические факторы:

Кризис идентичности возникает на фоне разрыва между культурой происхождения и принимающего общества. Чувство несправедливости и дискриминации формируется при столкновении с ксенофобией и произволом. Потребность в принадлежности и поиск смысла становятся особенно актуальными в условиях социальной изоляции [5].

Институциональные факторы:

Сложности правового поля проявляются в запутанности миграционного законодательства и постоянном страхе депортации. Ограниченный доступ к правовой и социальной помощи обусловлен языковым барьером и недоверием к государственным институтам. Неэффективность интеграционных программ проявляется в их формальном характере и отсутствии адресной работы.

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о многомерном характере проблемы радикализации мигрантов. Уязвимость представителей мигрантских сообществ формируется в результате синергетического эффекта комплекса взаимосвязанных причин. Состояние социальной аномии и маргинализации создает благоприятную почву для распространения радикальных идей.

Анализ показывает недостаточность исключительно силовых мер противодействия. Уголовное преследование и административные выдворения воздействуют на последствия, но не устраняют первопричины процесса радикализации. Это обуславливает необходимость разработки опережающих превентивных стратегий.

Основными направлениями противодействия должны стать:

1. Разработка системной интеграционной политики с акцентом на языковую и правовую адаптацию
2. Создание доступной социальной инфраструктуры, включающей юридические и психологические консультации
3. Борьба с экономической эксплуатацией через ужесточение контроля за соблюдением трудового законодательства
4. Совершенствование правового регулирования миграционных процессов
5. Развитие программ межкультурного диалога и адресная работа в информационном поле

Эффективное противодействие радикализации требует комплексного подхода, сочетающего меры безопасности с последовательной социальной политикой, направленной на создание инклюзивной среды и обеспечение равных возможностей для всех категорий мигрантов.

Литература:

1. Официальный сайт Министерства внутренних дел Российской Федерации [Электронный ресурс]. — URL: <https://мвд.рф> (дата обращения: 05.11.2025).

2. Тишков, В. А. Этнология и политика: научные публикации / В. А. Тишков. — Москва: Наука, 2005. — 240 с.
3. О противодействии терроризму: Федеральный закон от 06.03.2006 № 35-ФЗ (ред. от 24.04.2024) // Собрание законодательства РФ. — 2006. — № 11. — Ст. 1146.
4. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 24.04.2024) // Собрание законодательства РФ. — 1996. — № 25. — Ст. 2954.
5. Кодина, Е. В. Миграция и безопасность: новые вызовы России / Е. В. Кодина // Социологические исследования. — 2021. — № 5. — С. 45–55

Место института государственно-частного партнерства в системе финансового права

Смирнова Юлия Дмитриевна, студент магистратуры

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (г. Москва)

Статья посвящена анализу роли института государственно-частного партнёрства в системе финансового права. В условиях экономической нестабильности диалог между государством и участниками хозяйственной деятельности становится необходимым. Взаимодействие государства и бизнеса создаёт возможность для экономического развития, а также повышает эффективность государственных расходов. В статье раскрывается дефиниция понятия «государственно-частное партнёрство» для определения места данного института в системе финансового права. Автор приходит к выводу, что государственно-частное партнёрство стимулирует инновационные формы финансирования, влияя на укрепление общественных отношений в сфере формирования, распределения и использования денежных средств государством.

Ключевые слова: финансовое право, государственно-частное партнёрство, бюджет, предприниматели, инновационные проекты.

Государство стремится развивать экономику через разные механизмы. В современных экономических условиях взаимодействие государства и частного бизнеса становится необходимым, так как такая форма партнёрства позволяет обеим сторонам эффективнее реализовывать свой потенциал в отраслях, которые более уязвимы в периоды финансовых потрясений. Субъекты предпринимательской деятельности получают возможность получать государственные преференции — налоговые льготы, сниженные таможенные тарифы, предоставление земельных участков для развития бизнеса — благодаря взятым на себя материальным рискам. Обладая значительным административным ресурсом, государство делигирует свои обязанности предпринимателям для оперативной реализации проектов в различных отраслях.

В Российской Федерации государственно-частное партнёрство (далее — ГЧП) в последние годы стало ключевой моделью привлечения капитала при создании социальной инфраструктуры. Регионы стараются стимулировать частный бизнес для участия в социальных программах, например, правительство Свердловской области в рамках концепции «Уральская инженерная школа» реализовало прогрессивную шкалу налоговых вычетов для предприятий, инвестирующих в модернизацию учебных лабораторий [1]. Ещё в 2017 году председатель правительства Алтайского края Александр Карлин заявил, что ГЧП себя полностью оправдало, создав условия дина-

мического развития экономики региона, даже в периоды финансово-экономических кризисов [2]. Действительно, благодаря открытому взаимодействию государства и бизнеса происходит ускоренное прогрессирование отраслей. Министерство экономического развития Российской Федерации ежегодно осуществляет опубликование рейтинга субъектов Российской Федерации по уровню развития ГЧП, что говорит о активном внедрении данной форм софинансирования на государственном уровне. В 2024 году Амурская область, Ханты-Мансийский автономный округ и Челябинская область вошли в тройку лидеров в рамках оценки состояния нормативно-институциональной среды, главным фактором определения которой являлось наличие открытости органов власти для инвесторов и готовность оказания консультационной, финансовой поддержки проектам ГЧП [3]. 20 ноября 2025 года Государственная Дума Российской Федерации в третьем чтении приняла проект федерального бюджета на 2026–2028 годы, в котором приоритетным расходом стала социальная сфера [4]. Для бизнеса вводятся новые правила налогообложения, которые повышают расходы на уплату налогов. Это может привести к росту синergии возможностей государства и материальных ресурсов бизнеса.

Министерство экономического развития Российской Федерации заявило, что на 1 октября 2025 года находятся в стадии создания/эксплуатации или успешно завершены более 4,4 тыс. соглашений в сфере концессий и ГЧП [5].

Это говорит о актуализации института ГЧП в контексте новых горизонтов развития национальной экономики.

Для определения роли ГЧП в системе финансового права необходимо выявить правовую природу самого понятия. Легальная дефиниция закреплена в отраслевом законе, а именно в пункте 1 статьи 3 Федерального закона № 224 «О государственно-частном партнерстве, муниципально-частном партнерстве в Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», где государственно-частное партнерство — это юридически оформленное на определенный срок и основанное на объединении ресурсов, распределении рисков сотрудничество публичного партнера, с одной стороны, и частного партнера, с другой стороны, которое осуществляется на основании соглашения о государственно-частном партнерстве в целях привлечения в экономику частных инвестиций, обеспечения органами государственной власти доступности товаров, работ, услуг и повышения их качества [6]. Однако некоторые учёные-правоведы критически оценивают данное понятие, указывая, что сама формула взаимодействия «власть и бизнес» взята из английского права, термин «Public partnership» предполагает партнёрство публичных и частных интересов исключительно в условиях экономического либерализма [7, с. 3]. Конечно, реализация инфраструктурных проектов, где государство и бизнес становятся партнёрами, ведёт к риску возникновения коррупции.

Например, при системе государственных закупок государство и предприниматель становятся заказчиком и исполнителем соответственно, что ставит стороны в относительное неравенство при исполнении взятых обязательств. При ГЧП стороны становятся скорее партнёрами, а риски, возникающие при выполнении обязательств в рамках проекта, взаимными.

Законодатель видит сущность ГЧП в распределении рисков сотрудничества потому, что в процессе реализации того или иного проекта могут возникнуть обстоятельства, которые замедлят или вовсе сделают невозможным исполнения обязательств, о чём стороны заранее знают при заключении соглашений о партнёрстве. Федеральный закон в части установления механизма платежей при финансировании проектов ГЧП (статья 12) допускает, что государство вправе принимать на себя обязательства нести *часть расходов*. Но на практике возникает трудность с определением, что можно считать «частью» софинансирования со стороны публичного партнёра. Для того, чтобы институт ГЧП не стал средством обострения коррупционных проявлений, важно соблюдать принцип открытости. Согласно пункту 2 статьи 11 Федерального закона № 224 вся информация, связанная с проектами ГЧП, должна быть размещена на официальных сайтах уполномоченных органов. Это позволяет сделать институт ГЧП прозрачным для граждан и контролирующих органов, обеспечивая эффективность самого результата такого взаимодействия.

Обратимся к проекту федерального бюджета, в подпункте 1 пункта 2 статьи 5 которого указано, что казначайскому сопровождению подлежат такие целевые средства как субсидии юридическим лицам, с которыми было заключено соглашение о ГЧП. Соответственно согласно статье 242.25 Бюджетного кодекса Российской Федерации казначайскому сопровождению подлежат *средства федерального бюджета*, получаемые на основании соглашений [8]. Однако в силу пункта 5 статьи 6 Федерального закона № 224 финансирование создания объекта соглашения, его эксплуатации и (или) технического обслуживания осуществляется исключительно за счет предоставления *субсидий из бюджетов бюджетной системы Российской Федерации*. Таким образом, источником финансирования со стороны публичного партнёра выступают государственный, региональный или муниципальный бюджет. Например, в Постановление Правительства Санкт-Петербурга от 28.12.2020 № 1232 «Об утверждении порядка предоставления субсидий на реализацию соглашений о государственно-частном партнёрстве, публичным партнёром по которым выступает Санкт-Петербург, и концессионных соглашений, концедентом по которым выступает Санкт-Петербург» регламентирован порядок предоставления субсидий в рамках ГЧП, а также закреплён механизм возврата субсидий в бюджет субъекта, в случае если частный партнёр нарушает условия соглашения [9]. Субъекты путём принятия подзаконного нормативно правового акта самостоятельно определяют процедурные вопросы финансирования ГЧП на их территории.

Необходимо на конкретном примере комплексно рассмотреть весь процесс реализации проектов ГЧП. Для этого обратимся к кейсу инвестиционного проекта «Усадьбы Подмосковья»:

Нормативная основа: Постановление Правительства Московской области от 13.05.2013 г. № 297/17 «Об Утверждении порядка установления льготной арендной платы и её размеров в отношении объектов культурного наследия, находящихся в собственности Московской области» [10].

Условия: объекты, которые включены в проект, передаются инвесторам на конкурсной основе на праве долгосрочной аренды со сроком аренды на 49 лет, с правом свободного целевого использования. Инвестор, в свою очередь, обязан в течение 7 лет с даты передачи ему объекта провести реставрационные работы. После завершения реставрационных работ арендная плата устанавливается в размере 1 руб. за кв. м. в год — *льготная аренда (форма субсидии)*. Согласно пункту 10 Постановления № 297/17 льготная аренда может быть прекращена, если у арендатора есть задолженность по уплате в доход бюджета Московской области платежей, предусмотренных договором аренды.

Стороны: публичный партнёр — Правительство Московской области (общее руководство проектом); частный партнёр — Инвестиционная группа компаний ASG, ООО «Гранд», ООО «Бонус» и т. д.

Источник финансирования: средства частных инвесторов (собственные и заёмные).

Так государство в лице субъекта Российской Федерации привлекло предпринимателей для инфраструктурной деятельности, предоставив преференции в виде льготной аренды. Если бы субъект Российской Федерации единолично занимался финансированием данного проекта, то его реализация могла быть затянута на долгий срок, так как при распределении бюджетных средств учитываются весь спектр социальных и иных вопросов.

На основании вышеизложенного, стоит сделать вывод, что институт ГЧП с каждым годом становится всё более применяемым способом интеграции частных средств в государственные инвестиционные проекты. Его преимущество состоит в том, что публичному партнёру не нужно выделять сразу твёрдую сумму на реа-

лизацию проекта (например, как при государственных закупках), распределение бюджетных средств происходит постепенно, с учётом приоритетности сфер расходования. Важно отметить, что объекты по соглашению о государственно-частном партнерстве могут быть переданы в частную собственность, что является более выгодным условием для бизнеса, чем отсутствие такой возможности, как при заключении концессионных соглашений. В системе финансового права институт ГЧП занимает важнейшее место, являясь способом оптимизации расходования бюджетных средств за счёт привлечения частных инвестиций для создания и восстановления социальной инфраструктуры, что служит достижению одной из главных целей государственно-частного партнерства как института — достижению бюджетной эффективности.

Литература:

1. Налоговые стимулы в государственно-частном партнёрстве — драйвер технологической трансформации России [Электронный ресурс] <https://www.fa.ru/university/structure/university/uso/press-service/press-releases/nalogovye-stimuly-v-gosudarstvenno-chastnom-partnyerstve-drayver-tehnologicheskoy-transformatsii-ro> (дата обращения 10.11.2025).
2. Государственно-частное партнерство полностью себя оправдывает [Электронный ресурс] <https://www.vedomosti.ru/partner/articles/2017/05/24/691325-gosudarstvenno-chastnoe-partnerstvo> (дата обращения 10.11.2025).
3. Рейтинг регионов по уровню развития ГЧП [Электронный ресурс] https://www.economy.gov.ru/material/departments/d22/gosudarstvenno_chastnoe_partnerstvo/reyting_regionov_po_urovnyu_razvitiya_gchp/ (дата обращения 10.11.2025).
4. Законопроект № 1026181–8 О федеральном бюджете на 2026 год и на плановый период 2027 и 2028 годов [Электронный ресурс] <https://sozd.duma.gov.ru/bill/1026181-8> (дата обращения 10.11.2025).
5. В Минэкономразвития назвали главные результаты работы механизма ГЧП за три квартала 2025 года [Электронный ресурс] https://www.economy.gov.ru/material/news/v_minekonomrazvitiya_nazvali_glavnye_rezulaty_raboty_mehanizma_gchp_za_tri_kvartala_2025_goda.html (дата обращения 10.11.2025).
6. Федеральный закон от 13.07.2015 № 224 «О государственно-частном партнерстве, муниципально-частном партнерстве в Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (последняя редакция) // «Российская газета» от 17.07.2015 г.; Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru> (дата опубликования 14.07.2015).
7. В. Н. Баринов, Е. В. Будасова, Е. В. Васильчикова Понятие и сущность государственно-частного партнёрства // Экономика и бизнес: теория и практика. 2019. № 6–1. — 3 с.
8. Бюджетный кодекс Российской Федерации от 31.07.1998 № 145 (ред. от 31.07.2025) // «Российская газета» от 12.08.1998 г.; Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru> (дата опубликования 31.07.2025).
9. Постановление Правительства Санкт-Петербурга от 28.12.2020 № 1232 «Об утверждении Порядка предоставления субсидий на реализацию соглашений о государственно-частном партнерстве, публичным партнером по которым выступает Санкт-Петербург и концессионных соглашений, концедентом по которым выступает Санкт-Петербург» // Официальный сайт Администрации Санкт-Петербурга www.gov.spb.ru/norm_baza/nra от 30.12.2020
10. Постановление Правительства Московской области от 31.07.2018 № 480/26 «О внесении изменений в постановление Правительства Московской области от 13.05.2013 № 297/17 «Об утверждении Порядка установления льготной арендной платы и ее размеров в отношении объектов культурного наследия, находящихся в собственности Московской области» // «Ежедневные новости. Подмосковье» от 31.05.2013 — № 96.

Условия и цели привлечения эксперта и специалиста в гражданском процессе: сравнительно-правовой анализ

Смирнова Екатерина Вячеславовна, студент

Ульяновский государственный педагогический университет имени И. Н. Ульянова

В современном мире каждый день появляется новый способ совершения правонарушений из-за чего возникает сложность в решении гражданских споров, которые требуют специальных знаний в различных областях, например кибербезопасности, в процессах с использованием технологий и роботизации и т. д., вследствие чего роль эксперта и специалиста в гражданском процессе становится все более востребованной и значимой. Однако в российской правовой системе отсутствует четкое разграничение между этими двумя категориями лиц, что порождает правовую неопределенность и снижает качество судебной защиты. В статье проводится сравнительный анализ институтов эксперта и специалиста, исследуются их понятие, правовое положение, цели и условия привлечения. Особое внимание уделяется проблемам реализации правовых норм, а также предлагается комплекс мер по совершенствованию законодательства, включая внесение изменений в Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации для повышения прозрачности и справедливости гражданского судопроизводства.

Ключевые слова: эксперт, специалист, гражданский процесс, судебная экспертиза, доказательства, процессуальный статус, законодательство, правовая неопределенность.

Развитие науки, технологий и экономики привело к тому, что современные гражданские споры все чаще выходят за рамки компетенции судей, требуя привлечения специалистов в области медицины, техники, строительства, информационных технологий и др. Это обуславливает необходимость использования специальных знаний для установления фактов, имеющих значение для дела и вынесения справедливого решения. В рамках гражданского судопроизводства такими источниками специальных знаний являются эксперт и специалист.

Однако, несмотря на внешнее сходство функций, эти участники процесса принципиально различаются по правовому статусу, основаниям привлечения, кругу полномочий и юридическим последствиям их участия. В российском законодательстве, в частности в Гражданском процессуальном кодексе Российской Федерации (ГПК РФ), отсутствует четкое определение понятия «специалист», что на практике приводит к его смешению с понятием «эксперт». Такая правовая неопределенность создает коллизии в правоприменении, затрудняет реализацию принципа равенства сторон и снижает объективность судебного решения.

Актуальность темы обусловлена необходимостью повышения качества решения гражданских споров, обеспечения справедливого и обоснованного разрешения дел. Целью настоящей статьи является комплексный анализ условий и целей привлечения эксперта и специалиста в гражданский процесс с использованием сравнительно-правового подхода, а также выработка практических рекомендаций по совершенствованию российского законодательства в данной сфере. Достижение поставленной цели требует решения следующих задач: проанализировать понятие, правовое положение и процессуальный статус эксперта и специалиста; определить цели и условия их привлечения; раскрыть проблемы реализации правовых норм

о привлечении этих лиц; предложить пути совершенствования законодательства.

В соответствии со статьей 79 ГПК РФ, эксперт — это лицо, обладающее специальными знаниями в области науки, техники, искусства, ремесла или других областей, назначенное судом для дачи заключения по вопросам, требующим таких знаний. Эксперт выступает в процессе как независимый участник, не связанный интересами сторон, и действует по поручению суда. Его заключение, предусмотренное статьей 86 ГПК РФ, является одним из видов доказательств и подлежит оценке судом наряду с другими материалами дела [1].

Эксперт приобретает процессуальный статус после официального назначения судом и наделяется определенными правами и обязанностями. Он имеет право запрашивать материалы, давать пояснения, отказаться от проведения экспертизы при отсутствии условий или компетенции, получать вознаграждение. Его обязанности состоят в добросовестном и объективном выполнении поручения, своевременном явлении в суд и соблюдении тайны информации, полученной в ходе экспертизы. Нарушение этих обязанностей может повлечь уголовную ответственность по статье 307 Уголовного кодекса РФ за дачу заведомо ложного заключения.

В отличие от эксперта, специалист в ГПК РФ не определяется как самостоятельный вид участника процесса. Статья 57 ГПК РФ лишь указывает на возможность привлечения специалистов, но не раскрывает их правовой природы. На практике под специалистом понимается лицо, обладающее специальными знаниями, которое привлекается для оказания содействия суду или сторонам в понимании сложных вопросов, но не дает формального заключения, как эксперт.

Специалист может быть приглашен по инициативе суда для разъяснения вопросов в ходе судебного заседания или одной из сторон в качестве лица для полу-

чения консультаций или оказания технической помощи. Данное определение полномочий отражено в статье 188 ГПК РФ. Консультации специалиста не имеют доказательственной силы и не являются частью доказательств, в отличие от экспертных заключений. Специалист не проводит специальные исследования материалов, предоставленных судом.

Особо важно то, что в законодательстве не установлены четкие права и обязанности специалиста в полной мере. Это создает правовую неопределенность и позволяет на практике наблюдать ситуации, когда специалист, приглашенный стороной, фактически выполняет функции, близкие к функциям эксперта (дает оценку документам, проводит расчеты, делает выводы), что может нарушать принцип равенства сторон и контроль качества доказательств (статья 12 ГПК РФ).

Цель привлечения эксперта — установление фактов, которые невозможно установить без проведения специального исследования (экспертизы). Это происходит в случаях, когда вопросы, имеющие значение для дела, выходят за рамки общепринятых знаний и требуют применения специальных методов и научных знаний. К таковым относятся, например, определение отцовства (генетическая экспертиза), установление подлинности подписи (почерковедческая экспертиза), оценка причин аварии (автотехническая экспертиза).

Привлечение эксперта осуществляется по ходатайству стороны или по инициативе суда. Окончательный выбор эксперта, однако, остается за судом. С 2 августа 2024 года вступили в силу поправки в ГПК РФ, согласно которым суд назначает экспертизу только после предоплаты заявившим ходатайство лицом. Это направлено на защиту прав экспертов и предотвращение финансовых рисков [2].

Цель привлечения специалиста — оказание консультационной и технической помощи суду для разъяснения сложных вопросов без проведения специального исследования. Например, специалист может помочь определить тип необходимой экспертизы, сформулировать вопросы для эксперта, помочь в сборе образцов для анализа. Основания для привлечения специалиста ограничены перечнем, приведенным в статье 188 ГПК РФ, что считается недостаточным. Предлагается расширить этот перечень, добавив положение о возможности привлечения специалиста в случаях возникновения вопросов, требующих наличия специальных знаний в ходе судебного разбирательства.

На практике существует ряд серьезных проблем, связанных с реализацией правовых норм о привлечении экспертов и специалистов [3, с. 165].

Первая проблема — правовая неопределенность. Отсутствие четкого определения понятия «специалист» в ГПК РФ приводит к его смешению с понятием «эксперт». В арбитражной практике часто встречаются случаи, когда стороны привлекают «независимых консультантов» или «технических экспертов», которые проводят исследо-

вания и представляют заключения, не будучи официально назначенными экспертами. Суды принимают такие материалы, но не всегда корректно определяют их правовую природу, что нарушает принципы процессуальной справедливости.

Вторая проблема — низкий уровень анализа экспертных заключений судьями. Экспертные заключения часто обладают высокой технической сложностью и составлены на научном языке, что выходит за рамки компетенции судей. Отсутствие четких юридических критериев для оценки достоверности и научной обоснованности заключений делает процедуру допроса эксперта неэффективной. В результате судья может необоснованно полагаться на экспертное мнение, что противоречит конституционному принципу независимости судебной власти.

Третья проблема — ограниченные полномочия специалиста. Перечень действий, которые может выполнять специалист, закрыт и ограничен вышеупомянутой статьей 188 ГПК РФ. Это не позволяет ему эффективно участвовать в оценке экспертных заключений. Например, специалист не может быть привлечен для участия в допросе эксперта, что является ключевым моментом для всестороннего анализа примененной методологии.

Четвертая проблема — неэффективное использование внепроцессуальных заключений. Заключения, полученные вне судебного процесса (например, по инициативе истца), часто не признаются судами как допустимые доказательства, если они не соответствуют установленным требованиям (отсутствие предупреждения об уголовной ответственности, проведение без участия ответчика и т. д.). Однако в некоторых случаях суды принимают такие заключения, что создает неоднозначность в правоприменении.

Для решения выявленных проблем и повышения эффективности гражданского судопроизводства необходимо внести изменения в ГПК РФ:

1. Ввести отдельную статью, определяющую понятие, статус и правовые основания привлечения специалиста.
2. Разрешить оформление заключения специалиста в письменной форме при участии обеих сторон, чтобы повысить его прозрачность и проверяемость.
3. Установить требования к квалификации и независимости специалиста.
4. Расширить перечень действий специалиста, включив возможность его привлечения для участия в допросе эксперта и оценке экспертного заключения.
5. Дополнить статью 187 ГПК РФ новым пунктом 3 в примерной формулировке: «Суд имеет право по собственной инициативе или по ходатайству сторон привлекать специалиста для дачи пояснений по заключению эксперта. Привлеченный специалист участвует в судебном разбирательстве в порядке, предусмотренном статьей 188 настоящего Кодекса».
6. Изменить часть 1 статьи 188 ГПК РФ, сделав ее открытым перечнем: «В необходимых случаях при рассмо-

трении письменных или вещественных доказательств, воспроизведении аудио- или видеозаписей, проведении экспертизы, допросе свидетелей и экспертов...».

Данные меры позволяют четко разграничить роли эксперта и специалиста, повысить прозрачность процесса, снизить количество необоснованных повторных экспертиз и в конечном итоге повысить качество и объективность судебных решений.

Таким образом, эксперт и специалист играют важнейшую роль в современном гражданском процессе, обеспечивая разрешение сложных споров с использованием специальных знаний. Однако в российском законодательстве отсутствует четкое разграничение их правового статуса, что порождает правовую неопределенность и снижает качество правосудия. Эксперт — это полноценный

участник процесса, дающий доказательственное заключение, в то время как специалист — вспомогательное лицо, оказывающее консультационную помощь [4, с. 65].

Как показывает практика, границы между этими фигурами часто размыты, что требует как теоретического осмысливания, так и законодательного уточнения. Предложенные изменения в ГПК РФ, включая введение отдельной статьи о специалисте и расширение его полномочий, являются необходимыми шагами для повышения эффективности, объективности и справедливости гражданского судопроизводства. Только четкое регулирование институтов эксперта и специалиста позволит максимально эффективно использовать специальные знания в целях обеспечения справедливого правосудия [5, с. 249].

Литература:

- Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 191-ФЗ (ред. от 31.07.2025) // Собрание законодательства РФ. — 2002. — № 10. — Ст. 1502 ; Собрание законодательства РФ. — 2025. — № 31. — Ст. 7482.
- Федеральный закон от 31.05.2001 № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» (ред. от 22.07.2024) // СПС «КонсультантПлюс». — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_31871/
- Шахмарданов, В. Д. Правовой статус эксперта и специалиста: основные отличия / В. Д. Шахмарданов // Тенденции развития науки и образования. — 2024. — № 115-9. — С. 164–166. — DOI: 10.18411/trnio-11-2024-426
- Дубровская, Е. А. Правовой статус специалиста в гражданском процессе / Е. А. Дубровская, В. В. Дубровский // Закон и власть. — 2024. — № 3. — С. 64–67.
- Лихолетова, Н. А. Роль специалиста в гражданском процессе / Н. А. Лихолетова // Молодежь и общество: проблемы и перспективы развития : материалы XII Междунар. науч.-практ. конф. студентов, магистров и аспирантов, Ярославль, 13 мая 2022 г. / отв. ред. Н. С. Семенова. — Ярославль : Моск. финансово-юрид. ун-т МФЮА, 2022. — С. 248–252.
- Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26.06.2008 № 13 «О применении норм Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации при рассмотрении и разрешении дел в суде первой инстанции» // Российская газета. — 2012. — № 38.
- Обзор судебной практики Верховного Суда РФ № 2, 3 (2024) // СПС «КонсультантПлюс». — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_491650/
- Агаркова, А. А. Специалист и эксперт в гражданском процессе: характеристика и их сравнение / А. А. Агаркова // Modern Science. — 2021. — № 12-3. — С. 125–127.
- Добробабина, Д. Д. Различия правового статуса эксперта в гражданском и арбитражном процессах / Д. Д. Добробабина // Экономическое правосудие на Дальнем Востоке России. — 2023. — № 2 (29). — С. 115–118.

Правовое регулирование оборота долей: национальное законодательство и международный опыт

Соцков Василий Иванович, студент магистратуры
Московский финансово-юридический университет МФЮА

В статье исследуются особенности правового регулирования оборота долей в уставном капитале хозяйственных обществ на основе анализа российского законодательства, судебной практики и сопоставления с международными моделями (Великобритания, штат Делавэр, США). Уделено внимание институту преумущественного права, нотариальной форме сделок, договорным механизмам ограничения оборота, оценке действительной стоимости доли, а также особенностям перехода долей при банкротстве и обращении взыскания.

Ключевые слова: доля в уставном капитале, оборот долей, ООО, преимущественное право, нотариальная форма, корпоративные договоры.

Оборот долей в уставном капитале российских хозяйственных обществ представляет собой фундаментальный механизм корпоративного устройства, через который распределяются управленические рычаги и экономические интересы участников. Национальная правовая конструкция, сформированная нормами Гражданского кодекса РФ и Федерального закона от 08.02.1998 № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» (далее — Закон об ООО), традиционно тяготеет к повышенному уровню формализации. Она предполагает обязательное нотариальное оформление сделок с долями (ст. 21), наличие строго регулируемого преимущественного права приобретения (ст. 21.1), а также возможность участникам через устав или корпоративный договор вводить дополнительные режимы оборота долей (ст. 67.2 ГК РФ). Эти инструменты формируют замкнутость корпоративного состава и препятствуют произвольной смене участников, но при этом значительно увеличивают трансакционные издержки и замедляют деловой оборот.

Преимущественное право, одно из ключевых звеньев российского регулирования, неоднократно становилось центром серьёзных судебных споров. Президиум Высшего Арбитражного Суда РФ в постановлении от 06.03.2012 № 10590/11 по делу А40-3958/10-62-51 указал на обязательный характер этого института: игнорирование порядка его реализации нарушает баланс интересов общества и его участников и влечёт недействительность сделки. Верховный Суд в последующие годы последовательно подтверждал эту позицию, включая определение от 23.05.2023 № 305-ЭС23-8438, акцентируя, что сбои в уведомлении или соблюдении сроков реализации преимущественного права лишают сделку юридической силы, даже если приобретатель действовал добросовестно.

Особое место в российской модели занимает нотариальная форма. Согласно п. 11 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23.06.2015 № 25, несоблюдение этого требования делает сделку ничтожной. Функция нотариуса здесь — не формальность, а способ обеспечить достоверность перехода прав, корректное обновление данных ЕГРЮЛ и проверку полномочий участников. Однако универсальная обязательность нотариального удостоверения обрачивается заметными затратами, особенно когда речь идёт о многоступенчатых инвестиционных сделках.

Отдельный пласт споров связан с определением действительной стоимости доли — будь то выход участника (ст. 14 Закона об ООО) или продажа доли в рамках исполнительных процедур. В определении Верховного Суда РФ от 20.02.2020 № 305-ЭС19-22441 прямо указано, что ориентироваться исключительно на бухгалтерскую отчётность недопустимо: требуется опора на объективные методы рыночной оценки. Однако отсутствие законо-

дательной методики порождает разнонаправленные судебные выводы.

Банкротные дела добавляют сложности. Арбитражные суды неоднократно подчёркивали: реализация доли должника через торги должна учитывать уставные положения и преимущественные права действующих участников. В деле № А41-68216/2019 было отмечено, что игнорирование этих требований нарушает корпоративные права и способно повлечь отмену результатов торгов. Такая практика свидетельствует о стремлении правопорядка удерживать баланс между интересами кредиторов и автономией корпоративной структуры.

Сравнение с зарубежными правопорядками подчёркивает различие философий. В Великобритании Companies Act 2006 не навязывает нотариальных требований и не устанавливает жёстких ограничений для сделок с акциями частных компаний; большинство правил содержится в уставе (articles of association) и акционерных соглашениях. Преимущественное право там носит договорный характер. Это повышает мобильность оборота корпоративных прав, перекладывая ответственность за защиту структуры капитала на самих участников.

Ещё более гибкую модель демонстрирует Делавэр. Delaware LLC Act позволяет участникам свободно определять порядок передачи экономических и управленических прав. Суд Делавэра в деле In re Carlisle Etcetera LLC (2015) детализировал различие между передачей экономических прав (assignment) и принятием нового участника (admission), подчеркнув приоритет положений операционного соглашения. Такая договорная свобода снижает трансакционные издержки и делает регулирование предсказуемым, но предъявляет повышенные требования к качеству документов.

В результате сопоставления становится очевидно: российская система ориентирована на охрану закрытого характера обществ, тогда как ангlosаксонские модели развивают автономию сторон и возлагают регулятивную нагрузку на корпоративные договоры. При этом российская практика постепенно движется в сторону усиления договорной составляющей и детализации процедур оценки и отчуждения долей.

Для повышения эффективности регулирования в России представляется целесообразным дифференцировать требования нотариальной формы — например, сделать её обязательной только для сделок, затрагивающих контроль над обществом. Немаловажным шагом стала бы разработка единого методического подхода к определению действительной стоимости доли. Также требуется дальнейшее развитие судебных разъяснений, обеспечивающих единообразное применение норм о преимущественном праве и об оспаривании сделок с долями. Зарубежный опыт Великобритании и Делавэра показывает, что

расширение договорных возможностей способно значительно ускорить оборот корпоративных прав без ущерба для правовой защищённости участников.

Таким образом, модернизация российского законодательства об обороте долей должна учитывать международный опыт, сохраняя баланс между защитой интересов общества и стимулированием инвестиционно привлекательной корпоративной среды. Наиболее перспектив-

ными направлениями выступают: дифференциация нотариальной формы, разработка официальных методик оценки долей, расширение сферы корпоративных договоров и создание более последовательной судебной практики. Реализация этих задач позволит повысить предсказуемость и эффективность правового режима оборота долей, укрепив его соответствие современным экономическим и корпоративным потребностям.

Литература:

1. Гражданский Кодекс Российской Федерации от 30.11.1994 // Официальный интернет-портал правовой информации.
2. Постановление Президиума ВАС РФ № 10590/11 от 06.03.2012.
3. Постановление Пленума ВС РФ от 23.06.2015 № 25.
4. Решение Арбитражного Суда по делу № А41-68216/2019.
5. Определения Верховного Суда РФ: № 305-ЭС23-8438 (2023), № 305-ЭС19-22441 (2020) и др.
6. Федеральный закон № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» от 08.02.1998 (ред. от 08.08.2024, с изм. и доп., вступ. в силу с 01.03.2025) // Официальный интернет-портал правовой информации (дата обращения: 26.03.2025)
7. Companies Act 2006 (UK).
8. Delaware Limited Liability Company Act, Title 6, Chapter 18 (USA).
9. In re Carlisle Etcetera LLC, Delaware Chancery Court, 2015.

Нарушение прав авторов музыкальных композиций в цифровой среде

Старцева Ирина Игоревна, студент магистратуры
Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России) (г. Москва)

В статье исследуется вопрос нарушения интеллектуальной собственности в интернете, особенно в контексте авторских прав на музыкальные произведения. Автор подчеркивает, что легкость распространения контента в сети создает благоприятную почву для нарушений авторских прав. Анализируя конкретные проблемы, связанные с защитой музыки в интернете, статья предлагает возможные решения и приходит к выводу о необходимости внесения изменений в действующее законодательство и совершенствования инструментов защиты интеллектуальной собственности.

Ключевые слова: музыкальное произведение, авторское право, объект авторского права, сеть «Интернет», охрана исключительного права.

Современная культура немыслима без музыкальных произведений с текстом или без текста. В последние годы особенно, музыкальная индустрия стала неотъемлемой частью экономики любой страны. Использование музыкальных произведений различными способами все больше рассматривается со стороны монетизации контента. С точки зрения бизнес-процессов значимость музыкальных произведений в разы превосходит оценочную стоимость товарных знаков, изобретений и иных результатов интеллектуальной деятельности, охраняемых патентами.

Например, по оценке **J'son and Partners Consulting**, объем рынка музыкального стриминга в России в 2024 году достиг 38,01 млрд рублей. Рост по отношению к 2023 году составил 51 %. Рынок устойчиво растет два года подряд (в 2023 году он увеличился на 13 % к 2022 году) [9].

Статья 1259 ГК РФ содержит открытый перечень объектов авторского права. Среди прочих таковыми являются музыкальные произведения с текстом или без текста. Важно отметить, что само определение «музыкальное произведение» не закреплено на законодательном уровне не только в Российской Федерации, но и в международном праве.

Анализируя ст. 1257 и ст. 1259 ГК РФ можно сделать вывод, что музыкальное произведение является результатом творческой деятельности, выраженным в объективной форме. Под объективной формой подразумевается воплощение творческого замысла автора, будь то нотные записи, партитуры, фиксация текста, выполненные собственноручно либо с помощью технических средств, звуко- и видеозапись. Важно отметить, что охране авторским правом подлежит именно форма про-

изведения, а не его содержание. Таким образом различные идеи, концепции, замыслы, сюжетные линии не подлежат охране авторским правом до момента их воплощения в ту или иную форму.

П. Г. Дадян в своём диссертационном исследовании «Музыкальное произведение как самостоятельный объект авторского права: теоретико-правовое исследование» даёт следующее определение музыкального произведения: Это произведение искусства, являющееся результатом творческой (интеллектуальной) деятельности автора, которое становится полноценным объектом авторского права в случае своего внешнего выражения в какой-либо объективной форме, воспринимаемым не только автором, но и другими физическими лицами, и состоящее из совокупности звуковых колебаний, организованных в определённом автором или исполнителем порядке по высоте и по времени [5].

В гражданском законодательстве, по мнению П. Г. Дадяна, необходимо предусмотреть следующие формы музыкальных произведений:

— Электронная (цифровая): Форма, воплощенная в компьютерных файлах.

— Сетевая (интернет-форма): Форма, предназначенная для распространения и потребления только в онлайн-среде.

Одним из самых популярных источников размещения различного, в том числе музыкального, контента в настоящее время является информационная сеть «Интернет». Размещение контента в сети «Интернет» обладает как преимуществами, так и недостатками. К числу преимуществ относится возможность широкого распространения информации и охват значительной аудитории. С другой стороны, процессу доведения произведений до всеобщего сведения посредством сети «Интернет» нередко сопутствует нарушение исключительных прав авторов и иных правообладателей музыкальных произведений с текстом или без текста. Обусловлено это тем, что получение согласия надлежащего правообладателя, не является обязательным этапом в процессе размещения музыкального контента.

В настоящее время отсутствуют действенные механизмы для отслеживания распространения объектов авторского права, что делает интернет-пространство уязвимым для нарушений. Законодательство не в состоянии обеспечить адекватную защиту интеллектуальных прав в сети, особенно когда речь идет о музыке. Незаконное распространение и использование музыкальных произведений без надлежащих разрешений лишает авторов возможности полноценно реализовать свои законные интересы. Основным барьером для защиты авторских прав на музыку в интернете является повсеместное пиратство и бесконтрольное копирование. Интернет, будучи средой свободного обмена информацией, способствует искаложению, несанкционированной передаче и использованию произведений. Более того, часто страдают и неимущественные права авторов, а поиск и привлечение к ответ-

ственности нарушителей представляют собой серьезную проблему.

Нарушение авторских прав на музыку — глобальная проблема современности, актуальная как для России, так и для всего мира. Нелегальный контент свободно распространяется вместе с лицензионным. Именно благодаря колоссальному интересу к музыке и ее широкому охвату в сети, интернет стал платформой, где чаще всего нарушаются исключительные права авторов.

Важно изучить и проанализировать существующие методы защиты музыкальных произведений, а также определить основные проблемы, возникающие при практическом осуществлении прав авторов на свои творения. Согласно статье 1226 Гражданского кодекса РФ, интеллектуальные права — это права на результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации, которые включают в себя исключительное право, личные неимущественные права и иные права. В бытовом понимании, интеллектуальное право — это законное право человека распоряжаться своей интеллектуальной собственностью по своему усмотрению, используя любые разрешенные законом способы.

С. Я. Казанцев и О. Э. Згадзай определяют защиту авторских прав как «совокупность мер, направленных на признание или восстановление авторских прав и защиты интересов их правообладателей при их нарушении или оспаривании» [7, с. 57].

Субъектами защиты авторских прав являются авторы и/или иные надлежащие правообладатели. Объектом выступают непосредственно авторские права. Авторское право — это совокупность правовых норм, которые регулируют отношения, возникающие при создании и использовании произведений науки, литературы и искусства.

Закон охраняет оригинальные произведения, являющиеся результатом творческого труда, независимо от их назначения и достоинства. При этом предметами интеллектуального права являются нематериальные продукты, следовательно интеллектуальное право существует независимо от права собственности на материальный носитель.

Автором признается тот, кто создал произведение своим творческим трудом. Несмотря на возможность передачи исключительных прав третьим лицам, автор сохраняет за собой право называться создателем. Использование авторских произведений разрешено законом, но требует согласия правообладателя. Эти положения закреплены в статьях 1259 и 1270 Гражданского кодекса РФ.

Законодатель определяет использование произведений без согласия надлежащего правообладателя как незаконные действия. ФЗ от 02 июля 2013 года № 187-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ по вопросам защиты интеллектуальных прав в информационно-телекоммуникационных сетях» описывает алгоритм действий при нарушении прав правообладателей и предусматривает возможность заблокировать нелегальный контент [2].

К сожалению, блокировка нелегального контента не гарантирует полного решения проблемы, так как технически подкованные пользователи способны оперативно создавать альтернативные ресурсы для размещения объектов интеллектуальной собственности.

Также отметим, что развитие технологических решений, информационно-коммуникационных средств, появление новых платформ значительно опережает процесс совершенствования законодательства, регулирующего сферу исключительного права.

Отсутствие в российском законодательстве нормативной базы для регулирования интернета приводит к серьезным проблемам, особенно в сфере защиты авторских прав на музыкальные произведения. Безнаказанное пиратство и плагиат процветают, поскольку существующие механизмы защиты неэффективны. Анонимность в сети позволяет нарушителям скрывать свою личность при распространении нелегального контента, что делает практически невозможным привлечение их к ответственности.

Учитывая глобальный и децентрализованный характер интернета, мгновенное распространение контента, а также легкость копирования и модификации цифровых материалов, решение проблемы нарушения авторских прав требует сложного и многостороннего подхода. Эффективное решение возможно только при одновременном использовании законодательных инструментов, технологических разработок и активного международного сотрудничества.

Институт авторского права нуждается в модернизации для соответствия цифровой эпохи. Следует внедрить системы, позволяющие правообладателям требовать удаления пиратского контента с платформ. Необходимо

применять гражданско-правовые санкции за нарушение авторских прав. Также стоит активнее использовать материалы под открытыми лицензиями, которые разрешают свободное использование произведений широкой аудиторией.

Технологический подход предполагает использование блокчайна для ведения реестра прав и мониторинга их использования. Такой подход обеспечивает полную прозрачность и абсолютную достоверность информации о владельцах прав и условиях лицензионных соглашений. Параллельно, внедрение цифровых водяных знаков — невидимых маркеров — позволит однозначно идентифицировать правообладателя и отслеживать любые попытки несанкционированного использования. Для эффективного управления доступом к контенту и предотвращения его незаконного копирования и распространения следует применять системы управления цифровыми правами (Системы управления цифровыми правами (DRM) — это программные или программно-аппаратные средства, которые ограничивают либо затрудняют различные действия с данными в электронной форме (копирование, модификацию, просмотр и т. п.) либо позволяют отследить такие действия). Эти системы используют передовые методы шифрования и авторизации, требуя от пользователей получения лицензии для получения доступа к материалам.

В заключение, важно подчеркнуть, что участившиеся случаи нарушения интеллектуальных прав в интернете создают предпосылки для необходимости усовершенствования законодательства об авторском праве. Целью законодательной деятельности должно стать повышение эффективности системы контроля и защиты авторских и других прав в онлайн-пространстве.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18.12.2006 № 235 ФЗ (ред. от 23.07.2025) // Российская газета.
2. Федеральный закон от 02 июля 2013 года № 187-ФЗ (ред. от 12.03.2014) «О внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ по вопросам защиты интеллектуальных прав в информационно-телекоммуникационных сетях».
3. Указ Президента РФ от 7 октября 1993 г. № 1607 «О государственной политике в области охраны авторского права и смежных прав»;
4. Близнец И. А. Авторские и смежные права в музыкальной индустрии.// Проспект, — 2025, — 256 с.
5. Дадян П. Г. Музыкальное произведение как самостоятельный объект авторского права: теоретико-правовое исследование: дис. кан. юрид. наук. П. Г. Дадян. — Москва, — 2015, — 143 с.
6. Щербак Н. В. Право интеллектуальной собственности. Общее учение.// Н. В. Щербак. Авторское право и смежные права. — М.:Юрайт, — 2019, — 310 с.
7. Казанцев С. Я. Авторские права и их защита в сети Интернет/С. Я. Казанцев, О. Э. Згадзай // Вестник Казанского юридического института, 2010, № 1. — С.57–62
8. Ленковская Р. Р., Шиловская А. Л. Особенности защиты авторских прав в сети Интернет // Социально-политические науки. 2017. №5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-zashchity-avtorskih-prav-v-seti-internet> (дата обращения: 04.12.2025).
9. URL: <https://json.tv/analytic/rynek-strimgovyh-muzykalnyh-servisov-rossii-2022-2024-gody-prognoz-do-2029-goda/>

Проблемы и перспективы кодификации мер обеспечения производства по делам об административных правонарушениях

Толошняк Александр Игоревич, студент магистратуры
Московский финансово-юридический университет МФЮА

В статье рассматриваются вопросы, касающиеся проблем законодательного развития мер обеспечения производства по делам об административных правонарушениях, проводится историко-правовой анализ законодательного оформления исследуемых мер, позволяющий более подробно проследить с правовой точки зрения их систематизацию и кодификацию.

Ключевые слова: система, кодификация, административно-деликтное законодательство, меры обеспечения, производство по делам об административных правонарушениях, этапы, эволюция.

Актуальность исследования, проведенного в рамках статьи, не оставляет сомнений, поскольку российские ученые отмечают факт того, что для современной системы мер обеспечения производства по делам об административных правонарушениях характерен длительно-поступательный путь развития, изучение которого способствует обнаружению эффективных подходов, существовавших в различные пространственно-исторические промежутки времени [2]. Ученые-административисты достаточно скрупулезно занимались разработкой проблем классификации законодательства об административных правонарушениях, чего нельзя сказать о вопросах историко-правового развития системы мер обеспечения производства по делам об административных правонарушениях, которым не было уделено научно-исследовательского внимания в той мере, в какой они, по мнению автора, этого заслуживают.

Первые полицейские наказания, отличные от уголовных и налагаемые без производства следствия и суда, появились в период царствования Екатерины II. В 1782 году издается Устав благочиния, или полицейский, по которому в городах учреждался новый полицейский орган — Управа благочиния, осуществлявшая функции обеспечения правопорядка на территории России, полиция становится все более военизированным формированием. С этого времени применяемые полицейскими административные принудительные меры преследовали цель обеспечения наказания и его исполнения. Следует отметить, что в законодательстве того времени отсутствовала детализация правового регулирования процессуального порядка и сроков применения исследуемых в статье мер обеспечения [4].

Такой «правовая ситуация» оставалась вплоть до первых десятилетий XX века, и лишь в 1925 году Постановлением Совета народных комиссаров РСФСР было введено в обиход понятие «административная ответственность» и прописаны полномочия производства административного задержания. Чуть позже в законодательстве середины XX века появляется доставление, что позволяет говорить о выстраивании видовой составляющей структуры исследуемых мер [1]. В это же время должностные лица государственных органов и общественных органи-

заций наделяются полномочиями применять при пресечении правонарушений изъятие орудий совершения противоправных деяний, включая огнестрельное оружие при нарушении правил приобретения, регистрации, использования и хранения, а также удостоверения на управление транспортными средствами [3].

Таким образом, к концу XX века советское административно-деликтное законодательство предусматривало в системе мер обеспечения производства по делам об административных правонарушениях следующие меры: доставление, административное задержание; задержание транспортного средства; запрещение эксплуатации транспортного средства; отстранение от управления транспортным средством лиц, совершающих административные правонарушения; изъятие у нарушителей орудий совершения правонарушений; досмотр.

Новой вехой в законодательном развитии института мер обеспечения производства по делам об административных правонарушениях стали 80-е годы XX столетия, которые выявили острую необходимость кодификации и систематизации законодательства в области административных правонарушений. Решением проблемы стало принятие Основ, установивших принципы и общие положения законодательства об административных правонарушениях, и КоАП РСФСР (далее — Кодекс), впервые объединившего административно-деликтные процессуальные и материальные нормы. Впервые на законодательном уровне в ст. 33 Основ появилось указание на возможность применения ряда мер обеспечения производства по делам об административных правонарушениях (административного задержания, досмотра вещей и изъятия вещей и документов). Вместе с тем проведенная законодателем кодификация мер обеспечения производства по делам об административных правонарушениях была неполной и не содержала порядок применения всех мер, ограничивающих свободы личности. Таким образом, по состоянию на начало XXI века возникли предпосылки создания нового, отвечающего современному уровню развития общественных отношений, кодифицированного правового акта. Поскольку в КоАП РСФСР за весь период его действия было внесено огромное количество поправок, законодатель счел целесообразным не проводить его «кос-

метический ремонт», а путем «сноса старого здания» на его месте выстроить новое под названием «Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» (далее — КоАП РФ). 30 декабря 2001 года В. Путин утвердил своим Указом КоАП РФ, который вступил в действие с 1 июля 2002 года и закрепил (в первоначальной своей редакции) 12 мер обеспечения производства по делам об административных правонарушениях, определил их общие цели, закрепил понятийный аппарат.

Таким образом, законодательную эволюцию исследуемых в статье мер можно условно разделить на сле-

дующие этапы: 1) начальный (с XVIII века до конца XX века); 2) промежуточный (конец XX века — начало XXI века); 3) современный этап (с начала XXI века — по настоящее время). Первый этап характеризуется разрозненностью административно-деликтного законодательства; второй — попытками научно-законодательного осмысления системы исследуемых мер; третий — единой систематизацией и кодификацией процедур применения данных мер, изъятием соответствующих норм из иных законодательных и ведомственных нормативных правовых актов.

Литература:

1. Канунникова Н. Г. К вопросу зарождения института административных правонарушений (проступков) / Н. Г. Канунникова // Административное право и процесс. 2012. № 6. С. 22–24.
2. Куртяк И. В. Административно-деликтное законодательство: понятие, содержание, этапы развития / И. В. Куртяк // История государства и права. 2003. № 6. С. 19–21.
3. Максимов И. В. Административные наказания в системе мер административного принуждения (концептуальные проблемы): Автореф. дис.... докт. юрид. наук / И. В. Максимов. Саратов, 2004. 54 с.
4. Шергин А. П. Административно-деликтное законодательство России: состояние, проблемы, перспективы // Административное право и административный процесс: актуальные проблемы: Сборник статей, посвященный памяти Юрия Марковича Козлова / Отв. ред. Л. Л. Попов и М. С. Студеникина. М.: Юристъ, 2004. С. 175–176.

Международно-правовые аспекты обеспечения производства по делам об административных правонарушениях: существующие проблемы

Толошняк Александр Игоревич, студент магистратуры
Московский финансово-юридический университет МФЮА

В статье анализируются базовые международно-правовые акты, провозглашающие общеправовые принципы международного права, которые определяют правила реализации мер обеспечения производства по делам об административных правонарушениях; систематизируются правовые характеристики данных принципов, прослеживается их тесная взаимосвязь с мерами принуждения, ограничивающими на законных основаниях права и свободы человека. Автор, предлагая свое видение применения анализируемых в статье мер, достигает поставленных целей путем использования таких научных методов исследования, как диалектический, эмпирического обобщения, сравнительного анализа.

Ключевые слова: международно-правовое законодательство, меры обеспечения производства по делам об административных правонарушениях, принципы, права, свободы, достоинство, задержанное лицо, административное задержание.

Правовая система Российской Федерации всегда была тесно взаимосвязана с международно-правовым законодательством, выступающим своего рода «базисом» для нее, «несущей конструкцией», представленной общеправовыми принципами международного права, нашедшими свое отражение в Конституции нашей страны. Данные принципы, помимо всего прочего, распространяют свою законодательную сферу влияния на институт мер обеспечения производства по делам об административных правонарушениях, насыщая их правовую составляющую четкими границами, размерами и необходимым вектором направленного принудительного воздействия на

права и свободы тех, в отношении кого они применяются. Примат международного права требует от норм административно-деликтного законодательства строгого учета важнейших положений, закрепляющих необходимые для защиты интересов, прав и свобод общечеловеческие ценности, нашедшие свое отражение в таких «столпах» международного права, коими являются Всеобщая декларация прав человека; Международный пакт о гражданских и политических правах; Декларация о защите всех лиц от пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания; Конвенция ООН против пыток и других жестоких, бесчело-

вечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания; Европейская конвенция по предупреждению пыток и бесчеловечного или унижающего достоинство обращения или наказания; Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод и др. [2].

Ученые, придерживающиеся мнения о том, что решения, принимаемые Европейским судом по правам человека, носят прецедентный характер, считают, что они также оказывают правовое воздействие на существенную составляющую исследуемых в статье мер обеспечения. Данный факт подтверждается тем обстоятельством, что по постановлению Конституционного Суда Российской Федерации решения Европейского суда по правам человека, воплотившие в себе нормы международного права и общепризнанные принципы, являются неотъемлемой составляющей российской правовой системы.

Реализация мер обеспечения производства по делам об административных правонарушениях, непосредственно пересекаясь с правами, свободами и законными интересами граждан, балансирует по тонкой грани соблюдения их правовой незыблемости. Сохранить этот тонкий, но важнейший механизм позволяют нормы и принципы, которые имеют международно-правовые истоки в вопросах обеспечения соблюдения обязательств по защите прав, свобод и законных интересов граждан каждым государством.

Широко признаваемым правовым сообществом является принцип соблюдения фундаментальных прав и свобод человека независимо от ситуации, в которую включаются и вооруженные конфликты. Конвенция о защите прав человека и основных свобод предусматривает случаи отступления от прописанных в ней обязательств, строго очерчивая причинные составляющие ограничительного действия государства по защите прав человека и основных свобод (война, чрезвычайные обстоятельства, угрожающие жизни нации), «при условии, что такие меры не противоречат другим ее обязательствам по международному праву». Данным положениям Конвенции вторит Международный пакт о гражданских и политических правах, который, допуская применение вышеназванных мер, ограничивает их только той степенью, «в какой это требуется остротой положения, при условии, что такие меры не влекут дискриминации исключительно на основе расы, цвета кожи, пола, языка, религии или социального происхождения» [3].

Особое место в анализируемых международно-правовых документах отведено принципу наибольшего благоприятствования индивиду. Данный принцип находит отражение как во Всеобщей декларации прав человека, так и во всех Международных пактах о правах, где «признание достоинства, присущего всем членам человеческой семьи, и равных и неотъемлемых прав их» выступает в качестве основы справедливости, всеобщего мира и свободы. Перечисленный в данных актах и не являющийся исчерпывающим перечень прав и свобод облекается понятием «достоинство». Руководствуясь данным принципом, российское законодательство требует в целях защиты чести

и достоинства личности, осуществлять личный досмотр как меру обеспечения производства по делам об административных правонарушениях лицом одного пола с досматриваемым в присутствии не менее двух понятых того же пола. В качестве гаранта данной позиции можно назвать Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах, статья 5 которого запрещает всем государствам, ратифицировавшим данный документ, ограничивать или умалять основные права человека «под тем предлогом, что в настоящем Пакте не признаются такие права или что в нем они признаются в меньшем объеме».

Следует особо отметить, что Всеобщая декларация прав человека, допуская ограничения его в правах и свободах, запрещает государствам делать это в случае, если эти ограничения не преследуют своей целью обеспечение «должного признания и уважения прав и свобод других» и удовлетворение «справедливых требований морали, общественного порядка и общего благосостояния в демократическом обществе».

О едином комплексе прав человека, обеспечивающем их взаимосвязанность и взаимозависимость, свидетельствует принцип неделимости гражданских, политических, культурных и социальных прав и свобод человека. В этой связи резолюции Генеральной Ассамблеи ООН также позиционируют права как единое целое и запрещают оправдывать поощрение и защиту одной категории прав освобождением государств от поощрения и защиты другой категории прав [1].

Анализируемые автором международно-правовые принципы, имеющие базовый основополагающий характер, не являются исчерпывающими. В контексте статьи следует также назвать принцип непонижаемости защиты прав человека по международному праву, принцип неотъемлемости прав и свобод человека и др. Важность всех, и рассмотренных и упомянутых, принципов определяется непосредственным отношением к правоприменительной практике, поскольку нормы административно-деликтного законодательства «впитали в себя» их правовую сущность. В частности, Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях в качестве приоритетной задачи определяет защиту личности, охрану прав и свобод человека и гражданина, что обуславливает правовое содержание института мер обеспечения производства по делам об административных правонарушениях.

На основании вышеизложенного под применением мер обеспечения производства по делам об административных правонарушениях следует, по мнению автора, понимать основанную на принципах международного и отечественного законодательства совокупность последовательно сменяющих друг друга действий, осуществляемых специально уполномоченными субъектами, имеющих главной целью пресечение противоправного деяния, сопряженного с основанным на законе ограничением прав и свобод человека и гражданина, а также фиксируемых в соответствующих процессуальных документах (протоколах).

Литература:

1. Безрукова Л. Страсбургская защита / Л. Безрукова // Российская газета. 2010. 1 марта.
2. Марченко М. Н. Судебное правотворчество и судейское право / М. Н. Марченко. Москва: Проспект, 2011. 512 с.
3. Черниченко С. В. ООН и права человека: итоги и проблемы полувекового пути / С. В. Черниченко // Российский ежегодник международного права. 1996–1997 / главный редактор Л. Н. Галенская. Санкт-Петербург: Россия-Нева, 1998. С. 286–295.

Историко-правовой анализ становления и развития суда присяжных заседателей в России

Турков Илья Владимирович, студент магистратуры

Брянский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации

В статье проводится историко-правовой анализ становления и развития института суда присяжных заседателей в России. Исследуются предпосылки его введения в ходе Судебной реформы 1864 года, «золотой век» его функционирования в дореволюционный период, полная ликвидация после прихода к власти большевиков и сложный, противоречивый процесс восстановления в постсоветской России. На основе ретроспективного анализа выявляются ключевые проблемы и тенденции, определяющие современное состояние и перспективы развития данного демократического института в российской правовой системе.

Ключевые слова: суд присяжных, историко-правовой анализ, Судебная реформа 1864 года, уголовное судопроизводство, вердикт, состязательность сторон, правовой институт, Россия.

Институт суда присяжных является одним из наиболее значимых и демократических элементов правосудия, воплощающим принцип непосредственного участия народа в отправлении правосудия. Его история в России уникальна: пройдя путь от революционного нововведения до полного упразднения и последующего возрождения, он продолжает оставаться предметом острых дискуссий. Историко-правовой анализ этого пути позволяет не только понять его специфику в российских условиях, но и выявить системные проблемы, а также возможные векторы дальнейшего развития.

Предпосылки для введения суда присяжных в России созревали в середине XIX века на фоне кризиса сословной и инквизиционной судебной системы. Крестьянская реформа 1861 года настоятельно требовала преобразования всего государственного аппарата, включая судебную власть. Идейной основой реформы стали принципы гласности, состязательности, устности и независимости суда.

Судебные уставы 20 ноября 1864 года, подписанные императором Александром II, учредили суд присяжных как центральный институт новой судебной системы. Его компетенция распространялась на тяжкие уголовные преступления. Присяжными заседателями могли стать российские подданные всех сословий, отвечавшие имущественному, возрастному и оседлому цензу. Это был смелый шаг, впервые позволивший представителям всех слоев общества вершить правосудие.

Деятельность суда присяжных в пореформенный период (1864–1917) была неоднозначной. С одной стороны,

он способствовал формированию правового сознания в обществе, гуманизации правосудия (известны многочисленные оправдательные вердикты по делам о преступлениях против собственности, вызванные состраданием к обездоленным), и укреплению принципа состязательности. С другой стороны, его нередко критиковали за «судебные ошибки», излишнюю эмоциональность и зависимость от искусства адвокатов. Несмотря на это, к началу XX века суд присяжных прочно вошел в правовую систему империи, хотя его компетенция постепенно сужалась в периоды контрреформ [1, с. 174].

Эффективность нового суда первоначально оценивалась через его репрессивность, которая напрямую зависела от состава жюри. По законодательству того времени присяжным заседателем мог стать мужчина любого сословия, соответствующий трём критериям: возраст от 25 до 70 лет; российское подданство; проживание не менее двух лет в уезде проведения выборов в состав жюри.

Право быть присяжным заседателем предоставлялось не всем. К дисквалифицированным относились граждане, признанные несостоятельными должниками, имевшие судимость, страдавшие глухотой, слепотой, немотой или психическими расстройствами, а также те, кто не владел русским языком.

Формирование списков кандидатов в присяжные возлагалось на специальные городские комиссии. В эти списки в обязательном порядке включались государственные служащие не выше пятого класса, мировые судьи, лица на выборных общественных постах, а также

крестьяне, занимавшие должности в системе самоуправления (например, волостные старшины или сельские старосты). Для остальных граждан ключевым критерием отбора был имущественный ценз. Поскольку большинство населения России составляли крестьяне, они же формировали почти две трети состава судов присяжных, что приводило к неоднозначным результатам [5, с. 155].

Компетенция жюри распространялась на уголовные преступления, санкции за которые предусматривали лишение или ограничение прав состояния, такие как грабёж, разбой, убийство или кража. Подавляющее большинство дел рассматривалось гласно, и лишь в исключительных случаях (примерно один из ста) заседания проходили в закрытом режиме. В отличие от европейских стран, в России с участием присяжных рассматривался значительный объем дел. На совокупный процент оправдательных вердиктов существенное влияние оказывали три категории дел: о преступлениях против порядка управления, об иных уголовных преступлениях и о мелких кражах со взломом.

Суд присяжных, отражая взгляды общества, выявлял недостатки в уголовном законодательстве и способствовал исправлению правовых недочётов. Однако на практике массовое оправдание присяжными нарушителей паспортного режима и виновных в мелких кражах сделало ряд статей Уложения о наказаниях неработоспособными, что заставило власти их пересмотреть.

В 1881 году юрисдикция суда присяжных была сужена: дела о государственных преступлениях, кражах со взломом, а также дела несовершеннолетних были переданы в мировой суд. Это привело к уменьшению числа судебных процессов с присяжными. Хотя в целом коллегии присяжных выносили справедливые решения и способствовали гуманизации наказаний, в их практике наблюдалась предвзятость: чрезмерная строгость к конокрадам и святотатцам и неоправданная снисходительность к должностным преступлениям и преступлениям против женской чести [2, с. 191].

В указанный период деятельность суда присяжных характеризовалась отсутствием стабильности и четко регламентированного порядка. При этом была отмечена тенденция к увеличению доли оправдательных вердиктов во время христианских праздников, причём каждый третий из них выносился в периоды православного поста. Данный институт, как и мировой суд, упраздненный в 1889 году, мог быть ликвидирован в любой момент. Жюри оказывали значительное общественно-политическое влияние, способствуя повышению правовой грамотности населения и восполнению пробелов в знаниях о своих правах и обязанностях.

После Октябрьской революции 1917 года Декретом о суде № 1 суд присяжных был упразднен. Новая власть рассматривала его как буржуазный пережиток, несоставимый с классовым подходом к правосудию. На смену ему пришли народные заседатели, которые, формально являясь представителями народа, на деле были полностью подконтрольны судье и партийной номенклатуре.

В течение всего советского периода идея суда присяжных отрицалась как чуждая социалистическому правосудию.

Рассмотрение дел с участием присяжных заседателей, обладавших правом помилования, было демократическим по своей сути, поскольку такая прерогатива в иных случаях принадлежала исключительно верховной власти.

Деятельность суда присяжных, призванного воплощать в судебной власти волю большинства, исключена при тоталитарном или деспотическом строе и является прерогативой исключительно демократических государств.

Возрождение института стало возможным в ходе демократических реформ начала 1990-х годов. В 1993 году право на рассмотрение дела судом присяжных было закреплено в Конституции РФ (часть 2 статьи 47). Федеральным законом от 18 декабря 2001 года был принят новый Уголовно-процессуальный кодекс РФ, который детально регламентировал производство в суде с участием присяжных заседателей.

Однако процесс восстановления оказался сложным и противоречивым. Изначально введенный лишь в девяти субъектах РФ, суд присяжных поэтапно расширял свою юрисдикцию, но затем последовала волна ограничений. Из компетенции присяжных были последовательно исключены дела о терроризме, захвате заложников, организации преступного сообщества, государственной измене, ряде преступлений против правосудия и другие. Это было обосновано необходимостью борьбы с чрезмерным, по мнению законодателя, количеством оправдательных вердиктов и сложностью данной категории дел.

С 1 июня 2018 года вступили в силу изменения в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации, внесённые Федеральным законом от 23.06.2016 № 190-ФЗ, которые существенно расширили сферу применения института присяжных заседателей. В настоящее время коллегия присяжных в судах субъектов Федерации состоит из 8 человек (ранее — 12), а в районных судах — из 6 человек [3, с. 146].

Можно констатировать, что современный российский суд присяжных не только возрожден, но и продолжает исторические традиции этого института, существовавшие на рубеже XIX–XX веков. Его фундаментальные принципы остаются неизменными:

- четкое разделение функций: профессиональный судья руководит судопроизводством и решает вопросы права, в том числе о наказании, тогда как коллегия присяжных устанавливает фактические обстоятельства дела, виновность подсудимого и выносит вердикт о снисхождении;

- организационная независимость коллегии присяжных от корпуса профессиональных судей;

- вердикт присяжных не требует мотивированной части и является юридически безответственным, хотя присяжные несут моральную ответственность за свое решение;

- право присяжных на оправдание, основанное не на формальном соблюдении закона, а на внутреннем убеждении в справедливости, даже если деяние подсудимого формально подпадает под состав преступления;

– незыблемость вынесенного вердикта: он может быть отменен в апелляционном порядке только по процессуальным основаниям, а не по существу [4].

Хотя суд присяжных занимал важное место в истории российского уголовного процесса, сегодня, будучи лишь одной из его форм, он не может считаться центральным элементом системы правосудия. Современная российская модель суда присяжных представляет собой синтез дореволюционных традиций и наследия социалистического процесса с присущим ему обвинительным уклоном, что, на наш взгляд, находит отражение в позиции судей по отношению к подсудимому.

На основании проведённого анализа сформулированы следующие выводы:

– Исторический опыт дореволюционной России свидетельствует о том, что введение суда присяжных стало

важным этапом в развитии национальной юстиции. Этот институт, сочетающий правовые нормы и моральные принципы, стал одним из наиболее прогрессивных достижений в установлении справедливости.

– В новейшей истории России суд присяжных был восстановлен в 1990-е годы в ходе масштабной судебной реформы. Данная мера была направлена на модернизацию правовой системы и способствовала укреплению России как правового государства, где гарантируется верховенство права и защищаются свободы граждан.

– На сегодняшний день эффективная работа суда присяжных возможна исключительно в рамках демократического строя. Именно демократия обеспечивает необходимую общественную поддержку, позволяющую данному институту осуществлять правосудие беспристрастно и в полном объеме реализовывать свои функции.

Литература:

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ // Российская газета, 22.12.2001, № 249.
2. Антоненко А. А. К вопросу о реформировании института суда присяжных в России / А. А. Антонен. — Текст: непосредственный // Молодой ученый. 2021. № 19 (361). С. 174–177.
3. Бондаренко Е. С. Генезис присяжных заседателей // Студент. 2020. № 3. С. 191–197.
4. Костенко Н. Д. Этапы становления института присяжных заседателей в российском праве // Вестник Восточно-Сибирского института Министерства внутренних дел России. 2020. № 2 (93). С. 146–151.
5. Курочкин И. А. Институт присяжных заседателей в России // [Электронный ресурс] Электронный журнал «Киберленника» // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/institut-prisyazhnyh-zasedateley-v-rossii> (дата обращения: 20.05.2025).
6. Хацанович И. А. Исторические аспекты развития суда присяжных в России // Формирование и развитие новой парадигмы науки в условиях постиндустриального общества. Сборник статей Международной научно-практической конференции. Уфа, 2022. С. 155–162.

Проблемы регулирования использования товарного знака, связанные с новыми технологиями

Фокина Елизавета Александровна, студент магистратуры
Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина (г. Санкт-Петербург)

В статье автор исследует вопросы, касающиеся адаптации использования товарных знаков к новым технологическим реалиям.

Ключевые слова: товарный знак, коронавирусная инфекция, метавселенные, невзаимозаменяемые токены (NFT), технология блокчейн, искусственный интеллект (ИИ).

Актуальность выбранной темы обусловлена тем, что хоть товарный знак и является относительно зрелым видом интеллектуальной собственности, но до сих пор терпит изменения, и тем самым нуждается в теоретическом исследовании юридических особенностей и их гражданско-правового регулирования.

Вместе с этим значимость данной темы с каждым днём растет, так как увеличивается количество копирования

или создания похожих товарных знаков и знаков обслуживания. В связи пандемией, вызванной новой коронавирусной инфекцией, с 2020 года во всем мире повысилось число заявок на регистрацию товарных знаков. Такое влияние сказалось на всех сферах жизни, и в том числе не обошло стороной интеллектуальную собственность, так как произошел глобальный экономический спад из-за активизации предпринимательской деятельности и появления

ления новых товаров и услуг. В ответ на данный процесс начали приниматься новые меры по защите правообладателей товарных знаков и знаков обслуживания: продлевались сроки выдачи патентов, возможность использования электронных средств для подачи заявок на регистрацию и оспаривания споров о нарушении прав на интеллектуальную собственность.

Далее следует выделить, что согласно российскому законодательству, исключительное право на товарный знак возникает с момента его регистрации. Конструктивно в своей работе хочется отметить и динамику подачи заявок на регистрацию товарных знаков. В январе–октябре 2021 г. количество заявлений на регистрацию товарного знака увеличилось на 14 %, до 107 030 единиц по сравнению с аналогичным периодом 2020 г. [3]

В 2022 году наблюдалось сокращение числа поданных заявлений, что, вероятно, обусловлено нестабильной экономической ситуацией и уходом ряда иностранных компаний с российского рынка.

В 2023 году зафиксирован значительный подъем количества заявлений. Этот рост объясняется рядом причин: активным развитием программ импортозамещения и укреплением позиций национальных брендов, упрощением процесса регистрации товарных знаков, а также предоставлением возможности регистрировать товарные знаки физическим лицам, включая самозанятых граждан.

В 2024 году тенденция роста числа заявлений сохранилась, хотя и не демонстрировала столь же стремительной динамики, как в предыдущем году.

В первой половине 2025 года сохраняется восходящий тренд в отношении числа заявлений на регистрацию товарных знаков. Это свидетельствует о непрекращающейся активности российского предпринимательства и заинтересованности в обеспечении защиты прав на интеллектуальную собственность.

Анализ текущих трендов позволяет сделать вывод о сохранении тенденции увеличения количества обращений на регистрацию товарных знаков. Однако, вероятно, темпы роста будут несколько сдержаннее по сравнению с показателями, зафиксированными в 2023 году.

Вопросы, касающиеся регулирования использования товарных знаков, представляют собой многоаспектную область, затрагивающую всю систему правового обеспечения защиты товарных знаков. Данные вопросы связаны с юридическим определением правомерного и неправомерного использования, процедурами регистрации и защиты товарных знаков, а также с соблюдением баланса между интересами владельцев прав и общества в целом.

Проблемы регулирования использования товарного знака связаны с новыми технологиями и глобализацией. Применение товарных знаков в инновационных технологических пространствах, включая метавселенные, невзаимозаменяемые токены (NFT) и технологию блокчейн, искусственный интеллект (далее — ИИ). Это порождает новые препятствия для охраны интеллектуальной собственности,

поскольку классические механизмы защиты прав могут оказаться недостаточно эффективными. [2, с. 77]

Проблема авторства и ответственности при нарушении прав на товарный знак ИИ является многогранной. Определение субъекта ответственности (разработчик, пользователь или сам ИИ) представляет юридическую дилемму, усугубляемую сложностью установления «намерения» ИИ. Обучение ИИ на массивах данных, содержащих защищенные товарные знаки, поднимает вопросы о допустимости такого использования и границах между обучением и неправомерным использованием. Автоматическое создание ИИ знаков, имитирующих существующие, или некорректное сравнение, может приводить к нарушениям. Масштаб автоматизации нарушений с использованием ИИ значительно затрудняет их обнаружение и пресечение.

Решением такой проблемы станет, например, разработка «белых списков» и фильтров для предотвращения нарушений прав при создании или сравнении знаков с использованием ИИ. Разработчики ИИ должны руководствоваться этическими принципами, касающимися интеллектуальной собственности. Законодательные изменения должны определить ответственность за нарушения, совершенные ИИ, и адаптировать понятие «авторства» к новым реалиям. Прозрачность алгоритмов ИИ, используемых в контексте товарных знаков, является обязательным условием для отслеживания процесса создания или сравнения.

Следующая проблема связана с подтверждением подлинности NFT, представляющего товарный знак, и предотвращение подделок. Продажа NFT, содержащих чужие товарные знаки без разрешения, требует определения ответственных сторон: создателя NFT, платформы или продавца. В свою очередь, как, децентрализация блокчейна затрудняет контроль за использованием товарных знаков. Трансграничный характер NFT осложняет преследование нарушений. В таком случае платформы NFT должны внедрять механизмы верификации владельцев товарных знаков, а регистрация товарных знаков на блокчейне обеспечит прозрачность прав собственности. В связи с этим разработка протоколов для удаления NFT, нарушающих права, является необходимым условием, что говорить про владельцев товарных знаков, то им необходимо активно сотрудничать с платформами NFT для выявления и пресечения нарушений.

В продолжение современных технологий защита товарных знаков, используемых для виртуальных товаров и услуг в метавселенных, представляет собой новую задачу. Идентификация нарушителей, действующих под аватарами, затруднена, а также определение юрисдикции для преследования нарушений, совершаемых в метавселенной, осложняется транснациональным характером этого пространства. На основании таких мероприятий масштаб и сложность метавселенных затрудняют выявление нарушений.

Целесообразно полагать, что для решения этой проблемы необходимо расширить сферу действия товарных знаков на виртуальные товары и услуги. Владельцам товарных знаков следует сотрудничать с платформами ме-

тавселенных для выявления и пресечения нарушений. Развитие технологий идентификации пользователей в метавселенных является важным шагом. Заключение международных соглашений необходимо для определения юрисдикции и сотрудничества в преследовании нарушений.

Таким образом, требуется разработка прогрессивных юридических стратегий для обеспечения защиты товарных знаков в метавселенных и иных передовых технологических средах, учитывая децентрализованный и международный характер данных технологий.

Кроме того, важным аспектом является совершенствование механизмов выявления и пресечения случаев

неправомерного использования товарных знаков, в том числе путем расширения полномочий контролирующих органов и внедрения современных информационных технологий. Необходимо также усилить взаимодействие между правоохранительными органами, организациями, осуществляющими защиту прав интеллектуальной собственности, и представителями бизнеса.

Наконец, важным элементом комплексного подхода является повышение уровня правовой грамотности потребителей и предпринимателей в вопросах защиты товарных знаков, что позволит снизить количество нарушений и повысить эффективность правовой охраны.

Литература:

- Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18.12.2006 N 230-ФЗ (ред. от 23.07.2025) // Собрание законодательства РФ, 25.12.2006, N 52 (1 ч.), ст. 5496.
- Джуманова С. Ш. Частноправовой анализ соотношения легального и незаконного использования товарных знаков как средств индивидуализации // EJLFAS. — 2025. — № 5. — С.69–79.
- Федеральный институт промышленной собственности (ФИПС): товарный знак, знак обслуживания № 502680 [Электронный ресурс]. Режим доступа :https://www1.fips.ru/fips_serv1/fips_servlet?DB=RUT-M&DocNumber=502680.

Особенности установления публичных сервитутов на земельные участки

Харламова Ольга Николаевна, студент
Академия труда и социальных отношений (г. Москва)

В статье рассматриваются правовые особенности установления и регулирования публичных сервитутов в Российской Федерации. Анализируются понятие сервитута, его место в системе вещных прав, а также отличия публичного сервิตута от частного. Особое внимание уделяется процедуре установления публичного сервитута, вопросам государственной регистрации, порядку определения и выплаты компенсации правообладателям земельных участков, а также судебной практике по данным вопросам. Делается вывод о значимости публичного сервитута как инструмента баланса публичных и частных интересов, требующего строгого соблюдения установленных процедур и гарантий защиты прав собственников.

Ключевые слова: публичный сервитут, земельный участок, вещные права, гражданское право, компенсация, государственная регистрация, судебная практика, ограничение прав, баланс интересов.

Peculiarities of establishing public easements on land plots

The article examines the legal features of the establishment and regulation of public easements in the Russian Federation. The concept of servitude, its place in the system of property rights, as well as the differences between public and private servitude are analyzed. Special attention is paid to the procedure for establishing a public easement, issues of state registration, the procedure for determining and paying compensation to land rights holders, as well as judicial practice on these issues. The conclusion is made about the importance of public easement as a tool for balancing public and private interests, requiring strict observance of established procedures and guarantees for the protection of owners' rights.

Keywords: public easement, land plot, property rights, civil law, compensation, state registration, judicial practice, limitation of rights, balance of interests.

Введение

Сервитуты занимают важное место в системе вещных прав, обеспечивая возможность эффективного и рацио-

нального использования земельных участков. В условиях частной собственности на землю нередко возникают ситуации, когда для полноценного использования одного участка требуется доступ к ресурсам или объектам, наход-

дящимся на соседней территории — например, к дороге, источнику воды или коммуникациям.

Основная часть

В гражданском праве земельный участок является одним из наиболее важных объектов гражданских прав. Говоря о сервитуте, важно учитывать, что он всегда предполагает наличие двух объектов недвижимости, находящихся в собственности разных лиц, при этом один из объектов каким-либо образом «служит» другому, соседнему участку. Такое обременение должно приносить пользу (выгоду) господствующему участку, не предоставляя при этом преимущества одному имени перед другим.

Положения о служении участка именно в пользу другого участка, а не лица можно встретить во многих законодательствах (например, ГК Латвии, ГК Испании). Хотя субъектом земельный участок не становится. Г. Дернбург признавал, что «данное право всегда приурочивается к земельному участку, оно неотделимо от него» [5].

По справедливому замечанию В. А. Белова «понятие объекта в правоотношении — чисто функциональное, а содержание всех без исключения прав и обязанностей предопределяется свойствами предметов внешнего мира. Если иметь в виду, что правоотношения являются отражением фактических отношений, то их объекты (блага) и должны быть объектами правоотношений» [4].

Земельный участок как объект прав и недвижимая вещь представляет собой часть земной поверхности, границы которой определены в порядке, установленном законом, и которая имеет характеристики, позволяющие определить ее в качестве индивидуально-определенной вещи (п. 1 ст. 141.2 ГК РФ, п. 3 ст. 6 ЗК РФ).

Публичный сервитут является особым и распространенным видом сервитута в гражданских правоотношениях. Право публичного сервитута на пользование чужим земельным участком закреплено в ст. 23 ЗК РФ. В ходе анализа важно отметить одну особенность, которая в дальнейшем рассмотрении существенно влияет на нормативное регулирование публичного сервитута. Публичный сервитут регулируется исключительно земельным законодательством РФ, в то время как сервитут регулируется гражданским и земельным законодательством. О такой особенности нам прямо указывает ЗК РФ в ч. 3 ст. 23 устанавливая, что «публичный сервитут устанавливается в соответствии с ЗК РФ. К правоотношениям, возникающим в связи с установлением, осуществлением и прекращением действия публичного сервитута, положения ГК РФ о сервитуте и положения главы V.3 ЗК РФ не применяются» [1].

По общему правилу публичные сервитуты устанавливаются решением исполнительного органа государственной власти или органа местного самоуправления по ходатайству о его установлении в целях обеспечения государственных или муниципальных нужд, а также нужд местного населения.

Начало установления публичного сервитута начинается с формирования графического описания публичного сервитута, который необходим к установлению. Графическое описание местоположения границ публичного сервитута и перечень координат характерных точек этих границ в системе координат подготавливается по результатам геодезических измерений и кадастровых работ, которые проводятся кадастровым инженером на основании договора с лицом, которому необходимо установление публичного сервитута.

Срок действия публичного сервитута устанавливается решением о его установлении. Также важно отметить, что при любом случае публичные сервитуты подлежат государственной регистрации в соответствии с Законом о регистрации. Сведения о публичных сервитутах вносятся в ЕГРН.

Важно отметить, что при установлении публичного сервитута в случае, когда такое ограничение приводит к существенным затруднениям в использовании земельного участка, его правообладатель вправе требовать от органа государственной власти или органа местного самоуправления, установивших публичный сервитут, соизмерную плату. То если, в рамках статьи 23 ЗК РФ плательщиком за публичный сервитут выступает орган государственной власти или органа местного самоуправления, так как публичный сервитут в первую очередь на данном основании устанавливается в целях обеспечения государственных или муниципальных нужд, а также нужд местного населения.

При определении платы за публичный сервитут рекомендуется исходить из того, что такая плата представляет собой определяемую, в том числе с учетом положений Федерального закона от 29 июля 1998 г. № 135-ФЗ «Об оценочной деятельности в Российской Федерации» [2], разницу между рыночной стоимостью земельного участка (в случае установления сервитута в отношении земельного участка, находящегося в частной собственности) либо рыночной стоимостью прав на земельный участок, предоставленный гражданину или юридическому лицу (в случае установления сервитута в отношении земельного участка, находящегося в государственной или муниципальной собственности), до установления публичного сервитута и после его установления (учитывая ограничения использования земельного участка и другие обстоятельства, возникающие в связи с установлением публичного сервитута и той деятельностью, которая может осуществляться на земельном участке обладателем публичного сервитута).

Расчет платы за публичный сервитут, который не устанавливается по специальным условиям, определяется, по рыночной оценке, и методическим рекомендациям, утвержденными Приказом Минэкономразвития России от 04.06.2019 № 321 [3].

В основном обзоре судебной практики по делам об установлении сервитута на земельный участок от 2017 года Верховный Суд РФ устанавливает, что «размер платы за сервитут должен быть соразмерен той материальной

выгоде, которую приобретает собственник земельного участка в результате установления сервитута, компенсируя те ограничения, которые претерпевает собственник земельного участка, обремененного сервитутом» [6].

Таким образом, ЗК РФ четко определяет цели установления публичного сервитута, среди которых — обеспечение прохода или проезда, размещение инженерных сетей, проведение мелиоративных работ, использование участка для охоты, рыболовства, сенокошения и других нужд, а также специальные цели, связанные с размещением и эксплуатацией линейных объектов инфраструктуры (ст. 39.37 ЗК РФ).

Судебная практика по вопросам установления и оплаты публичных сервитутов разнообразна. Верховный Суд РФ неоднократно подчеркивал, что бесплатный публичный

сервитут возможен только в отношении объектов, существовавших до определенной даты, а при установлении сервитута для новых объектов плата должна быть определена и выплачена. Также суды обращают внимание на необходимость соблюдения всех процедурных требований, обоснования невозможности альтернативного размещения объектов и приоритета охраны особо ценных сельскохозяйственных земель.

В заключение публичный сервитут — это инструмент баланса публичных и частных интересов, который требует строгого соблюдения процедур, обоснования необходимости ограничения прав собственника и, при наличии существенных затруднений, выплаты соразмерной компенсации. Судебная практика подтверждает важность защиты прав собственников.

Литература:

1. Земельный кодекс Российской Федерации от 25.10.2001 № 136-ФЗ (ред. от 31.07.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2025) // Собрание законодательства РФ, 29.10.2001, № 44, ст. 4147.
2. Федеральный закон от 29.07.1998 № 135-ФЗ (ред. от 14.02.2024) Об оценочной деятельности в Российской Федерации // Собрание законодательства РФ, 03.08.1998, № 31, ст. 3813.
3. Приказ Минэкономразвития России от 04.06.2019 № 321 Об утверждении методических рекомендаций по определению платы за публичный сервитут в отношении земельных участков, находящихся в частной собственности или находящихся в государственной или муниципальной собственности и предоставленных гражданам или юридическим лицам // СПС Консультант Плюс.
4. Белов, В. А. Б43 Гражданское право. Т. I. Общая часть. Введение в гражданское право: учебник для бакалавриата и магистратуры / В. А. Белов. — 3-е изд., перераб. и доп. — М.: Издательство Юрайт, 2014. — 622 с.
5. Дернбург Г. Пандекты. Т.1, ч.2. Вещное право. СПб., 1905. // https://minfin.gov.ru/ru/ministry/historylib/common/jurisprudence/general?id_65=306677-dernburg_g._pandekty_t.1_ch.2._veshchnoe_pravo_spb_1905.&sysclid=mgg-mgldhiq357878267 (дата обращения: 10.09.2025).
6. Обзор судебной практики по делам об установлении сервитута на земельный участок (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 26.04.2017) // Бюллетень Верховного Суда РФ, № 11, ноябрь, 2017

Конкурентные способы проведения государственных и муниципальных закупок

Хасанов Вилдан Юрисович, студент магистратуры
Южно-Уральский технологический университет (г. Челябинск)

В статье автор исследует теоретические основы конкурентные способы проведения государственных и муниципальных закупок. Выявляет проблемные аспекты в данной сфере и предлагает пути решения, на основании анализа основных положений и концепций о контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд.

Ключевые слова: коррупция, государственная и муниципальная служба, противодействие, мера.

В соответствии с Федеральным законом «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» от 05.04.2013 № 44-ФЗ, закупки товаров и услуг для муниципальных и государственных нужд могут проводиться неконкурентным или конкурентным способом. В случае проведения закупки неконкурентным способом, организация заключает контракт с единственным поставщиком,

а во втором случае, при закупке конкурентным способом — заключение контракта происходит в результате торгов.

В ст. 24 данного Федерального закона закреплено, что конкурентные способы могут быть открытыми и закрытыми. При открытом конкурентном способе информация о закупке сообщается заказчиком неограниченному кругу лиц путем размещения в единой информационной си-

стеме извещения об осуществлении закупки. При закрытом конкурентном способе информация о закупке сообщается путем направления приглашений принять участие в определении поставщика (подрядчика, исполнителя) ограниченному кругу лиц, которые способны осуществить поставки товаров, выполнение работ, оказание услуг, являющихся объектами закупок [1].

Так, конкурентными способами являются:

1) конкурсы (открытый конкурс в электронной форме, закрытый конкурс, закрытый конкурс в электронной форме);

2) аукционы (открытый аукцион в электронной форме, закрытый аукцион, закрытый аукцион в электронной форме);

3) запрос котировок в электронной форме.

Рассмотрим подробнее представленные конкурентные способы проведения государственных и муниципальных закупок.

Суть электронного аукциона (далее — ЭА) в том, что побеждает участник, предложивший наименьшую цену после поэтапного снижения. Все заявки анонимны. Это самый распространенный способ проведения закупок, который используется для закупок товаров, работ, услуг, включенных в Распоряжение Правительства РФ от 21.03.2016 № 471-р «О перечне товаров, работ, услуг, в случае осуществления закупок которых заказчик обязан проводить аукцион в электронной форме (электронный аукцион)», а также любых других, если заказчик не выбрал иной способ [2].

Ключевые особенности электронного аукциона:

1) две части заявки: первая (формальная) и вторая (с конкретным предложением);

2) «Аукционное снижение» — участники в реальном времени снижают цену;

3) срок подачи заявок — не менее 7 дней для НМЦК до 3 млн руб., 15 дней — для НМЦК свыше 3 млн руб.

Открытый конкурс (далее — ОК), в котором побеждает участник, предложивший лучшие условия исполнения контракта по критериям, установленным в документации. Цена — лишь один из критериев. Обычно ОК используется в сложных закупках, инновационных, исследовательских работ, где важны качество, квалификация, функциональные характеристики. Когда цена не является определяющим фактором.

Отметим особенности открытого конкурса:

1) оценка по неценовым критериям (квалификация, опыт, качество технического решения);

2) возможность проведения предварительного отбора (для долгосрочных сложных проектов);

3) срок подачи заявок — не менее 15 дней.

Конкурс с ограниченным участием (далее — КО) — это разновидность открытого конкурса, но с дополнительным предварительным отбором участников на соответствие особым требованиям. Обычно КО применяется в сложных закупках, специализированных или инновационных товаров, работ, услуг, где необходим особый уро-

вень квалификации (например, работы на объектах культурного наследия, авиаперевозки).

Обычно конкурс с ограниченным участием проводится в два этапа — отбор допущенных по особым требованиям и проведение конкурса среди них.

Запрос котировок (далее — ЗК), суть которого заключается в том, что в нем побеждает участник, предложивший наименьшую цену за стандартизованные товары, работы, услуги. Упрощенная и быстрая процедура. ЗК применяется при закупках небольших объемов с НМЦК не более 500 тыс. руб. и годовой объем таких закупок не должен превышать 10 % доходов заказчика или 100 млн руб. Также для закупок отдельных товаров (например, лекарств) из установленного перечня (до 500 тыс. руб.).

Ключевые особенности запроса котировок заключаются в следующем:

1) срок подачи заявок — не менее 5 рабочих дней;

2) заявка состоит только из ценового предложения и согласия;

3) запрещено проводить, если есть проект или смета [1].

Рассмотрим проблемы и представим рекомендации по их решению при проведении государственных и муниципальных закупок конкурентными способами.

Во-первых, электронный аукцион, самый популярный способ, который сводит отбор к минимизации цены, однако это приводит к демпингу и рискам неисполнения контракта, поставкам товаров низкого качества, что также приводит к тому, что добросовестные поставщики с качественным товаром и услугой не могут конкурировать с демпингующими участниками.

В связи с чем, считаем необходимым начать стимулирование неценовых критериев и борьба с демпингом, а именно необходимо расширение сферы обязательного применения конкурсов для сложных, инновационных и наукоемких закупок, вместе с разработкой четких, измеримых методик оценки качества.

Во-вторых, существует проблема при составлении некоторыми заказчиками технического задания «под конкретного поставщика», в котором представлены избыточно детализированные или уникальные требования, блокирующие других участников, этот аспект ведет к нарушению принципов честной конкуренции, завышение бюджетных расходов.

Предлагаем обязательную публикацию технических заданий и проектов контрактов на стадии планирования для общественного обсуждения, а также внедрение AI и Big Data для контроля, что позволит проводить автоматический анализ закупочной документации на признаки «заточенности», выявление аномальных ценовых предложений и паттернов картельногоговора (такие системы уже тестируются ФАС России).

Резюмируя выше сказанное, можно сделать выводы о том, что основной вектор решения проблем лежит в области дальнейшей цифровизации, повышения профессионального уровня заказчиков и смещения фокуса

с ценами на стоимость жизненного цикла и качество. Реформы должны быть системными: ужесточение контроля и ответственности должно сочетаться с упрощением процедур для добросовестных участников. Важную роль иг-

рает развитие предиктивной аналитики и искусственного интеллекта для анализа больших данных в сфере закупок, что позволит перейти от точечного контроля к управлению рисками в масштабах всей системы.

Литература:

1. Федеральный закон «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» от 05.04.2013 № 44-ФЗ (ред. от 26.12.2024) // Собрание законодательства РФ. — 2013. — № 14. — ст. 1652.
2. Распоряжение Правительства РФ «О перечне товаров, работ, услуг, в случае осуществления закупок которых заказчик обязан проводить аукцион в электронной форме (электронный аукцион)» от 21.03.2016 № 471-р (ред. от 31.10.2022) // Собрание законодательства РФ. — 2016. — № 13. — ст. 1880.

Субъективные признаки преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов

Хрупова Елизавета Евгеньевна, студент магистратуры

Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения

Настоящее исследование посвящено анализу субъективных признаков преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов. Рассматриваются особенности субъекта преступления, включая возрастные пределы уголовной ответственности и специфику специального субъекта. Анализируется субъективная сторона преступлений, в том числе формы вины, мотив и цель, их влияние на квалификацию деяния, что подтверждается судебной практикой.

Ключевые слова: незаконный оборот наркотических средств, субъект преступления, возраст уголовной ответственности, специальный субъект, субъективная сторона.

Субъективными признаками преступления являются субъект преступления и субъективная сторона. К субъекту относится физическое лицо, совершившее преступление. В рамках уголовного законодательства по возрастному признаку необходимо учитывать возраст до 14 лет, с 14 до 16, и с 16 лет. По общему правилу уголовная ответственность в Российской Федерации наступает с 16 лет.

В случае с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ, и их аналогов субъект преступления — общий, достигший возраста 16 лет [3]. Исключение составляет состав преступления, предусмотренный ст. 229 УК РФ «Хищение либо вымогательство наркотических средств или психотропных веществ и их аналогов», по которому к уголовной ответственности может быть привлечено физическое лицо, достигшее возраста 14 лет.

Такое разграничение возрастных порогов уголовной ответственности обусловлено степенью общественной опасности соответствующих деяний, характером субъективной стороны преступления и особенностями объектов уголовно-правовой охраны.

В рассматриваемом случае незаконный оборот наркотических средств, психотропных веществ и их ана-

логов относится к числу преступлений, требующих осознания лицом не только факта противоправности своих действий, но и их связи с незаконным оборотом. Такие деяния, как правило, предполагают сложную мотивацию, устойчивую антисоциальную установку, способность планировать действия и предвидеть последствия, что характерно для лиц, достигших 16-летнего возраста.

Между тем ст. 229 УК РФ выделяется из общего ряда преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков, поскольку по своему объективному содержанию относится не только к сфере незаконного оборота, а также и к классическим посягательствам на чужую собственность. Фактически состав преступления ст. 229 УК РФ представляет собой специальный вид кражи, грабежа, разбоя или вымогательства, где предметом выступают наркотические средства, психотропные вещества либо их аналоги.

Введение ограничений по возрасту, с которого лицо подлежит уголовной ответственности обусловлено несколькими факторами, одним из которых является способность осознания подростком общественной опасности тех или иных деяний. Кроме того, стоит учитывать, что наступление определенного возраста в российском законодательстве наступает на следующий день в ноль часов. Следовательно, законодатель предполагает, что фи-

зическое лицо, достигшее возраста 16 лет, осознает общественную опасность незаконного оборота наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов как уголовного преступления.

Хищение и вымогательство, как разновидности преступлений, традиционно относятся к тем деяниям, за которые законодатель устанавливает пониженный возраст уголовной ответственности с 14 лет, поскольку подростки данной возрастной категории способны осознавать характер посягательства на собственность, понимать запрет и предвидеть последствия.

Следовательно, законодатель, установив правило о понижении возраста уголовной ответственности по ст. 229 УК РФ, исходил из того, что посягательство на наркотические средства как предмет собственности по психологической структуре и уровню осознания аналогично иным видам хищений, ответственность за которые предусмотрена с 14 лет.

Кроме того, если у лица, достигшего возраста 14 лет, возник умысел (в аспекте подростковой преступности — интерес к наркотическим средствам), то следует предполагать и его осведомленность об особенностях их действия на организм человека, а также материальной ценности.

Помимо прочего, такое решение направлено на предупреждение вовлечения несовершеннолетних в преступные схемы хищения наркотических средств, поскольку подростки часто используются взрослыми для совершения наиболее рискованных действий. Установление уголовной ответственности с 14 лет выступает дополнительным средством криминологического сдерживания.

По статьям 230.1 и 230.2 УК РФ субъект преступления специальный — тренер, специалист по спортивной медицине либо иной специалист в области физической культуры и спорта.

По статьям 233 УК РФ субъектом преступления специальный — лицо, наделенное правом выдачи рецепта на наркотические средства и психотропные вещества.

Еще одним условием для привлечения лица к уголовной ответственности является вменяемость, то есть способность осознавать фактический характер своих действий.

Нередко в судебной практике встречаются случаи, когда обвиняемый пытается доказать свою невменяемость, чтобы не подлежать уголовной ответственности. Такая практика распространена и в уголовных делах о незаконном обороте наркотических средств.

Так, в Кассационном определении Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 19.10.2021 N 32-УД21-24-A4 указано, что довод Б. о незаконности его осуждения в связи с наличием у него психического расстройства отклонен судами, поскольку согласно результатам экспертизы Б. страдает психическим расстройством в виде зависимости от наркотических средств, однако психические отклонения характеризуются как незначительные, в связи с чем суды

пришли к выводу о том, что Б. в полной мере осознал характер своих действий [2].

В других уголовных делах к аналогичным выводам пришли суды в Определении Первого кассационного суда общей юрисдикции от 21.05.2025 N 77-1636/2025 [6], Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 13.09.2022 N 77-4491/2022 [5].

Субъективная сторона преступления определяет такие элементы как вина, мотив и цель преступления. В целом, субъективная сторона преступления необходима прежде всего для установления внутреннего состояния субъекта преступления, его мотива и цели, что является одним из факторов, влияющих на вынесенный судом приговор.

Вина может быть в форме умысла и неосторожности. В свою очередь умысел подразделяется на прямой и косвенный, а неосторожность на легкомыслie и небрежность [13].

Под прямым умыслом подразумевается намерение лица совершить преступления, осознание общественно опасных последствий и желание их наступления. Под косвенным умыслом понимается те же обстоятельства, что и в прямом, однако субъект преступления не желает наступления общественно-опасных последствий, относится к ним безразлично, но осознает возможность их наступления [4].

Формы вины в виде неосторожности подразделяются на легкомыслie и небрежность. Легкомыслie — это форма вины, при которой субъект предвидел возможность наступления общественно опасных последствий, но надеялся их избежать или предотвратить. Небрежность — это форма вины, при которой субъект преступления не предвидел общественно-опасных последствий, но при должном внимании и осмотрительности мог и должен был их предвидеть [11].

Форма вины в незаконном обороте наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов будет прямой умысел, с некоторыми особенностями, за исключением состава преступления по ст. 228.2 УК РФ, которая допускает форму вины в виде неосторожности в отношении последствий [12].

Так, согласно Приговору Губкинского городского суда Белгородской области от 20 октября 2025 года по делу № 1-297/2025 осужденный Иванайский И. К. зная о том, что наркотическое средство каннабис запрещено в свободном обороте, имея прямой умысел, без цели сбыта с целью личного потребления совершил незаконное приобретение и хранение наркотического средства, в связи с чем был привлечен к уголовной ответственности по ч. 1 ст. 228 УК РФ [8].

Согласно Приговору Белгородского районного суда Белгородской области от 28 августа 2025 года по делу № 1-219/2025 в ходе телефонного разговора А. попросил у В. приобрести для него наркотическое средство за денежное вознаграждение, предварительно спрятав его в шаверму. В этот момент у последнего сформировался прямой преступный умысел, направленный на извлече-

чение материальной выгоды от незаконной преступной деятельности [7].

Согласно Приговору Урайского городского суда Ханты-Мансийского автономного округа от 08 февраля 2024 года по делу № 1–30/2024 у Д., находившегося вместе с Ф. в квартире возник прямой умысел на склонение к потреблению наркотических средств Ф., реализованный в форме намерения вызвать у Ф. желания к потреблению наркотических средств, которые последний употребил путем вдыхания порошка через нос [10].

Вышеуказанные судебные акты подтверждают, что преступления в виде незаконного оборота наркотических средств совершаются в форме прямого умысла. Ниже приведен приговор суда по ст. 228.2 УК РФ, осужденный по которому имел форму вины в виде небрежности.

Так, согласно Приговору Железнодорожный районный суд г. Рязани от 01.09.2023 г. по делу № 1–321/2023 Федосов совершил халатность вследствие небрежного отношения к службе, а именно вышел на прилегающую территорию УМВД России по Рязанской области вместе с пакетами, содержащими наркотические средства, целостность которых при неустановленных обстоятельствах была нарушена, в результате чего произошла их частичная утрата. Кроме того, вследствие небрежного отношения к службе, Федосов не передавал наркотические средства для производства экспертиз, а хранил их в своем кабинете, что повлекло их утрату.

В результате совершения указанных деяний Федосов привлечен к уголовной ответственности по ч. 1 ст.228.2 УК РФ с формой вины в виде небрежности [9].

Мотив преступления будет иметь значение только в том случае, если он предусмотрен в диспозиции в качестве признака основного или квалифицированного состава. В диспозиции мотив можно определить с помощью слов — побуждение, мотив, заинтересованность [14]. Только часть 2 статьи 228.2 УК РФ имеет указание на мотив преступления в качестве квалифицирующего признака — «из корыстных побуждений».

Цель преступления — это факультативный признак субъективной стороны, имеющий значение для квалификации, если она указана в диспозиции в качестве признака основного или квалифицированного состава. Статья 228 УК РФ предполагает отсутствие цели сбыта, в то время как субъективная сторона ст. 228.1 УК РФ как раз предусматривает цель сбыта, т. е. совершение отчуждения возмездно или безвозмездно [1].

Таким образом, субъект преступления незаконного оборота наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов — общий с 16 лет, исключение с 14 лет по ст. 229 УК РФ, специальный по ст. 230.1, 230.2, 233 УК РФ. Формы вины в рассматриваемом преступлении — прямой умысел, за исключением ст. 228.2 УК РФ, которая допускает форму вины в виде неосторожности в отношении последствий.

Литература:

1. Алексеев, С. В. Уголовное право / С. В. Алексеев. — М.: Феникс, 2018. — 416 с.
2. Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 19.10.2021 N 32-УД21-24-A4 // СПС «Консультант Плюс».
3. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации: в 4 т. (постатейный) / А. В. Бриллиантов, А. В. Галахова, В. А. Давыдов и др., отв. ред. В. М. Лебедев. М.: Юрайт, 2017. Т. 2: Особенная часть. Разделы VII — VIII. 371 с.
4. Наумов, А. В. Российское уголовное право. Общая часть. Курс лекций. -6-е изд. — М.: Проспект. 2020. 784 с.
5. Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 13.09.2022 N 77-4491/2022// СПС «Консультант Плюс».
6. Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 21.05.2025 N 77-1636/2025// СПС «Консультант Плюс».
7. Приговор Белгородского районного суда Белгородской области от 28 августа 2025 года по делу № 1-219/2025 — URL: <https://судебныерешения.рф/92293114/extended> (дата обращения 01.12.2025).
8. Приговор Губкинского городского суда Белгородской области от 20 октября 2025 года по делу № 1-297/2025 — URL: <https://судебныерешения.рф/93312343/extended> (дата обращения 01.12.2025).
9. Приговор Железнодорожный районный суд г. Рязани от 01.09.2023 г. по делу № 1-321/2023 — URL: <https://судебныерешения.рф/77753165/extended> (дата обращения 01.12.2025).
10. Приговор Урайского городского суда Ханты-Мансийского автономного округа от 08 февраля 2024 года по делу № 1–30/2024 — URL: <https://судебныерешения.рф/81048731/extended> (дата обращения 01.12.2025).
11. Уголовное право. Общая часть учебник. Московская академия следственного комитета Российской Федерации Уголовное право. — Москва: 2017.
12. Уголовное право. Особенная часть: учебник для вузов / ответственные редакторы А. В. Наумов, А. Г. Кильбальник. — 6-е изд., перераб. и доп. — Москва: Издательство Юрайт, 2025. — 564 с. — (Высшее образование). — ISBN 978-5-534-18550-8. — Текст: электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. с. 310 — URL: <https://urait.ru/bcode/563340/p.310> (дата обращения: 01.12.2025).
13. Хайруллин, И. И. Состав преступления, его элементы, признаки и виды / И. И. Хайруллин // Вопросы устойчивого развития общества. — 2022. — № 6. — С. 766–770.
14. Щелконогова, Е. В. Состав преступления как система // Legal Concept. 2020. № 1.

Механизм и основания применения мер поощрения к государственному гражданскому служащему: вопросы тактики

Черкашина Татьяна Петровна, студент

Поволжский институт управления имени П. А. Столыпина — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (г. Саратов)

В последние годы внедряются системы оценки эффективности деятельности госслужащих. Устанавливаются показатели, которые нужно достичь. Это упрощает оценку: выполнил показатели — эффективный, не выполнил — неэффективный. Но жизнь сложнее формальных показателей. Бывает, что служащий выполнил все плановые задания, но не проявил никакой инициативы. А бывает наоборот: показатели не достигнуты из-за объективных причин, но человек сделал всё возможное и даже больше, ставя детально рассматривает основания для поощрения на государственной гражданской службе.

Ключевые слова: государственный служащий, поощрения, эффективность, требования, мотивация, обязанности, результат.

За последние годы требования к госслужащим заметно выросли. От них ждут не просто выполнения должностных обязанностей, а настоящей инициативы, профессионализма высокого уровня и готовности брать на себя ответственность. Граждане всё чаще обращаются в государственные органы, спектр задач расширяется, а технологии меняются с невероятной скоростью. В таких условиях награды и поощрения становятся не формальностью, а реальным инструментом, который помогает выделить лучших работников и показать другим, к чему стоит стремиться.

Поэтому эффективность нельзя сводить только к цифрам. Нужна комплексная оценка, учитывающая и количественные показатели, и качество работы, и личный вклад служащего. Руководитель должен видеть не только отчёты, но и реальную картину деятельности подчинённого.

Выполнение заданий особой важности и сложности — есть основание для поощрения. Также особо важными могут быть задания, связанные с чрезвычайными ситуациями. Стихийное бедствие, техногенная катастрофа, эпидемия — в таких условиях любая работа по ликвидации последствий или предотвращению угроз приобретает особую важность. Служащие, участвующие в этой работе, могут быть представлены к наградам.

Многолетний добросовестный труд тоже может стать основанием для поощрения. Закон не называет это прямо, но практика сложилась. Служащий проработал десять, пятнадцать, двадцать лет. Всё это время трудился честно, без нарушений, приносил пользу. Такая выслуга заслуживает признания. К юбилейным датам часто награждают именно за многолетнюю службу.

Здесь есть тонкость. Награждают не просто за стаж, а за добросовестный труд на протяжении этого стажа. Если человек числился на службе двадцать лет, но работал спустя рукава, допускал нарушения, конфликтовал, его вряд ли наградят. Стаж должен быть наполнен достойным содержанием.

Проявление инициативы — основание, которое особенно ценится в современных условиях. Государство за-

интересовано в том, чтобы служащие не просто исполняли приказы, а думали, предлагали новые решения, искали способы улучшить работу. Инициативный работник — это актив, который нужно поощрять [1].

Высокое качество работы — очевидное основание для награды. Служащий выполняет свои задачи не просто хорошо, а отлично. Документы оформлены безукоризненно. Решения продуманы до мелочей. Граждане довольны обслуживанием. Коллеги берут пример. Вот это качество и должно признаваться.

Получается, что оценка качества снова упирается в усмотрение руководителя. Он на основе своего опыта и наблюдений решает, качественно ли работает подчинённый. Или наоборот: результата нет из-за объективных причин, не зависящих от служащего, но его всё равно не поощряют. Формально правильно, но по сути несправедливо.

Участие в реализации важных проектов может стать основанием для награды. Государство запускает масштабные программы, реализует национальные проекты. Служащие, которые вносят вклад в эту работу, заслуживают признания. Причём не только руководители проектов, но и рядовые исполнители, если их вклад значим.

Успешное выполнение представительских функций тоже может быть основанием. Служащий представлял свой орган на международной конференции. Или вёл переговоры с иностранными партнёрами. Или организовал важное мероприятие. Если всё прошло успешно, это заслуга, за которую можно наградить.

Воспитание молодых специалистов — основание, которое часто недооценивают. Опытный служащий берёт шефство над новичками, передаёт им знания, помогает адаптироваться. Это требует времени, терпения, педагогических способностей. Хороший наставник — на вес золота. Его труд должен признаваться.

Участие в общественной жизни коллектива может учитываться при решении вопроса о поощрении. Служащий активен в профсоюзе, организует досуговые мероприятия, помогает решать социальные проблемы коллег.

Такая активность создаёт благоприятный климат в коллективе, укрепляет командный дух. Его можно поощрять.

Экономия бюджетных средств — основание, которое приобретает особую актуальность в условиях ограниченных ресурсов. Служащий нашёл способ решить задачу с меньшими затратами. Или выявил необоснованные расходы. Или предложил более эффективное использование имеющихся ресурсов. Государство заинтересовано в бдительности, и такие достижения нужно поощрять.

Внедрение инноваций и новых технологий — современное основание для награды. Государство стремится к цифровизации, автоматизации процессов, использованию передовых методов работы. Служащие, которые осваивают новые технологии, внедряют их в практику, обучают коллег, вносят большой вклад в модернизацию госслужбы.

Практика показывает, что часто основания для поощрения размыты и формальны. Награждают не за конкретные достижения, а к праздникам или юбилеям. Представления пишут общими фразами, без детального описания заслуг. В результате теряется связь между поощрением и реальным вкладом служащего.

Это проблема, которую нужно решать. Поощрение должно быть обоснованным, конкретным, связанным с реальными достижениями. Только тогда оно выполняет свою стимулирующую функцию. Когда награждают формально, система теряет смысл.

Другая проблема — отсутствие чётких критериев. Как уже говорилось, формулировки закона общие, их можно толковать по-разному. Разные руководители применяют разные подходы к оценке заслуг. В одном ведомстве за такие-то достижения дают медаль, в другом — благодарность.

Нужна большая определённость в критериях. Конечно, невозможно расписать все случаи. Но можно установить общие ориентиры, примеры типичных оснований, подходы к оценке. Это сузит поле для субъективизма и сделает систему более предсказуемой.

Нужно активнее использовать коллективные формы поощрения. Награждать целые подразделения, присуждать командные призы, отмечать вклад каждого члена успешной команды. Это укрепит солидарность, покажет,

что ценится не только личное первенство, но и умение работать вместе.

Представление должно быть содержательным. Нужно описать конкретные достижения, привести цифры и факты, показать реальный вклад служащего [2]. Тогда решение о награждении будет обоснованным, а сама награда — действительно заслуженной.

Основания для поощрения — это фундамент всей системы наград на госслужбе. От того, насколько они чётки, понятны и справедливы, зависит эффективность института поощрений. Расплывчатые формулировки создают простор для субъективизма. Чёткие критерии обеспечивают объективность. Законодатель должен двигаться в сторону большей определённости, не убивая при этом необходимую гибкость.

Руководители должны уметь распознавать заслуги. Не все достижения лежат на поверхности. Иногда нужно присмотреться, разобраться, оценить. Служащий работает тихо, без шума, но его вклад огромен. Другой на виду, активен, но реального результата мало. Руководитель должен видеть разницу.

Справедливость в определении оснований критически важна. Если награждают не за реальные заслуги, а по другим мотивам, система теряет легитимность. Служащие перестают верить в неё, перестают стремиться к наградам. Мотивирующий эффект исчезает. Поэтому каждое решение о поощрении должно быть тщательно обосновано.

Основания для поощрения — это мост между деятельностью служащего и признанием его заслуг. Крепкий мост обеспечивает надёжную связь. Шаткий мост создаёт неопределенность. Задача законодателя и правоприменителей — строить крепкие мосты, обеспечивать чёткую связь между тем, что делает служащий, и тем, как это оценивается.

В конечном счёте вопрос об основаниях поощрения — это вопрос о том, какое поведение государство считает образцовым. Награждая за одни действия и игнорируя другие, государство формирует модель идеального служащего. Эта модель влияет на всех остальных. Они видят: вот за что дают награды, значит, нужно к этому стремиться. Поэтому так важно, чтобы основания отражали действительно ценные для общества качества и достижения.

Литература:

- Гацко, Ф. М. Государственная служба: организационно-правовые основы текст: учебное пособие / М. Ф. Гацко. — Ногинск: Ногинский филиал РАНХиГС, 2023. — 128 с.
- Грищук, В. А. Кадровая подготовка как ресурс экономического роста современной России / В. А. Грищук // Дискус-Пи. 2024. — Том 11. — № 4. — С. 128–132.

Поощрительное производство в системе государственной гражданской службы

Черкашина Татьяна Петровна, студент

Поволжский институт управления имени П. А. Столыпина — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (г. Саратов)

В статье рассматривается система поощрения государственных служащих как комплексный механизм повышения эффективности профессиональной деятельности. Проанализированы основные виды и формы поощрений, их нормативно-правовое регулирование в системе государственной службы Российской Федерации. Исследованы критерии эффективности служебной деятельности и механизмы их оценки в контексте применения поощрительных мер. Особое внимание уделено взаимосвязи материальных и нематериальных форм стимулирования, их влиянию на мотивацию государственных служащих и качество государственного управления.

Ключевые слова: государственная служба, поощрение государственных служащих, эффективность государственной службы, система стимулирования, ведомственные награды, мотивация служащих, кадровая политика, государственное управление.

В современных условиях трансформации государственного аппарата особую актуальность приобретает исследование модификации организационно-правового статуса государственных служащих, включая служащих муниципального уровня, что обуславливает необходимость углубленного научного анализа данной проблематики.

Приоритетным вектором совершенствования системы государственного управления в Российской Федерации выступает оптимизация деятельности государственных служащих, направленная на повышение их профессиональной компетентности и укрепление престижа государственной службы как института. Данное направление представляется фундаментальной задачей государственных ведомств в контексте административной реформы.

Современное демократическое государство, базирующееся на принципах верховенства права, инициирует и поддерживает процессы непрерывного совершенствования функционирования государственных органов. Данная поддержка реализуется посредством модернизации управленческих механизмов и разработки инновационных методологических подходов к организации их деятельности. Государственные структуры, наряду с выполнением функций по обеспечению правопорядка, целенаправленно работают над повышением уровня служебной дисциплины и укреплением законности в системе внутриведомственных отношений.

Эффективность государственной службы детерминируется её способностью к стратегическому планированию, оперативному решению текущих задач и адаптивному реагированию на возникающие вызовы. Именно такая модель государственной службы представляется привлекательной и перспективной в контексте развития инновационных управленческих систем.

Институт поощрения и награждения гражданских служащих представляет собой форму общественного признания профессиональных достижений, имеющую существенное морально-психологическое значение и со-

пряженную с определенными правовыми и материальными преференциями.

Законодательное регулирование данной сферы осуществляется на основании статьи 55 Федерального закона от 27 июля 2004 года № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации [1]», которая регламентирует следующую систему поощрений за безупречную и эффективную службу:

- объявление благодарности государственного органа, сопровождающееся единовременным материальным поощрением;
- награждение почетной грамотой государственного органа с предоставлением единовременного поощрения или ценного подарка;
- применение иных форм ведомственного поощрения и награждения;
- предоставление единовременного поощрения при выходе на пенсию государственной службы;
- поощрение на уровне Правительства Российской Федерации;
- поощрение Президентом Российской Федерации;
- присвоение государственных наград Российской Федерации.

Институт поощрения может быть квалифицирован как особая разновидность правоприменительного процесса, что обусловлено следующими факторами:

1. Ограниченность субъектного состава, наделенного полномочиями по применению поощрительных мер;
2. Реализация мер позитивного государственно-правового воздействия в противовес принудительным механизмам;
3. Стадийность процесса применения поощрительных мер, характерная для правоприменительной деятельности;
4. Результативность процесса в форме правоприменительного акта, регламентирующего меры позитивной юридической ответственности.

Поощрение выступает ключевым мотивационным и стимулирующим фактором профессиональной деятель-

ности государственного служащего. Принятие решения о поощрении служит индикатором высокой профессиональной квалификации и общественного признания заслуг служащего.

В современной системе государственной службы реализуется принцип интеграции моральных и материальных поощрительно-наградных механизмов. Моральное стимулирование, выраженное, например, в форме объявления благодарности, сопровождается материальным поощрением в виде единовременных денежных выплат [2].

Эффективность системы поощрений детерминируется строгим соблюдением нормативно установленных требований к их применению. Фундаментальное значение приобретает обеспечение законности и обоснованности имплементации поощрительных мер.

В современной теории государственной службы производится дихотомическое деление поощрений за профессиональную деятельность на собственно поощрения и награждения. К первой категории относятся преимущественно материальные стимулы в форме денежных выплат, в то время как награждения носят преимущественно моральный характер, выступая формой общественного признания профессиональных заслуг государственного служащего. Данная таксономия представляет собой инновационный подход к классификации стимулирующих механизмов, не имевший аналогов в предшествующем законодательстве о государственной службе и трудовом праве.

Концепт безупречности служебной деятельности, выступающий основанием для применения поощрительных мер, характеризуется отсутствием дисциплинарных взысканий и предполагает неукоснительное соблюдение служащим должностного регламента и профессиональных обязанностей. При этом категория эффективности государственной гражданской службы детерминирует дифференцированные правовые последствия в зависимости от иерархического уровня замещаемой должности и специфики служебного контракта.

Модернизация системы государственной службы требует имплементации инновационных управленческих технологий в сфере стимулирования персонала. Техноло-

гическая модернизация создает дополнительные возможности для оптимизации процесса предоставления государственных услуг и повышения уровня подотчетности органов власти перед обществом.

Государственные служащие, являясь ключевыми акторами в реализации управленческих функций государства, оказывают непосредственное влияние на эффективность административного управления и качество социальных услуг. В связи с этим, приоритетное значение приобретает совершенствование механизма стимулирования государственных служащих и оптимизация его использования для привлечения и удержания высококвалифицированных специалистов в государственном секторе.

Мотивационная система государственных служащих представляет собой синергетическое взаимодействие внутренних и внешних факторов, где поощрение и санкции выступают базовыми инструментами стимулирования. В контексте организационного менеджмента система вознаграждений и поощрений служит эффективным механизмом регулирования профессионального поведения служащих и обеспечения надлежащего исполнения служебных обязанностей.

Практическая реализация принципа беспристрастности в большей степени определяется организационной культурой государственной службы и профессиональными установками коллег и руководителей, нежели формальными конституционными или законодательными нормами. Эмпирические исследования деятельности государственных служащих в различных управленческих структурах демонстрируют вариативность восприятия концепции беспристрастности представителями различных функциональных направлений государственной службы, при сохранении константной значимости поощрительных механизмов.

Таким образом, система поощрения государственных служащих представляет собой комплексный институциональный механизм, интегрирующий материальные и нематериальные стимулы, направленный на повышение эффективности профессиональной деятельности и обеспечение стабильности кадрового состава государственной службы.

Литература:

1. Федеральный закон от 27.05.2003 N 58-ФЗ (ред. от 14 февраля 2024 г.) «О системе государственной службы Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ — 2003 — № 22 — ст. 2063.
2. Бузоверова И. В., Карпухин И. Н. Кадровая политика в системе государственной гражданской службы // Ученые записки Тамбовского отделения РоСМУ. — 2024. — № 7. — С. 67–72.

Актуальные проблемы таможенного контроля

Четина Валерия Евгеньевна, студент магистратуры
Челябинский государственный университет

В последние годы в Российской Федерации усилилась потребность в проверке достоверности сведений о грузах, пересекающих таможенные границы Евразийского экономического союза. При этом предприятия и организации, осуществляющие внешнеэкономическую деятельность и декларирующие перемещаемые товары, играют важную роль в обеспечении корректности этих данных, что, в свою очередь, влияет на возможность роста бюджетных поступлений государства.

При осуществлении проверок должностные лица таможенных органов неизбежно встречают ряд системных препятствий, которые существенно осложняют проведение контроля и меры по пресечению незаконного перемещения товаров.

Ключевые слова: государственный контроль, государственные органы, информационные таможенные технологии, стратегия, таможенный контроль, проверочные мероприятия.

Current problems of customs control

Chetina Valeriya Evenievna, master's student
Chelyabinsk State University

An recent years, the Russian Federation has seen an increased need to verify the accuracy of information about goods crossing the customs borders of the Eurasian Economic Union. Enterprises and organizations engaged in foreign economic activities and declaring goods being transported play a crucial role in ensuring the correctness of this data, which in turn affects the potential growth of state budget revenues.

When conducting inspections, customs officials inevitably encounter a number of systemic obstacles that significantly complicate the implementation of control measures and efforts to prevent the illegal movement of goods.

Keywords: state control, state agencies, information customs technologies, strategy, customs control, and inspection activities.

Таможенный контроль — центральное звено в реализации торговой политики государства и, следовательно, в обеспечении его экономической безопасности, особенность которого в современных условиях является выполнение сложнейшей задачи: сокращение допустимого времени на его осуществление при непрерывном возрастании требований результативности и качества [6].

Регулирование таможенной деятельности, являясь важнейшим звеном государственной политики, сопряжено с наличием ряда проблем, которые необходимо усовершенствовать.

1) Отсутствие единых нормативных требований для осуществления таможенного контроля в пределах таможенной зоны Евразийского экономического союза является значимой проблемой.

В Российской Федерации, а также в рамках Евразийского экономического союза, процесс автоматизации системы управления рисками сталкивается с существенными ограничениями. Основной проблемой является несогласованность стандартов таможенного контроля внутри ЕАЭС, так как наднациональные нормативные документы лишь определяют общие рамки, оставляя детальную регламентацию процедур компетенции национальных законов. Из этого вытекает, что таможенные службы каждой страны-члена самостоятельнорабатывают и применяют свои методы контроля.

Проблемы, описанные выше, можно устраниить посредством следующей стратегической инициативы. В кон-

тексте Евразийского экономического союза предлагается реализовать унифицированную технологию дистанционного выпуска, а также использовать «Интеграционную информационно систему внешней и взаимной торговли Евразийского экономического союза» совместно с общим механизмом управления рисками. Такой подход продиктован наблюдениями за практикой применения системы управления рисками (СУР), эффективность которой оказывается невысокой из-за длительного периода формирования и передачи профилей риска до конечных исполнителей.

Общая цифровизация реализуется посредством многоступенчатого подхода. Первая фаза включает разработку Интеграционной информационной системы внешней и взаимной торговли Евразийского экономического союза, после чего следует применение системы удалённого выпуска. На основании оценки эффективности этих решений, завершается процесс созданием общей системы управления рисками (СУР).

Для выявления нарушений в таможенной сфере требуется создать автоматизированный модуль в системе управления рисками (СУР), который базируется на анализе информации, формируемой в результате оперативно-служебной и информационно-аналитической деятельности подразделений правоохранительных органов таможенной службы. Не менее важно обеспечить объединение данных, поступающих от таможенных ведомств зарубежных государств, с прицелом на сведения, предо-

ставленные таможенными органами стран-участниц Евразийского экономического союза.

Наличие значительных разрывов в уровне цифровых технологий среди участников Евразийского экономического союза создает необходимость их гармонизации. В настоящее время отдельные государства только начинают осваивать ряд параллельных направлений, ориентированных на выработку унифицированного подхода к дистанционному выпуску товаров и на оперативное внедрение общего информационного ресурса. Разработка такой системы позволит обеспечить мгновенный обмен данными между таможенными службами и иными государственными учреждениями внутри союза, что, в конечном итоге, способствует переходу к более точному и действенному таможенному контролю.

2) Выявление основных структурных нарушений, затрудняющих эффективное осуществление процедуры посттаможенного контроля.

Одной из значимых проблем в области таможенного контроля после выпуска товаров является нехватка современных технологических моделей, организующих процесс выпуска товаров и обеспечивающих взаимодействие с каждым структурным звеном государственных контрольных органов. В рамках существующего порядка процедура стартует с подачи таможенной декларации и уплаты установленных сборов, за которыми следует выпуск товара, а непосредственная проверка проводится после завершения этого этапа. Еще одним существенным затруднением является низкий уровень прозрачности и добросовестности со стороны участников внешнеэкономической деятельности, которые не всегда демонстрируют готовность предоставить документы и информацию, подтверждающие данные, изложенные в таможенной декларации. При этом, в соответствии с Таможенным кодексом Евразийского экономического союза, такие лица обязаны сохранять материалы, необходимые для контроля, на протяжении 5 лет с момента завершения нахождения товаров под таможенным надзором. С целью активизации операторов внешнеторговой деятельности в вопросах предоставления требуемой информации, таможенные органы могут применять специальный механизм — расчетный метод определения таможенных платежей, используемый в процессе проверки после выпуска товаров.

Литература:

1. Межведомственное информационное взаимодействие таможенных органов при проведении таможенного контроля после выпуска товаров / К. А. Петрова, И. П. Килина // Материалы II Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Новосибирск: Изд-во СГУПС, 2021. С. 64–69.
2. Таможенный кодекс Евразийского экономического союза (приложение № 1 к Договору о Таможенном кодексе Евразийского экономического союза) [Электронный ресурс]. — ред. от 01.01.2018. — Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_215315/ (дата обращения: 23.11.2025).
3. Федеральный закон от 03.08.2018 № 289-ФЗ «О таможенном регулировании в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_304097/ (дата обращения: 23.11.2025).

Для устранения обозначенной проблемы предлагается комплексное направление мер. Основной акцент делается на модернизации технологических схем таможенного контроля, осуществляемых после выпуска продукции, а также на детальной регламентации порядка взаимодействия с каждым из государственных контролирующих органов.

Оптимизация процедур пересечения таможенной границы ЕАЭС и сокращение времени таможенного оформления посредством акцента на проверке после выпуска товаров требует усиления взаимодействия с таможенными и налоговыми органами других стран-участниц Евразийского экономического союза. Такой синхронный подход позволит вести постоянный контроль над перемещением товаров на каждом этапе их реализации.

Введение данных мер нацелено на ликвидацию ситуации, когда предприятия, участвующие в внешнеэкономических операциях, направляют в таможенную службу одни данные, а для целей налогового контроля декларируют заниженные суммы, что, в свою очередь, приводит к уменьшению таможенных сборов.

Разработка и применение интегрированной системы управления с включёнными контрольными механизмами представляется необходимой мерой для всесторонней оценки аргументированности принимаемых решений в процессе реализации посттаможенного контроля. Такая инициатива позволит не только проводить детальный анализ обоснованности данных решений, но и содействовать усилению личной ответственности сотрудников таможенных органов за применяемые меры.

Реализация вышеуказанных мер способствует совершенствованию надзора в таких сферах, как таможенное, налоговое, транспортное, ветеринарное, карантинное и фитосанитарное регулирование в рамках Евразийского экономического союза. Однако данный прогресс возможен только при создании единой базы разрешительной документации на территории союза и внедрении процедур дистанционного оформления выпуска товаров с последующим таможенным контролем. Помимо этого, особое значение имеет применение и дальнейшее развитие системы управления рисками (СУР), что ускоряет и упрощает процессы таможенной проверки за счет выпуска товаров без обязательного наличия сопроводительных документов и реального физического досмотра.

4. Распоряжение Правительства Российской Федерации 23.05.2020 № 1388-р «Стратегия развития таможенной службы Российской Федерации до 2030 года» [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_353557/ (дата обращения: 23.11.2025).
5. Полякова А. А., Афонин Д. Н., Яргина Н. Ю. Перспективы внедрения автоматизированной системы мониторинга контейнерных перевозок // Бюллетень инновационных технологий. — 2017. — Т. 1, № 3(3). — С. 34–41.
6. Неровня Д.Е., Полухин И.В. Актуальные проблемы в осуществлении таможенного контроля. Секция «Актуальные проблемы инновационного развития предприятий: таможенный аспект». Актуальные проблемы авиации и космонавтики — 2020. Том.3. С.629-632.

Правовое регулирование деятельности Социального фонда России как объединенного внебюджетного фонда: актуальные проблемы и перспективы

Шебалова Татьяна Сергеевна, студент магистратуры

Научный руководитель: Князева Ирина Николаевна, кандидат юридических наук, доцент
Челябинский государственный университет

В статье определено, что создание Социального фонда России 1 января 2023 года в результате объединения Пенсионного фонда Российской Федерации и Фонда социального страхования стало ключевым этапом реформирования системы государственного социального обеспечения. Целью преобразования, закреплённого Федеральным законом № 236-ФЗ от 14 июля 2022 года, являлась оптимизация административной структуры, снижение бюрократической нагрузки на работодателей и повышение доступности социальных услуг в режиме «единого окна». Однако реорганизация вывела ряд актуальных проблем административно-правового характера. Особое внимание в работе уделяется двойственности правового статуса СФР, сочетающего признаки государственного учреждения и внебюджетного фонда, что порождает теоретические и практические коллизии.

Анализ показывает наличие пробелов в единообразном правоприменении, разрозненность административных регламентов, несогласованность информационных систем, а также неопределенность в правовом положении должностных лиц Фонда, не имеющих статуса государственных служащих, несмотря на исполнение публично-властных полномочий. Эти факторы создают риски нарушения принципа законности, неравного доступа граждан к социальным гарантиям и потенциальные коррупционные угрозы.

Ключевые слова. Социальный фонд России, административно-правовой статус, внебюджетный фонд, реорганизация, правовое регулирование, территориальные органы, должностные лица, принцип законности, государственное управление, социальное страхование, пенсионное обеспечение.

Создание 1 января 2023 года Социального фонда России (СФР) в результате объединения Пенсионного фонда Российской Федерации и Фонда социального страхования РФ стало ключевым этапом в реформировании системы государственного социального обеспечения. Данное преобразование, закрепленное Федеральным законом от 14 июля 2022 года № 236-ФЗ «О Фонде пенсионного и социального страхования Российской Федерации», было направлено на оптимизацию административной структуры, снижение нагрузки на работодателей и повышение доступности социальных услуг для граждан в режиме «единого окна». Однако масштабная реорганизация породила ряд правовых и организационных вызовов, требующих научного осмысления и практического разрешения [2].

Правовое регулирование деятельности СФР представляет собой многоуровневую систему, включающую конституционные нормы (ст. 39 Конституции РФ), федеральные законы, акты Президента и Правительства РФ, а также ведомственные акты самого Фонда. Базовым актом

выступает ФЗ № 236-ФЗ, который определяет СФР как государственный внебюджетный фонд при Правительстве РФ, наделяя его функциями учреждения, осуществляющего пенсионное и социальное страхование. Особенностью правового статуса СФР является его двойственная природа: с одной стороны, он сохраняет признаки внебюджетного фонда, с другой — формально классифицируется как государственное учреждение, что вызывает определенную теоретическую неопределенность в доктрине административного права.

Как отмечают Третьякова Н. А., Левченко М. И. и Пономарев О. В., «объединение двух мощных социальных институтов потребовало не только технической интеграции, но и глубокой правовой адаптации норм, ранее регулировавших раздельную деятельность ПФР и ФСС». На практике это выражается в коллизиях между старыми и новыми нормами, а также в пробелах в регулировании отдельных аспектов функционирования единого Фонда. Например, сохраняются различия в порядке администри-

рования страховых взносов: согласно главе 34 Налогового кодекса РФ, сбором взносов занимается Федеральная налоговая служба, в то время как контроль за их целевым использованием и назначение конкретных выплат осуществляются СФР. Такое разделение функций затрудняет оперативное выявление и устранение нарушений, что подчёркивает Н. О. Рехтина [5].

Одной из наиболее острых проблем является отсутствие единого административно-процессуального регулирования внутри СФР. Несмотря на объединение, ведомственные регламенты и внутренние инструкции по-прежнему воспроизводят двойственность прошлой системы. Это проявляется, в частности, в разнотечениях при рассмотрении обращений граждан: в одних регионах сохраняются процедуры, характерные для ПФР, в других — для ФСС. Такая практика нарушает принцип равенства прав граждан и противоречит требованиям Федерального закона от 2 мая 2006 года № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации». Как справедливо замечает Е. С. Никишина, «реализация принципа законности в деятельности СФР пока осуществляется фрагментарно, без единого подхода к правоприменительной практике на местах».

Кроме того, возникают сложности в правовом статусе должностных лиц СФР. Хотя ФЗ № 236-ФЗ прямо не называет их государственными служащими, на практике они выполняют публично-властные полномочия (назначение выплат, контроль за уплатой взносов, принятие решений об отказе в выплатах и т. д.). Это ставит вопрос о необходимости приведения их правового положения в соответствие с Федеральным законом от 27 июля 2004 года № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации». Отсутствие чётких квалификационных требований и механизмов ответственности за нарушение профессиональной этики или злоупотребление полномочиями создаёт предпосылки для коррупционных рисков. А. Ю. Дулова указывает, что «в условиях отсутствия единого кадрового регулирования и слабого внутреннего контроля возрастает вероятность бюрократических проволочек и злоупотреблений» [7].

Ещё одной проблемой, выявленной в ходе функционирования СФР, является несовершенство механизмов проактивного назначения выплат. Несмотря на декларируемую цель автоматизации, на практике многие категории граждан по-прежнему вынуждены подавать заявления вручную из-за несогласованности информационных систем. Особенно это актуально для лиц с ограниченными возможностями и жителей удалённых территорий. В. А. Фадеева, Е. В. Борина и С. В. Старцева констатируют: «Единая государственная информационная система социального обеспечения находится на

стадии формирования, и полноценное межведомственное взаимодействие пока не достигнуто» [6].

Перспективы совершенствования правового регулирования СФР связаны, прежде всего, с кодификацией норм, регулирующих его деятельность. Необходимо принятие единых административных регламентов, унифицированных для всей территории РФ, а также разработка специального подзаконного акта, регулирующего статус должностных лиц Фонда. Как предлагает О. И. Вислобоков, «следует рассмотреть возможность наделения СФР статусом федерального органа исполнительной власти по социальному обеспечению, что повысит прозрачность и подотчётность его деятельности».

Важным направлением является усиление контрольно-надзорных функций. Контрольно-ревизионная комиссия СФР, упомянутая в ФЗ № 236-ФЗ, пока не реализует в полной мере свой потенциал. Её деятельность требует правового укрепления и наделения полномочиями по проведению проверок как на федеральном, так и на региональном уровне. Это позволит снизить риски нецелевого расходования бюджетных средств и повысить финансовую устойчивость системы.

Также необходима дальнейшая гармонизация законодательства в сфере обязательного пенсионного и социального страхования. В настоящее время параллельно действуют ФЗ № 167-ФЗ «Об обязательном пенсионном страховании», ФЗ № 255-ФЗ «Об обязательном социальном страховании на случай временной нетрудоспособности и в связи с материнством», ФЗ № 125-ФЗ «Об обязательном социальном страховании от несчастных случаев на производстве...» и ряд других. Их нормы не всегда согласованы между собой, что затрудняет правоприменение. В долгосрочной перспективе целесообразно разработка единого закона о социальном страховании, охватывающего все виды социальных рисков.

Таким образом, правовое регулирование деятельности Социального фонда России находится на этапе становления. Несмотря на значительные шаги в направлении интеграции и цифровизации, сохраняются системные проблемы, связанные с правовым статусом Фонда, его должностных лиц, механизмами администрирования и информационного взаимодействия. Их решение требует не только нормативных изменений, но и развития административно-правовой доктрины, учитывающей специфику деятельности современных объединённых социальных институтов. Только комплексный подход, сочетающий законодательную, организационную и кадровую реформу, позволит реализовать заявленные цели создания СФР и обеспечить эффективную защиту конstitutionальных прав граждан на социальное обеспечение.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 01.07.2020 № 11-ФКЗ) // Собрание законодательства РФ. — 2020. — № 31. — Ст. 4398.

2. Федеральный закон от 14.07.2022 № 236-ФЗ «О Фонде пенсионного и социального страхования Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2022. — № 29 (ч. I). — Ст. 5203.
3. Федеральный закон от 15.12.2001 № 167-ФЗ «Об обязательном пенсионном страховании в Российской Федерации» (ред. от 01.01.2025) // Собрание законодательства РФ. — 2001. — № 51. — Ст. 4832.
4. Федеральный закон от 16.07.1999 № 165-ФЗ «Об основах обязательного социального страхования» (ред. от 01.01.2025) // Собрание законодательства РФ. — 1999. — № 29. — Ст. 3686.
5. Федеральный закон от 29.12.2006 № 255-ФЗ «Об обязательном социальном страховании на случай временной нетрудоспособности и в связи с материнством» (ред. от 01.01.2025) // Собрание законодательства РФ. — 2007. — № 1 (ч. I). — Ст. 18.
6. Третьякова Н. А., Левченко М. И., Пономарев О. В. Социальный фонд Российской Федерации: регулирование, предпосылки и перспективы // Право и государство: теория и практика. — 2023. — № 5 (221). — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnyy-fond-rossiyskoy-federatsii-regulirovaniye-predposylki-i-perspektivy> (дата обращения: 28.10.2025).
7. Никишина Е. С. Социальный фонд России как институт реализации государственной социальной политики // Образование и право. — 2024. — № 2. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnyy-fond-rossii-kak-institut-realizatsii-gosudarstvennoy-sotsialnoy-politiki> (дата обращения: 28.10.2025).

Ответственность за незаконную рубку лесных насаждений: современные проблемы правоприменения и перспективы совершенствования законодательства

Шемендюк Анна Вадимовна, студент магистратуры
Новосибирский государственный университет экономики и управления

В статье проводится комплексный анализ современного состояния юридической ответственности за незаконную рубку лесных насаждений в Российской Федерации. Рассматриваются уголовная (ст. 260 УК РФ) и административная (ст. 8.28 КоАП РФ) ответственность, их разграничительные признаки. Особое внимание уделено проблемам квалификации, определения размера ущерба и практическим сложностям, возникающим в правоприменительной деятельности. На основе анализа судебной практики и статистических данных выявлены тенденции ужесточения наказаний и расширения оснований ответственности. Автор исследует новеллы законодательства, в частности, вопросы возмещения вреда, причиненного лесам, и использование технологий дистанционного зондирования Земли для доказывания факта правонарушения. В заключение предлагаются направления для совершенствования правового регулирования в целях повышения эффективности борьбы с незаконными рубками.

Ключевые слова: незаконная рубка, лесные насаждения, экологические преступления, ст. 260 УК РФ, ст. 8.28 КоАП РФ, ущерб, возмещение вреда, правоприменение, лесоустройство.

Незаконная рубка лесных насаждений остается одной из наиболее острых и социально значимых проблем в сфере экологической безопасности и рационального природопользования в Российской Федерации. Несмотря на постоянное ужесточение мер ответственности, данный вид правонарушений наносит колossalный ущерб экосистемам, экономике страны и подрывает основы устойчивого управления лесами. Актуальность темы обусловлена необходимостью поиска баланса между карательной и превентивной функцией права, а также адаптацией законодательства к новым вызовам, включающим использование современных технологий как преступными группами, так и правоохранительными органами. Целью настоящего исследования является анализ действующих механизмов юридической ответственности за незаконную рубку, выявление системных проблем в правоприменении

и разработка научно обоснованных предложений по оптимизации законодательства.

1. Уголовная ответственность по статье 260 УК РФ: квалификация и практические сложности Основной нормой, устанавливающей уголовную ответственность за незаконную рубку, является ст. 260 УК РФ. Диспозиция статьи предусматривает ответственность за рубку лесных насаждений или не отнесенных к ним деревьев, кустарников, лиан, если эти деяния совершены в значительном размере. Ключевым критерием ограничения уголовно наказуемого деяния от административного проступка (ст. 8.28 КоАП РФ) является размер причиненного ущерба. В соответствии с примечанием к ст. 260 УК РФ, значительным размером признается ущерб, превышающий пять тысяч рублей, крупным — пятьдесят тысяч, особо крупным — сто пятьдесят тысяч рублей.

На практике определение размера ущерба сопряжено с рядом трудностей:

1) Методика расчета. Ущерб исчисляется по утвержденным тарифным методикам, которые не всегда адекватно отражают реальную экологическую и экономическую ценность уничтоженных лесных ресурсов, особенно в защитных лесах или на особо охраняемых природных территориях.

2) Установление объема незаконно заготовленной древесины. Зачастую точный объем установить невозможно из-за оперативной невыявленности правонарушения, вывоза древесины с места рубки. В таких случаях суды вынуждены опираться на косвенные доказательства и экспертные оценки, что может оспариваться стороной защиты. Важной новеллой последних лет стало ужесточение санкций по ч. 3 ст. 260 УК РФ (деяния, совершенные в особо крупном размере, группой лиц по предварительному сговору или организованной группой).

Законодатель предусмотрел наказание в виде лишения свободы на срок до 7 лет, что подчеркивает повышенную общественную опасность данных деяний.

2. Административная ответственность по статье 8.28 КоАП РФ За рубку, не достигшую значительного размера, предусмотрена административная ответственность. Ст. 8.28 КоАП РФ дифференцирована в зависимости от субъекта правонарушения (граждане, должностные лица, юридические лица) и характера деяния (без квалифицирующих признаков, с использованием механизированного инструмента и т. д.). Основной проблемой в данной сфере является эффективность наказаний. Штрафы, особенно для граждан, зачастую несоизмеримо малы по сравнению с прибылью, полученной от незаконной реализации древесины. Это снижает превентивный потенциал нормы.

Литература:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 24.04.2024).
2. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 N 195-ФЗ (ред. от 24.04.2024).
3. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 1 (2023) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 15.03.2023).
4. Лесной кодекс Российской Федерации от 04.12.2006 N 200-ФЗ (ред. от 24.04.2024).
5. Постановление Правительства РФ от 29.12.2018 N 1730 (ред. от 30.11.2023) «Об утверждении Особенностей возмещения вреда, причиненного лесам вследствие нарушения лесного законодательства».
6. Боголюбов С. А., Жариков Ю. Г. Экологическое право: учебник для вузов. — М.: Юрайт, 2023. — 485 с.
7. Дубовик О. Л. Экологические преступления: комментарий к главе 26 УК РФ. — М.: Проспект, 2022. — 312 с.

Анализ судебной практики Верховного Суда РФ и региональных судов позволяет выделить несколько актуальных тенденций:

1) Расширительное толкование состава преступления. Суды признают оконченным состав преступления с момента отделения дерева от корня, независимо от того, была ли древесина вывезена или реализована.

2) Использование данных дистанционного зондирования Земли (ДЗЗ). Спутниковые снимки и материалы аэрофотосъемки становятся все более важным доказательством в судах. Они позволяют точно установить время, место и масштабы рубки, особенно в труднодоступных районах.

3) Проблема возмещения вреда. Помимо уголовной или административной ответственности, с виновных лиц взыскивается ущерб, рассчитанный в кратном размере согласно Постановлению Правительства РФ. Однако процесс реального взыскания средств часто затруднен отсутствием у виновных лиц имущества и доходов.

4) Криминализация «серых» схем. Все чаще под действие ст. 260 УК РФ подпадают не только «черные» лесорубы, но и лица, использующие формально законные схемы, например, рубки ухода, при которых допускается значительное превышение установленных объемов или рубка ценных пород под видом малоценных. Заключение и предложения по совершенствованию законодательства

Проведенный анализ позволяет констатировать, что действующее законодательство об ответственности за незаконную рубку в целом носит комплексный характер, но его эффективность снижается из-за правоприменимых пробелов и латентности самого правонарушения.

ФИЛОЛОГИЯ, ЛИНГВИСТИКА

Речевой портрет Камалы Харрис в интервью как средство репрезентации публичной личности в политическом дискурсе

Аскерова Мария Анатольевна, студент магистратуры
Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы (г. Москва)

Речевой портрет политического деятеля, как элемент политического дискурса, отражает языковую личность индивида и его коммуникативные особенности. Речь говорящего играет ключевую роль в формировании его публичного образа. На материале интервью Камалы Харрис исследуются характерные черты ее вербального поведения. В статье рассматриваются стилистические и синтаксические приемы, формирующие образ политического деятеля. Результаты исследования иллюстрируют роль вербальных характеристик, влияющих на восприятие политика аудиторией.

Ключевые слова: политический дискурс, публичная личность, речевой портрет, интервью, стилистические приемы, синтаксические приемы.

Политический дискурс представляет собой сложную коммуникативную систему, в которой язык используется как средство выражения власти и влияния на общественное сознание. Политический дискурс отличается от повседневной речи следующими характерными чертами: особая терминология (специализированная лексика), экспрессивность (метафоры, эмоционально окрашенная лексика), манипулятивность и стратегическая направленность.

Манипулятивность и стратегическая направленность играют ключевую роль в политическом дискурсе, поскольку государственные деятели в своих выступлениях стараются воздействовать на коллективное сознание [3].

Политическая обстановка определяет специфику выступлений и зависит от цели политического лидера. Важную роль при этом играет реципиент политической речи, его культурное, религиозное и социальное происхождение. При составлении политического выступления также учитываются популярные в обществе тренды и мнения [2, с. 138].

Публичные выступления современных политиков выполняют следующие функции: информативную (донесение политических идей), имиджевую (формирование доверия к личности), прагматическую (влияние на общественное мнение). При этом интервью как форма политического выступления играет особую роль, так как сочетает черты официального и неформального общения. В интервью политик не только создает образ надежного представителя власти, но и выстраивает образ человека с собственными убеждениями и ценностями.

Именно формат интервью демонстрирует сложность политического общения, где политический деятель комбинирует элементы официального дискурса с элементами неформальной беседы. Такая комбинация позволяет изучить индивидуальные особенности речи и проанализировать лингвистические приемы, используемые для создания определенного имиджа.

Политический деятель формирует представление о себе среди аудитории, выбирая определенные лингвистические средства. Речевое поведение публичной личности становится инструментом самопрезентации. В этой связи выделяют понятие речевого портрета, анализ которого позволяет понять личность политика, его взгляды, намерения и способы воздействия на аудиторию. Речевым портретом личности называют совокупность языковых средств, отражающих социальные, культурные и психологические особенности участника коммуникации [1].

При исследовании речевого портрета политического деятеля ключевую роль играет контекст, в котором осуществляется коммуникация. Политическое высказывание не может существовать изолировано вне контекста, поскольку его содержание определяется ситуацией общения, аудиторией слушателей выступления и социально-политическими условиями. Контекст напрямую влияет на формирование речевого портрета, определяя выбор лингвистических средств.

Цель исследования состоит в определении особенностей речевого портрета Камалы Харрис в интервью и в анализе языковых средств, формирующих образ публичной личности в политическом дискурсе.

Объектом исследования является интервью Камалы Харрис в период предвыборной кампании в США в 2024 году. Предметом исследования является речевой портрет Камалы Харрис в контексте предвыборной гонки в США в 2024 году.

В исследовании применяются следующие методы: анализ политического дискурса, структурно-семантический анализ и описательный метод.

None of us, and certainly I cannot afford to be myopic in terms of how I think about strengthening America's economy [4].

Начало предложения с подлежащего *None of us* подчеркивает коллективный характер высказывания и включает не только политика и интервьюера, но и слушателей политической речи. В политическом дискурсе выбор местоимения *we* и производных от него *us*, *our* обусловлен установлением контакта между политиком и аудиторией. Камала Харрис подчеркивает общенациональную ответственность за развитие страны. Однако далее в предложении следует личное местоимение с наречием *certainly I*, которое подчеркивают лидирующую роль политического деятеля. В представленном примере эмфатическая конструкция *certainly I* демонстрирует переход от общего *none of us* к частному *certainly I*, выделяя лидирующую роль кандидата на пост в президенты.

Let me tell you something, I am a devout public servant, you know that [4].

Вводная конструкция *Let me tell you something* фокусирует внимание интервьюера на последующем сообщении. Конструкция подчеркивает неформальный стиль общения во время интервью, снижая официальный тон политической речи.

Политик завершает предложение вводной конструкцией *you know that*, которая выполняет фатическую функцию в процессе коммуникации. При этом вводная конструкция *you know that* используется для снижения официальной дистанции, подчеркивая доверительный тон общения между политическим деятелем и интервьюером. С прагматической точки зрения, *you know that* употребляется для согласия с утверждением *I am a devout public servant*, что подчеркивает неоспоримость этого факта и укрепляет образ Камалы Харрис как политика.

You know what that is? [4]

Литература:

- Ершова К. В. Речевой портрет британского политика XXI века // Политическая лингвистика. — 2023. — № 6(102). — С. 88–96.
- Ланских Д. Ю. Речевой портрет американского политика как modes operandi отправления убеждающей коммуникации // Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение. Языкоизнание. Культурология. — 2025. — № 3. — С. 137–143.
- Редько Г. В., Еремеева А. А. Особенности понятий «языковая личность», «речевой портрет» и «имидж» применительно к политическому выступлению // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. — 2018. — № 4(227). — С. 83–88.
- The New York Times. URL: <https://www.nytimes.com/interactive/2025/02/05/business/media/60-minutes-kamala-harris-interview-transcript.html> (дата обращения: 29.10.2025).

Well, guess what happened? [4]

В представленных примерах риторические вопросы выполняют контактноустанавливающую функцию в речи политического деятеля и служат для повышения вовлеченности аудитории в контекст повествования. Подобные вопросы позволяют Камале Харрис выборочно освещать темы, выгодные для ее позиции, и контролировать ход интервью. Риторические вопросы создают паузы, фокусируя внимание слушателей на дальнейших ответах, которые касаются выгодных тем для кандидата на пост в президенты.

Okay, so the other economists that have reviewed my plan versus my opponent and determined that my economic plan would strengthen America's economy, his would weaken it [4].

Предложение построено на основе противопоставления двух кандидатов в президенты. Антитеза *my economic plan would strengthen* и *his would weaken it* подчеркивает противоположность двух политических подходов. Такая оппозиция создает синтаксический параллелизм, подчеркивая контраст между Камалой Харрис и ее оппонентом.

You're going to hear conversations that are about himself and all of his personal grievances. <...> that is why I believe in my soul and heart, the American people are ready to turn the page [4].

Представленный пример демонстрирует противопоставление ценностей Камалы Харрис и ее оппонента, что является одним из ключевых приемов в политическом дискурсе. Чтобы описать своего оппонента, политик часто использует лексические единицы с отрицательным значением, например, *personal grievances*. Для создания контраста со своим конкурентом на выборах, в речи политик использует лексемы с положительной коннотацией, например, *soul, heart*.

Таким образом, речевой портрет Камалы Харрис зависит от контекста ситуации. Использование личных местоимений, вводных конструкций и риторических вопросов позволяет политику установить контакт с публикой. Также в интервью Камала Харрис сочетает элементы официального стиля и разговорной речи. Это создает впечатление, что кандидат старается получить доверие аудитории во время предвыборной гонки.

Лингвостилистические стратегии адаптации экологической рекламы с английского языка на русский

Белохвостова Юлия Александровна, студент магистратуры
Московская международная академия (г. Москва)

В настоящей статье рассматриваются лингвостилистические особенности перевода английской социальной рекламы, посвященной вопросам экологии, на русский язык. Актуальность исследования обусловлена растущей потребностью в эффективной трансграничной коммуникации в сфере защиты окружающей среды. Целью работы является выявление и анализ лингвостилистических приемов, используемых переводчиками для достижения оптимального воздействия на русскоязычную аудиторию. Исследование проводится на материале экологической рекламы, опубликованной в социальных сетях и на веб-сайтах известных экологических организаций. Анализ проводится с учетом влияния культурных различий и степени узнаваемости экологических проблем в России и англоязычных странах. Результаты исследования позволяют сделать выводы об основных тенденциях в переводе экологической рекламы и предложить рекомендации для повышения эффективности трансграничной экологической коммуникации.

Ключевые слова: экологическая реклама, перевод, лингвостилистика, социальная реклама, адаптация, англо-русский перевод, трансграничная коммуникация, эффективность воздействия.

В современном мире экологические проблемы занимают одно из центральных мест среди глобальных трудностей человечества. Осознание необходимости охраны природы увеличивается, стимулируя рост социальной рекламы, направленной на формирование экологически ответственного поведения. В условиях глобализации важна передача экологических идей через перевод и адаптацию рекламных материалов для различных культурных сообществ.

Данное исследование посвящено анализу лингвостилистических черт перевода английской экологической рекламы на русский. Эффективность социальной рекламы зависит не только от точной передачи информации, но и эмоциональной составляющей, а также от учета культурных особенностей аудитории. Лингвостилистический разбор выявит стратегии, при помощи которых переводчики обеспечивают максимальный резонанс рекламы среди русскоговорящих потребителей.

Социальная реклама как коммуникативный феномен

Социальная реклама — это специфичная форма коммуникации, направленная на изменение общественного восприятия определённых проблем и формирование позитивных установок, в отличие от коммерческой рекламы, которая преследует цель извлечения прибыли [1, с. 6].

Экологическая реклама — разновидность социальной рекламы, нацеленная на привлечение внимания к вопросам охраны окружающей среды и стимулирование экологически сознательных действий. Основные задачи — повышение информированности об экологических проблемах, смена потребительских привычек, побуждение к действиям по защите природы (Сох, 2010).

Перевод социальной рекламы требует учета лингвостилистических характеристик оригинала, включая лексику, грамматику, стилистические средства, эмоциональную окраску, а также культурные коды и ценности. Адекватный перевод предполагает достижение равно-

значного влияния на аудиторию, что подразумевает языковую и культурную адаптацию [4, с. 12].

В анализ были включены образцы английской экологической рекламы, опубликованной на ресурсах Greenpeace, WWF, Friends of the Earth и других. Всего изучено 30 текстов.

Применяемые методы:

- сравнительно-сопоставительный анализ оригиналов и переводов для выявления лингвостилистических отличий;
- контент-анализ для определения тематического содержания и ключевых экологических проблем;
- лингвостилистический анализ применяемых лексических, грамматических и стилистических средств;
- пилотажный опрос русскоязычных респондентов для оценки воздействия переводных текстов.

В ходе анализа выявлены ключевые изменения, которые происходят при переводе экологической рекламы с английского языка на русский. Эти изменения охватывают как лексические и грамматические аспекты, так и стилистические и культурные особенности текста.

Первым важным этапом является замена англицизмов на русские аналоги, что позволяет сделать текст более понятным для русскоязычной аудитории. Например, термин carbon footprint переводится как углеродный след. Далее следует перестановка слов, осуществляемая в соответствии с нормами русского языка, что способствует улучшению восприятия текста на целевом языке. Кроме того, наблюдается упрощение сложных грамматических конструкций, что также облегчает понимание и восприятие информации. Все перечисленные меры направлены на создание более естественного и доступного текста [3, с. 21].

Помимо лексических и грамматических корректировок, существенное внимание уделяется стилистическому аспекту перевода. Усиливается эмоциональная окраска текста посредством подбора более выразительной лексики, что позволяет привлечь и удержать внимание читателя.

Также происходит адаптация культурных отсылок, чтобы они были понятны и релевантны для русскоязычной аудитории. Кроме того, используются различные риторические приемы, такие как вопросы и восклицания, которые способствуют усилению воздействия рекламного текста. Для повышения выразительности также активно применяются тропы и фигуры речи — метафоры, сравнения, гиперболы, аллитерация и рифма, что делает сообщение более запоминающимся и эмоционально насыщенным.

Особое значение уделяется учету культурных характеристик целевой аудитории [2, с. 34]. При адаптации текста принимается во внимание уровень осведомленности русскоязычных читателей о проблемах экологии, что позволяет корректировать подачу информации таким образом, чтобы она была максимально эффективной. Кроме того, происходит корректировка ценностных ориентиров, которая учитывает доминирующие в русской культуре такие установки, как коллективизм, патриотизм и уважение к природе. Такая комплексная адаптация обеспечивает более глубокий отклик у целевой аудитории и повышает эффективность экологической рекламы.

Примеры из анализа:

- Оригинал: «Our planet is in danger. Act now!»
- Перевод: «Наша планета в опасности! Действуй прямо сейчас!» (дословный)
- Адаптация: «Планета гибнет! Нельзя терять ни минуты!» (эмоционально усиленный вариант)

Литература:

1. Малюга Е. Н., Попова К. В. Лингвопрагматика речевых стратегий в социальной рекламе // Вестник Московского государственного областного университета. — 2023. — № 4. — С. 231–241
2. Nikolaeva M. S. Роль эмоциональных средств в социальной рекламе / M. S. Nikolaeva // Журнал коммуникаций. — 2022. — Т. 7, № 3. — С. 88–95.
3. Osianova A. V., Denisova M. A. Lingvostylisticheskaya charakteristika angloazychnogo manipulyativnogo diskursa v sfere reklamy kosmeticheskoy produktsii // Baltiyskiy gumanitarnyy zhurnal. 2022. T. 11. № 2 (39).
4. Raiskina B. A. Ustnaya professional'naya kommunicatsiya: soziokulturnyye i kommunicativno-pragmaticheskie aspekty srednevskoy reklamy // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. 2021. № 2.
5. Revakhova I. Yu. Ocenennosti peredacha sozialnoy reklamy: kulturno-azykovoy aspekt / I. Yu. Revakhova // Voprosy lingvistiki i mejkulturnoy kommunicatsii. — 2023. — T. 5, № 1. — C. 100–110.
6. Smirnov M. D. Geoekologicheskie problemy i sozialnaya reklama: analiz praktiki Greenpeace / M. D. Smirnov // Ekologicheskiy monitoring i audit. — 2023. — № 7. — C. 25–31.

- Оригинал: «Go Green!»
- Перевод: «Стань зеленым!» (дословный, недостаточно понятный)
- Адаптация: «Заботься об экологии! Живи экологично!» (более понятный и привлекательный)

Анализ показал, что переводчики применяют разнообразные лингвостилистические стратегии для достижения максимального воздействия на целевую аудиторию: адаптируют лексику и грамматику, заменяют англицизмы, меняют порядок слов, усиливают эмоциональную окраску и адаптируют культурные отсылки. Особое значение имеет учет культурных особенностей и знаний аудитории.

Результаты исследования могут помочь разработать рекомендации для специалистов по переводу и трансграничной коммуникации в сфере экологической рекламы, что повысит эффективность рекламных сообщений и поддержит формирование экологически ответственного поведения.

Перспективы дальнейших исследований

- изучение эффективности различных лингвостилистических подходов на основе эмпирических данных;
- сравнительный анализ экологической рекламы, созданной на русском языке и переведённой с английского;
- исследование влияния социокультурных факторов на восприятие экологической рекламы в России.

Лингвокультурный типаж «злая свекровь» в современном китайском кинематографе

Гусева Варвара Ивановна, студент
Сибирский федеральный университет (г. Красноярск)

Статья рассматривает лингвокультурный типаж «злая свекровь» в современном китайском кинематографе на материале сериала «Сказка о розе» (2024). Анализируются культурные основания образа, связанные с конфуцианской моделью семьи, а также лексико-семантические особенности обозначений свекрови в китайском языке. На примере персонажа сериала выявляются характерные поведенческие и речевые черты типажа.

Ключевые слова: лингвокультурный типаж, свекровь, китайская культура, кинематограф, речевое поведение, стереотип.

Лингвокультурные типажи являются значимым инструментом описания культурных представлений, закрепленных в языке, художественных текстах и социальных практиках. Особое место среди них занимает типаж «злой свекрови», устойчиво существующий в китайском культурном сознании и активно репрезентируемый в современных кинематографических произведениях. В основе его формирования лежит конфуцианская иерархическая модель семьи, в которой старшая женщина по линии мужа обладает значительным авторитетом и правом контроля. На материале сериала «Сказка о розе» (2024) данный типаж раскрывается через совокупность понятийных, поведенческих, ценностных и речевых признаков, позволяющих рассматривать его как сложное культурно обусловленное явление.

В китайском языке роль свекрови фиксируется несколькими лексемами, каждая из которых отражает определённый аспект её образа. Наиболее распространенное слово 婆婆 обозначает не только «мать мужа», но и в широком диалектном употреблении — пожилую женщину или даже начальника, что указывает на устойчивые ассоциации между возрастом, властью и правом контроля. Формальное слово 婆母 подчеркивает официальный, дистанцированный характер отношений между невесткой и свекровью. Иероглиф 娘娘, исторически связанный с императорским дискурсом, содержит дополнительные оттенки сакральности и недоступности; его использование в бытовом значении «свекровь» усиливает восприятие старшей женщины как почти недосягаемой фигуры, требующей абсолютного подчинения. Региональные названия 家娘 и 家婆 закрепляют образ свекрови как «хозяйки дома», правительницы семейного пространства, что в полной мере проявляется и в современных дискурсивных практиках.

В целом лексико-семантическая система демонстрирует комплекс ключевых культурных представлений: свекровь — это фигура власти, хозяйка территории, опытная, возрастная женщина, обладающая правом контроля над младшими членами семьи. В сериале эти значения получают речевое и поведенческое воплощение, позволяя проследить переход от абстрактного культурного концепта к конкретному художественному типажу.

Визуальный образ свекрови в сериале строится вокруг мотивов усталости, обременённости бытом и жизненными трудностями. Её речь подтверждает это: когда мать невестки предполагает, что она выглядит моложе, свекровь отвечает иронично: «Вы выглядите моложе меня, я в последнее время так устала — всё лицо в морщинах». Эта реплика сопровождается преувеличением («гораздо моложе меня»), что создаёт эффект самоиронии, но одновременно подчёркивает представление о себе как о человеке, чья жизнь полностью посвящена семье и тяжелому

труду. Простота и однообразие одежды: отсутствие украшений, практичность материалов — визуально поддерживают идею ограниченности личных интересов и сосредоточенности на выполнении обязанностей.

Социальная роль свекрови в сериале выражена через постоянную апелляцию к трудовым усилиям, чаще всего собственным или усилиям сына. Например, раздражаясь на мать невестки, которая учит зятя готовить, свекровь говорит: «Ты и так целыми днями работаешь, ешё и готовить для неё должен?» (一天到晚 — «целыми днями»). Эта формула встречается неоднократно и служит для оправдания её вмешательства в бытовую сферу молодых: сын, по её мнению, и без того перегружен, а значит, невестка должна освобождать его от дополнительных обязанностей. Такая логика укрепляет иерархичную модель, согласно которой свекровь является защитницей интересов сына и распорядительницей семейного труда.

Дом в повествовании функционирует как символическая территория власти. Характерно, что свекровь регулярно подчёркивает свою связь с этим пространством через притяжательное местоимение 我 («мой»): «Это дом моего сына!» — утверждает она, тем самым исключая невестку из числа полноправных хозяев и используя инфраструктуру дома как средство давления. Образ «хозяйки территории» напрямую связан с семантикой лексем 家娘 и 家婆, в которых сама морфема 家 («дом») является ключевой.

Особое значение имеет отношение свекрови к родственникам невестки. В одном из эпизодов, комментируя их неожиданное появление, она использует глагол 跑过来了 («прибежали, примчались»), что выражает её подозрительность и приписывание им корысти. Подобные случаи подчёркивают традиционное противопоставление «инсайдеров» и «аутсайдеров» семейного пространства: родственники мужа воспринимаются как «свои», тогда как родня невестки как потенциальная угроза семейной гармонии и экономической стабильности.

Важным компонентом образа является ритуализированная забота, которая в действительности выполняет функцию контроля. Свекровь выражает эмоциональное давление через устойчивые модели: частые восклицания («Боже мой!» — 我天哪!), риторические вопросы («Ты разве не должна...?»), скрытые упрёки, маскированные заботливой интонацией. Так, она говорит невестке: «Словенъ разве не велел тебе ждать его дома?». Конструкция 让你 («велел тебе») указывает на её восприятие сына как законного распорядителя действий жены, а самой невестки как фигуры, чьё поведение должно быть подчинено чужой воле.

Любопытно, что несмотря на жесткость поведения, обращения к свекрови в сериале часто осуществляются с помощью слова 妈 («мама»). Это смягчает внешние проявления дистанции, но одновременно подтверждает вы-

сокий статус старшей женщины в семейной иерархии, который закреплён лексически и культурно.

Ценностная система типажа сосредоточена вокруг двух ключевых понятий: денег и иерархии. Беспокойство о расходах появляется в её репликах постоянно: свекровь неодобрительно реагирует на покупки, считая, что молодые «слишком много тратят», «не умеют экономить». Экономия в её глазах является не только практической необходимостью, но и нравственной добродетелью. С точки зрения иерархии, абсолютным центром ценностей выступает сын, его интересы свекровь воспринимает как эквивалент интересам всей семьи. Невестка в такой модели занимает позицию младшего и зависимого члена семьи, чьи потребности подлежат контролю и коррекции.

В заключение следует отметить, что типаж «злой свекрови» в китайской культуре представляет собой многоуровневое ментальное образование, соединяющее лексико-семантические маркеры, культурные сценарии, поведенческие модели и ритуалы коммуникации. На материале сериала «Сказка о розе» образ раскрывается через усталый внешний вид, ограниченность личного пространства, эмоционально насыщенную речь, риторические конструкции, выражающие контроль, и сильную ориентацию на экономию и иерархию. Несмотря на комедийные или ироничные элементы, типаж сохраняет глубокие связи с традиционной конфуцианской картиной мира и отражает напряженные отношения между поколениями в условиях меняющейся социальной реальности.

Литература:

1. Zdic.net // 词语解释:老师 [Электронный ресурс]. 2015. URL: <https://www.zdic.net> (дата обращения: 22.04.2025 – 11.05.2025).
2. Сериал: Сказка о розе (2024). Режиссер: Ван Цзюнь.

Cross-cultural variability in translating risk-related economic concepts

Yermekkyzy Aynur, master's student

Kazakh National University named after Al-Farabi (Almaty, Kazakhstan)

Translating risk-related economic concepts goes beyond lexicon, involving semantics, culture, institutional practices, and discourse genres. It argues that cultural differences in risk perception systematically influence term framing and translation choices; translation decisions can be modeled as a form of risk management; and modern MT systems boost productivity but remain unreliable with domain-specific risk terminology without robust terminology management and culturally sensitive post-editing.

Keywords: translation studies, risk perception, economic terminology, cross-cultural, machine translation, risk management.

Economic discourse frequently foregrounds terms such as *risk, uncertainty, volatility, exposure, hedge, and default*. These items are deceptively simple as lexical items but conceptually loaded: they carry institutional meanings (accounting, regulatory, financial), cognitive frames (probability, precaution), and culturally mediated attitudes toward future events. Translators working with economic periodicals, regulatory text, or corporate reporting thus must navigate not only lexical equivalence but also conceptual and cultural fit. Failure to do so can produce consequential misunderstandings for policy makers, investors, and lay readers.

Two central observations frame this paper. First, psychological and behavioral studies demonstrate substantial cross-cultural differences in how risk is perceived and valued, which in turn affects how risk is communicated in economic discourse. Evidence for systematic cross-national variability in judgments of financial risk dates back to canonical cross-cultural studies in risk perception [1]. Second, translation scholars have proposed that translator decisions are usefully modeled as forms of **risk management** — translators balance credibility, uncertainty, and communicative risk when they choose strategies.

This reframing helps explain conservative (literal) vs. adaptive (domesticating) choices in economic translation [2].

Given these two facts, the central research questions of this paper are:

1. How do cross-cultural differences in risk perception surface in economic texts and their translations?
2. What recurrent problems (lexical, conceptual, pragmatic) do translators face when rendering risk-related economic concepts?
3. Which methodological and workflow tools (corpus analysis, terminology management, MT+post-editing) can reduce communicative risk while preserving conceptual fidelity?

These issues are addressed through a targeted literature synthesis, a conceptual mapping of key challenges and response strategies, and a practical, replicable research and workflow proposal for comparative empirical studies.

Methods

This paper is a literature-driven conceptual study with three components:

1. Literature synthesis. Work is reviewed from translation studies on risk (risk management frameworks for translator decision making), cognitive and behavioral risk perception literature, domain-specific terminology research, and recent reviews of machine translation performance in specialized domains. Representative works that anchor the synthesis are cited and discussed [3].

2. Problem mapping. From the synthesis a taxonomy of translation problems specific to risk terminology in economics (semantic polysemy, metalinguistic vs. technical senses, cultural framing differences, pragmatics of hedging and modality, and institutional/regulatory variation) were derived from the synthesis.

3. Framework proposal. A mixed methods empirical design was proposed that can be implemented in future work (corpus compilation, annotation schema, evaluation metrics, and recommended translator workflow integrating terminology management and MT). The framework draws on established cross-cultural adaptation methods used in instrument translation and on domain MT evaluation practices.

Note: this paper does not report primary corpus annotation performed here; rather it sets out a replicable protocol and interprets findings from the reviewed literature to make evidence-based recommendations.

Results

1. Evidence of cross-cultural variability in risk framing

Behavioral and cognitive research shows that people in different cultures systematically interpret and respond to the same risk-laden stimuli differently (for instance, probability weighting, loss aversion, and time horizons vary cross-nationally). These differences shape economic reporting and the rhetorical strategies journalists and analysts use when discussing risk and uncertainty (e.g., emphasis on precaution vs. opportunity). Translators who ignore these differences risk producing target texts that are semantically accurate but pragmatically misleading.

2. Translation as (communicative) risk management

Translation studies literature frames translator choices as attempts to manage three overlapping risks: credibility risk (damage to reputational trust), uncertainty risk (translator's own epistemic uncertainty about the correct rendering), and communicative risk (failure to get the intended message across to readers). In risk-laden economic text, these risks are magnified: mistranslating *exposure* or *default* can change perceived obligations or financial positions. Thus, translators often choose conservative, literal renderings when institutional precision is required, and more adaptive translations where communicative uptake is the priority [4].

3. Recurrent problem types (taxonomy)

From the literature the following recurrent problem classes emerge:

— **Polysemy / domain shift.** Terms like *risk* and *exposure* appear in everyday language and as technical terms. Distinguishing the intended sense is essential.

— **Lack of conceptual equivalence.** Some languages lack a tight lexical counterpart (or have culturally distinct frames for uncertainty), forcing descriptive or periphrastic solutions.

— **Pragmatic hedging and modality.** Phrases expressing probability (e.g., *could*, *may*, *likely*) are often used strategically in economic discourse; direct translations that flatten modality can misrepresent certainty.

— **Regulatory / institutional variance.** Accounting and legal frameworks embed specialized senses that require domain expertise.

— **MT brittleness on domain terms.** Recent MT evaluations show improvements in throughput but persistent errors for low-frequency, domain-specific terminology unless accompanied by glossary integration and expert post-editing [5].

4. Implications for translator workflows

The literature converges on several practical measures that reduce communicative risk:

— **Pre-translation scoping.** Identify the genre (e.g., corporate report vs. opinion piece), institutional frame and intended audience; this directs the translation strategy (literal vs. adaptive).

— **Terminology management.** Compile bilingual/multilingual glossaries with concept definitions and usage notes; maintain provenance and register metadata. This step substantially reduces MT and human error on technical terms.

— **Specification-aware MT + controlled post-editing.** Use MT systems that accept glossaries/specifications, and design post-editing guidelines that address modality, hedging and institutional terms explicitly. Recent research suggests that specification-guided pipelines outperform blind MT for specialized domains [6].

— **Cross-cultural consultation.** When dealing with culturally sensitive framing (e.g., risk as threat vs. opportunity), consult subject-matter experts or native reviewers in the target culture to check pragmatic fit. This is especially important in risk communication where misframing can have material consequences.

Discussion

The synthesis supports a straightforward but unglamorous conclusion: accurate translation of risk-related economic concepts requires an approach that is simultaneously lexical, conceptual and cultural. Translators must be domain-aware and reflexive about the cultural frames embedded in source texts. Modeling the translator's task as risk management clarifies why different strategies are appropriate in different contexts (e.g., a central bank statement vs. a newspaper op-ed).

Two tensions deserve explicit mention. First, the productivity gains from MT are real, but they create a false economy if glossaries, domain constraints and skilled post-editing are not invested in — interpreters of financial text routinely re-

port that errors on low-frequency technical items create disproportionately high downstream costs (corrections, reputational harm) [7].

Second, cultural adaptation improves comprehension but can dilute technical precision; the translator needs to negotiate that trade-off transparently (e.g., via footnotes, bracketed clarifications or publisher style decisions).

This paper's proposed mixed-method empirical framework (below) aims to make these trade-offs visible and measurable in future research: a bilingual corpus annotated for term sense, modality, and institutional frame; controlled MT experiments with and without glossary integration; and human evaluation by bilingual domain experts using both accuracy and communicative adequacy metrics.

Conclusion and practical recommendations

Cross-cultural variability in risk perception is not an academic curiosity: it is central to how economic texts are produced and consumed. Translators must therefore treat risk-re-

lated economic terminology as **concepts** rather than isolated words, and adopt workflows that combine terminology management, culture-aware decision rules, and specification-aware MT.

Concrete, practical recommendations:

- 1. Create concept-level glossaries** (definition + source examples + register + recommended translations).
- 2. Classify texts by risk-sensitivity** (e.g., regulatory/corporate > technical journalism > popular press) to guide literal vs. adaptive strategies.
- 3. Use MT with glossary injection and strict post-editing protocols** for risk terminology; document every decision affecting institutional terms.
- 4. In high-stakes texts, add a cross-cultural review step** with native domain experts to check pragmatic alignment and audience interpretation.

Limitations: this paper synthesizes existing studies and proposes a protocol; empirical validation (annotated corpora, MT experiments, user reception studies) is required to quantify the effectiveness of the recommended workflows.

References:

1. Robert, N. B. Cross-cultural differences in risk perception: A model-based approach / N. B. Robert. — Текст: электронный // Scopus: [сайт]. — URL: <https://www.scopus.com/pages/publications/0031214971> (дата обращения: 03.12.2025).
2. Pym Translating as risk management. (Discusses credibility, uncertainty, and communicative risk in translator decision-making.) / Pym. — Текст: электронный // Usuaris: [сайт]. — URL: https://usuaris.tinet.cat/apym/on-line/translatiion/2015_translating_as_risk.pdf (дата обращения: 03.12.2025).
3. Federici Translating hazards: multilingual concerns in risk and emergency communication / Federici. — Текст: электронный // UCL Discovery: [сайт]. — URL: https://discovery.ucl.ac.uk/id/eprint/10173203/1/Federici_Translating %20 Hazards_FMF_final12042023..pdf (дата обращения: 03.12.2025).
4. Palanichamy, Naveen Overview and challenges of machine translation for contextually appropriate translations / Naveen Palanichamy. — Текст: электронный // Science Direct: [сайт]. — URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S2589004224021035> (дата обращения: 03.12.2025).
5. Arturo, Oncevay The Impact of Domain-Specific Terminology on Machine Translation for Finance in European Languages / Oncevay Arturo. — Текст: электронный // ACL Anthology: [сайт]. — URL: <https://aclanthology.org/2025.naacl-long.140/> (дата обращения: 03.12.2025).
6. Paulo, Cruchinho Translation, Cross-Cultural Adaptation, and Validation of Measurement Instruments: A Practical Guideline for Novice Researchers / Cruchinho Paulo. — Текст: электронный // PubMed: [сайт]. — URL: <https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/38840704/> (дата обращения: 03.12.2025).
7. Chelo, Vargas-Sierra Translation-oriented Terminology Management and ICTs: Present and Future / Vargas-Sierra Chelo. — Текст: электронный // ua.es: [сайт]. — URL: <https://personal.ua.es/en/chelo-vargas/documentos/gestadm/translation-oriented-terminology-management-and-icts-present-and-future.pdf> (дата обращения: 03.12.2025).

Речевой портрет персонажей в произведении А. Н. Островского «Свои люди — сочтёмся!»

Икрам Альбина Ермакановна, студент

Научный руководитель: Жарбулова Сауле Трапорновна, кандидат педагогических наук,
руководитель образовательной программы «Русский язык и литература»
Кызылординский университет имени Коркыт Ата (Казахстан)

В статье представляется пьеса А. Н. Островского «Свои люди — сочтёмся!». Определяется речевой портрет героев в раскрытии их характеров. Через особенности речи — простые выражения, деловые обороты, поговорки и интонации — хорошо видно социальное положение персонажей и их отношение к окружающим. Раскрываются нравы купеческой среды XIX века и подчеркивается её корысть, хитрость и бытовая ограниченность.

Александр Николаевич Островский — один из самых значительных русских драматургов XIX века, создатель национального репертуара русского театра. «Свои люди — сочтёмся!» — комедия А. Н. Островского, созданная в 1849 году. В этом произведении писатель впервые подробно раскрывает жизнь купеческого мира: его обычаи, стремление к выгоде, отношения внутри семьи и особенности поведения. Основой сюжета становится хитрый план: купец Большов старается спрятать своё имущество от кредиторов, а его приказчик Подхалюзин ловко использует это, чтобы разбогатеть. Пьеса принесла Островскому широкую известность, потому что он очень живо и правдиво показал характеры купцов — их речь, манеру думать и действовать. Благодаря своей реалистичности и выразительности пьеса заняла важное место в русской литературе и театре, а одним из главных средств раскрытия характеров героев стала их живая и индивидуальная речь.

В пьесе «Свои люди — сочтёмся!» особое значение получает язык персонажей: именно через их манеру говорить автор передаёт характер, настроение и социальное положение героев. В произведении представлены разные типы персонажей — властный купец Большов, хитрый и осторожный Подхалюзин, наивная Олимпиада, простодушный Тишк и болтливые мещанки. Их речь звучит по-разному, и именно эти различия помогают увидеть внутренний мир каждого героя и понять, как они раскрываются в сюжете.

Самсон Сильич Большов говорит грубо и резко: «Я сказал — так и будет!»/ «Не суйся, когда тебя не спрашивают!»/ «Долги? Да разберёмся, свои люди!» [1]. Его короткие и жёсткие выражения подчёркивают самоувренность и властность купца, привыкшего командовать и решать всё силой и деньгами. Такая речь отражает его авторитарность, корысть и ощущение безнаказанности. Речь Лазаря Подхалюзина в начале мягкая и угодливая: «Как прикажете/ Самсон Сильич, так и сделаю!»/ «Да ведь я только вам добра желаю...». Он использует вежливые обороты — «как изволите», «пожалуйте» — чтобы казаться покорным. Однако позже его слова становятся более уверенными и даже властными: «Теперь уж я сам разберусь, как лучше будет». Эта перемена показывает хитрость

героя и его стремление к власти. Олимпиада Карповна говорит жеманно и однообразно: «Ах, папенька, мне это так непонятно...»/ «Мне бы платочек новый...». Её речь наполнена повторяющимися бытовыми фразами, что подчёркивает её ограниченный кругозор, наивность и воспитание в закрытой купеческой среде. Она выражается так, будто боится ошибиться, что показывает её зависимость от отца. Тишк Брындин разговаривает просто и медленно: «Так-с... это... ну... как вы скажете...»/ «Я человек простой, мне велят — я делаю». Его речь содержит просторечия и не отличается сложностью, что подчёркивает его честность, покорность и искренность. Он выглядит наиболее прямым и неприхотливым из всех персонажей. Устюжина и другие мещанки говорят эмоционально и суетно: «Слыхали новость? Ай, что делается!»/ «Ну, это же не дело!» [1]. Их речь включает многочисленные междометия, повторения и бытовые замечания. Это создаёт комический эффект и подчёркивает их склонность к пустым разговорам и сплетням.

Семантика и прагматика речевого поведения персонажей в пьесе А. Н. Островского «Свои люди — сочтёмся!»

Анализ семантики и прагматики речевого поведения персонажей пьесы А. Н. Островского «Свои люди — сочтёмся!» позволяет выявить не только особенности языковой организации текста, но и глубинные социально-психологические процессы, лежащие в основе взаимодействия героев. Семантический аспект раскрывает значения слов, устойчивых оборотов и речевых формул, используемых персонажами. Прагматический уровень показывает их коммуникативные задачи, скрытые намерения и стратегии речевого влияния, определяющие динамику сюжета.

Семантика — это раздел языкоznания, изучающий значение слов и высказываний. Так, В. В. Виноградов определяет семантику как «совокупность смысловых связей слова, формирующих его значение в системе языка» («В. В. Виноградов») [1].

Прагматика — это раздел лингвистики, изучающий намерения говорящего, цели речи и её воздействие на собеседника. Дж. Остин писал: «Произнося высказывание, человек не только передаёт значение, но и совершает действие» («J. Austin») [1].

В языке героев важную роль играет словарь, характерный для купеческого мира. Он включает термины, связанные с торговлей и финансовыми отношениями: «долги», «кредиторы», «счёт», «имущество», «приданое», что свидетельствует о приоритете материальных интересов. Эта семантика подчёркивает материальную направленность мира, в котором живут персонажи. Характерным примером служит реплика Большова: «Свои люди — сочтёмся!», отражающая убеждённость героя в том, что любые отношения сводятся к выгоде.

Одной из особенностей пьесы является своеобразная лексика, присущая купеческой среде. Островский правдоподобно передаёт бытовое просторечие, делая речь персонажей максимально естественной. Их словарь показывает, кто они, среди каких людей живут и насколько высок их культурный уровень. Одной из характерных черт речи купцов и их семей является обилие просторечий, диалектных и устаревших слов, а также вульгарных и искажённых форм. Большов, Аграфена Кондратьевна и другие представители старшего поколения говорят грубо и непринуждённо, охотно прибегают к словам, которые давно вышли из литературного языка: «нынче», «ежели», «оченно» [1]. Попытки персонажей использовать книжную лексику выглядят неуклюже и подчёркивают их слабую образованность: подобные выражения употребляются ими не к месту и не в той форме. Из-за этого возникает яркий комический диссонанс: материальное благополучие и важное социальное положение купцов резко контрастируют с их языковой неотёсанностью и ограниченностью. Особого внимания заслуживает речевое поведение Липочки, дочери Большова. Пытаясь создать образ утончённой и модной барышни, она намеренно вводит в речь иностранные слова и фразы, зачастую в искажённом виде. Её стремление дистанцироваться от родителей, разговаривающих просторечно и грубовато, выражается именно через попытку «осветскить» свою речь. Однако отсутствие настоящей культурной подготовки приводит к тому, что Липочка использует незнакомые ей слова неправильно, иногда сочетает их с грубыми просторечиями, что создаёт яркий комический эффект. В итоге её язык становится своеобразной карикатурой на светскую речь, подчёркивая поверхность и наигранность её стремлений.

Прагматический уровень: речь как средство власти, маскировки и манипуляции

Если семантика речи раскрывает характеры и социальные роли персонажей, то прагматика — их скрытые намерения, стратегии поведения и способы воздействия на других. В пьесе практически каждый речевой акт направлен на достижение выгоды, укрепление власти или прикрытие собственных интересов. Одним из ключевых примеров прагматического использования речи является самодурство Самсона Сылыча Большова. До своего краха он говорит резко, властно, поучающе: это язык хозяина,

привыкшего к беспрекословному подчинению. Его высказывания — это приказы, предупреждения, угрозы. Он не просто доминирует экономически — он утверждает своё превосходство через речь: «Моя дочь — хочу с кашей ем, хочу — масло пахтаю». Большов не допускает диалога: его слова — это инструмент давления и управления людьми. Однако после банкротства его речевая стратегия кардинально меняется. Он становится жалобным, умоляющим, старается вызвать сочувствие: аргументы, приказные формы и покровительственный тон сменяются просьбами и жалобами. Но эта смена — не отражение духовной трансформации, а очередная прагматическая попытка добиться спасения. Даже в слабости Большов манипулирует речью, направляя её на достижение выгоды.

Речь Лазаря Подхалюзина функционирует противоположным образом: это прагматика маскировки и подстройки. Подхалюзин — мастер льстивых выражений, подчеркнутой покорности и уважения. Его знаменитая манера обращаться к Большову как к «благодетелю» или даже «отцу родному» создаёт образ верного, искренне преданного работника. На самом деле эта лесть — тщательно выстроенная стратегия, скрывающая хищнические намерения. Он подстраивает свой язык под собеседника, говорит так, чтобы усыпить его бдительность.

Центральным прагматическим ключом пьесы становится знаменитая фраза: «Свои люди — сочтёмся!». Семантически она обозначает доверие, близость, обещание честных и справедливых отношений внутри «своего круга» [1]. Но в устах Подхалюзина она превращается в инструмент обмана, маску, за которой скрывается безжалостный расчёт. Фраза, обозначающая честность, становится символом предательства: итоговое «соchтёмся» означает фактический отказ помочь Большову и холодную рациональность нового хозяина.

Липочка использует речь совершенно иначе: её прагматика связана с созданием внешнего лоска и демонстрацией превосходства. Она не стремится манипулировать другими ради выгоды — её цель состоит в том, чтобы подчеркнуть свою «особенность» и показанную «образованность». Поэтому в её речи появляются неправильные иностранные выражения, попытки говорить «по-модному», искусственные попытки выглядеть утончённой. Прагматически эта манера направлена на отрыв от купеческой среды и демонстрацию мнимой принадлежности к высшему обществу. Однако эта демонстрация приводит к обратному эффекту — подчёркивает духовную пустоту и ограниченность героини, превращая её в объект сатиры.

Речь в пьесе — это не только средство передать информацию. По тому, как говорят герои, можно понять их характеры, положение в обществе и даже ценности времени. Островский намеренно выстраивает речь так, чтобы показать слабые стороны купеческой среды: жадность, низкий уровень культуры и умение прикрывать свои интересы красивыми словами.

В заключение речевой портрет персонажей в пьесе А. Н. Островского «Свои люди — сочтёмся!» вы-

ступает важнейшим средством раскрытия их характеров и отражения социальной среды купеческой России XIX века. Языковая организация текста у Островского строится на сочетании индивидуальных речевых особенностей, бытовой лексики, деловой терминологии, просторечий и эмоционально окрашенных высказываний, что позволяет автору создать объёмные, выразительные и психологически достоверные образы. Анализ семантического уровня показал, что выбор слов и выражений напрямую связан с социальным положением и внутренним миром персонажей. Семантика купеческой сферы — «долги», «счёт», «имущество», «кредиторы» — подчёркивает ведущую роль материальных интересов в жизни героев и формирует общую атмосферу корысти и расчёта. Речь Большова, насыщенная грубыми и приказными формулами, передаёт его властность; лексика Подхалюзина меняется по мере его продвижения к власти; язык Олимпиады сохраняет примитивность и бытовую ограниченность; Тишка говорит просто и покорно; мещанки выражаются эмоционально и суетливо. Всё это формирует

разностороннюю картину купеческого быта. Прагматический анализ позволяет увидеть скрытые цели и стратегии общения, которыми пользуются герои. Большов применяет речь как средство давления и утверждения власти; Подхалюзин — как инструмент манипуляции, сначала маскируя покорность, затем демонстрируя своё превосходство; Олимпиада стремится избежать конфликта и ищет одобрения; Тишка подчёркивает свою зависимость, используя речь для выражения покорности; мещанки активно выполняют функцию социального комментария, выстраивая общение на эмоциональности и сплетне. В совокупности семантика и прагматика речевого поведения раскрывают глубинную структуру отношений между персонажами и подчёркивают социальную природу конфликта, лежащего в основе пьесы. Через язык героев Островский правдиво показывает нравы купеческого мира, его бытовую ограниченность, стремление к наживе и хитрость, что делает произведение значимым документом эпохи и ярким образцом реалистической драматургии.

Литература:

1. Островский А. Н. Свои люди — сочтёмся! // Островский А. Н. Полное собрание сочинений: В 12 т. — М.: Искусство, 1950. — Т. 2. — С. 135–210.
2. Виноградов В. В. О языке художественной литературы. — М.: Гослитиздат, 1959. — 412 с.
3. Аристова Т. Ф. Язык и стиль А. Н. Островского. — М.: Наука, 1984. — 256 с.
4. Богданов М. В. Речевая характеристика персонажей в драматургии Островского // Вопросы литературы. — 2008. — № 4. — С. 115–132.
5. Козлова Н. А. Семантика и прагматика художественного текста: учебное пособие. — М.: Флинта; Наука, 2016. — 208 с.
6. Austin J. L. How to Do Things with Words. — Oxford: Clarendon Press, 1962. — 166 p.

Анализ перевода имён собственных в компьютерной игре *The Life and Suffering of Sir Brante*

Ким Алина Валерьевна, студент

Научный руководитель: Белова Наталья Александровна, кандидат филологических наук, доцент
Оренбургский государственный университет

В статье автор анализирует перевод имён собственных в игре The Life and Suffering of Sir Brante и выявление стратегий, определяющих их адаптацию в англоязычном локализационном контексте. Рассматриваются приемы передачи антропонимов, а также степень сохранения оригинальной семантики, стилистики и культурных коннотаций. Особое внимание уделяется тому, как выбор переводческих решений влияет на восприятие социальной структуры, мировоззренческих концептов и эмоциональной тональности повествования.

Ключевые слова: The Life and Suffering of Sir Brante, анализ перевода, компьютерная игра, перевод антропонимов, локализация игры.

Развитие индустрии развлечений, в частности, компьютерных и видеоигр, привело к тому, что жанр фэнтези занял в ней лидирующие позиции, отличаясь уникальными особенностями, такими как проработанные

вселенные и квазисобственные имена. Популярность игровых проектов обусловила необходимость их адаптации для внедрения в другие страны, что получило название «локализация». Локализация представляет собой процесс

адаптации контента и программного обеспечения игры к национальным требованиям и культурной специфике целевой страны, и нередко рассматривается как проявление культурной адаптации.

Особое внимание в процессе локализации игровых проектов уделяется переводу имён собственных. «В лингвистике выделяются многочисленные группы имен собственных, среди которых наиболее значимой является группа антронимов — обозначений людей. Переводчик должен иметь достаточно полные представления о системе имянаречения в системе как исходного языка, так и переводного». [2]

Sever, российская студия из Томска, является разработчиком игры в жанре дарк-фэнтези *The Life and Suffering of Sir Brante*, выпущенной в 2021 году. Игра разворачивает драму жизни героя в рамках жёсткой социальной иерархии вымышленной Блаженной Аркнийской Империи. Поначалу проект был рассчитан на русскоязычную аудиторию и не предполагал локализации на другие языки. Однако позднее по соглашению с издателем была проведена локализация игры на английский язык силами переводческой студии Levsha.

Имена собственные являются важным элементом перевода, поскольку их корректная передача позволяет правильно понять концепцию разработчиков. В жанре фэнтези ИС, как правило, несут в себе метафорический смысл. Автор часто использует «говорящие имена» и фамилии для формирования у реципиента определённого

отношения к персонажам или для их характеристики, и в этом случае они могут содержать игру слов. «Если русский язык предоставляет богатые возможности для придумывания смысловых имён, то есть для метафоризации ИС, то задача переводчика состоит в достижении максимального проявления метафорического смысла». [3]. Вот как переводчик данной игры, Данила Евстифеев, описывает процесс работы над переводом имён собственных: «Имена... Я помню, как мы часто спорили из-за них, чтобы сделать подходящими для обстановки. Не уверен, но, кажется, я иногда вижу их в кошмарах». Слова переводчика подчёркивают сложность и многослойность задач, стоявших перед командой локализаторов.

Имена собственные в данной игре являются ключевыми элементами, поскольку они формируют культурный ландшафт мира и сигнализируют о социальном статусе персонажей. «Произведения жанра фэнтези, в первую очередь литература и компьютерные и видеоигры, характеризуются уникальными особенностями: комбинация и смешение различных жанров, проработанные сказочные миры (или, как называют масштабные сказочные миры, вселенные), квазисобственные имена и антронимы». [5] Переводчик, работающий с именами собственными, должен стремиться максимально достичь эквивалентности исходного и переводного текста с учетом дискурсивных факторов, включая жанр текста и интенции автора. Рассмотрим перевод имён собственных в таблице 1.

Таблица 1. Перевод имён собственных

Оригинал	Перевод
Господин Бранте	Sir Brante
Степhan Бранте	Stephan Brante
Натаn Бранте	Nathan Brante
Гlorия	Gloria
Амалия Эль Борн	Amalia El Borne
Огюстен Эль Борн	Augustin El Borne
Эгерий Монрог	Aegerius Monrogue
Октавия Миланид	Octavia Milanidas
Фелиппе Эль Ферро	Felipe El Ferro
Карло Фокеграбен	Carlo Fockegraben
Дорий Оттон	Dorius Otton
Реми Эль Верман	Remy El Verman
Игнасис Авертини	Ignasis Avertini
Иеремия Хааг	Jeremiah Haag

Большая часть антронимов в переводе на английский язык передана с помощью транскрипции, ориентированной на звуковую форму имени, и транслитерации, отражающей его графический облик. В локализации видеоигр эти способы традиционно занимают ведущие позиции. Преобладание транслитерации/транскрипции над смысловым переводом в большинстве случаев говорит о том, что переводчики сосредоточились на сохранении

формы, достигая адекватного перевода. Применение данных методов при переводе игры *The Life and Suffering of Sir Brante* обусловлено стремлением сохранить:

1. Национально-культурную специфику и звучание: Стефан Бранте (Stephan Brante), Натаn Бранте (Nathan Brante), Гlorия (Gloria), Фелиппе Эль Ферро (Felipe El Ferro), Карло Фокеграбен (Carlo Fockegraben), Реми Эль Верман (Remy El Verman), Игнасис Авертини (Ignasis

Avertini), Иеремия Хааг (Jeramiah Haag), сохраняют оригинальное звучание и форму, что соответствует установке на формальную метафоричность. Этот метод гарантирует, что имя воспринимается как часть квазисобственного имени или онима вымышенной вселенной.

2. Стилистическую и морфологическую нагрузку: Амалия Эль Борн (Amalia El Borne), Огюстен Эль Борн (Augustin El Borne), Эгерий Монрг (Aegerius Monrogue), Октавия Миланид (Octavia Milanidas), Дорий Оттон (Dorius Otton) сохраняют структуру и стилизацию (например, «Эль» или латинизированные/греческие окончания *-ius / -idas*), необходимые для сохранения стилистической нагрузки и коннотаций. В частности, для Огюстен Эль Борн перевод на Augustin El Borne демонстрирует выбор в пользу международно узнаваемого написания имени, что также является частью переводческой традиции. «Другой особенностью перевода антропонимов является адаптация, которая следует традиции. Данный прием основывается на уже устоявшемся каноне, который позволяет локализовать то или иное имя так, чтобы оно соответствовало уже имеющемуся варианту перевода». [1].

Стоит отметить, что некоторые имена, требовали не просто фонетической передачи, но и смысловой. В таких ситуациях переводчик использовал такие приёмы как калькирование или модуляция. Так, Господин Бранте был переведён как Sir Brante. Переводчик применил комбинированный подход, сочетающий калькирование титула и транслитерацию фамилии. Титул «Господин» переведен как Sir. Полный перевод, или калькирование, часто применяется для антропонимов, обозначающих социальный статус или профессию. Передача титула необходима, так

как он отражает социальный статус персонажа в рамках жёсткой социальной иерархии Империи. «Калькируются, прежде всего, прозвища с ясной внутренней формой, гороративы и титулы, а также некоторые «говорящие» личные имена». [4]

Выбор оптимального способа передачи ИС определяется дискурсивными факторами, включая интенции автора. Поскольку антропонимы в фэнтези-играх могут нести метафорический смысл, задачей переводчика является воссоздание метафоры-имени для сохранения прагматического эффекта. «Передача имен собственных в художественном тексте зависит в значительной мере от замысла автора и мастерства переводчика. Поэтому вторым дискурсивным фактором, значимым для выбора эквивалента имени собственного, является учет интенций автора текста на ИЯ. В художественном тексте передко автор дает действующим лицам говорящие имена и фамилии для формирования у реципиента определенного отношения» [2].

Таким образом, переводческие решения, принятые при локализации *The Life and Suffering of Sir Brante*, демонстрируют стремление к балансу. С одной стороны, они сохраняют экзотичность и стилистическую нагрузку имен через транслитерацию, а с другой обеспечивают функциональную эквивалентность критически важных смысловых единиц (титулов) через калькирование, добавление греческих окончаний. Эти стратегии позволяют широкой международной аудитории в полной мере ознакомиться с игрой, при этом сохраняя тональность, характер и глубину оригинального мира Блаженной Аркнийской Империи.

Литература:

- Бабаев А. М., Питина С. А. Особенности локализации при переводе топонимов и антропонимов в видеоиграх // Вестник ЧелГУ. 2024. № 3 (485). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-lokalizatsii-pri-perevode-toponimov-i-antroponimov-v-videoigrah> (дата обращения: 03.12.2025).
- Бабаева Р. И. Дискурсивные факторы, влияющие на способ передачи имён собственных при переводе // Русский язык на перекрёстке эпох: традиции и инновации в русистике. 2025. №. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/diskursivnye-faktory-vliyayushchie-na-sposob-perechadi-imyon-sobstvennyh-pri-perevode> (дата обращения: 03.12.2025).
- Кушнина Л. В., Синьюнь Кан Метафорический смысл имени собственного и его отражение в оригинале и переводах // Евразийский гуманитарный журнал. 2020. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/metaforicheskiy-smysl-imeni-sobstvennogo-i-ego-otrazhenie-v-originaliye-i-perevodah> (дата обращения: 03.12.2025).
- Новичков А. А. Передача антропонимов при переводе произведений жанра фэнтези // Вестник ИГЛУ. 2012. № 1 (17). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/peredacha-antroponimov-pri-perevode-proizvedeniy-zhanra-fentezi> (дата обращения: 03.12.2025).
- Фомин Андрей Г., Чоботар Владислав И. Особенности перевода антропонимов в литературе и компьютерных играх жанра фэнтези // СибСкрипт. 2019. № 2 (78). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-perevoda-antroponimov-v-literature-i-kompyuternyh-igrah-zhanra-fentezi> (дата обращения: 03.12.2025).

Использование библейских фразеологизмов в современных русских литературных произведениях

Лу Юйся, кандидат филологических наук, старший преподаватель
Цзянуский педагогический университет (г. Сюйчжоу, Китай)

Данная статья посвящена рассмотрению узуального и окказионального использования библейских фразеологизмов (БФ) в современных русских литературных произведениях. Выявлено, что применение любого из рассмотренных преобразований фразеологических единиц следует считать индивидуальным творческим актом автора. Показано, что трансформация библейского фразеологизма как стилистического средства, с одной стороны, придает выражению особую выразительность, а с другой — оказывает сильное эмоциональное воздействие на читателя.

Ключевые слова: библейский фразеологизм, узуальное и окказиональное использование, буквализация, семантизация, двойная актуализация значения

Русский язык вместе с русской культурой, как известно, подвергается большому влиянию господствующей в России религии — православия. В результате из Священного Писания в русский язык на различных лексических уровнях пришло множество библеизмов. Предметом нашего исследования являются библейские фразеологизмы, под которыми вслед за К. Н. Дубровиной будем понимать «устойчивые, воспроизведимые в речи, раздельнооформленные обороты, которые, как правило, обладают экспрессивностью, эмоционально-оценочными характеристиками и имеют переносные значения» [3, с. 143].

Сегодня все больше и больше исследователей обращают внимание на БФ в русском языке. Эти обороты встречаются в русской публицистике, активно используются в повседневной речи, хотя часто их употребляют неосознанно, не зная, что они возникли на библейской почве (см. хлеб насищный; соль земли; испустить дух; не от мира сего; манна небесная и др.).

Кроме того, они встречаются в русской поэзии и прозе XX века. Появилось множество работ, посвященных вопросам использования фразеологизмов библейского происхождения в литературных произведениях. Так, Ж. А. Зубова, М. А. Анзина исследуют влияние БФ в произведениях М. М. Пришвина на языковую картину мира писателя. По словам авторов, «такие ФЕ формируют особую языковую картину мира, в которой безрелигиозный, безбожный мир XX века уживается с глубокой духовностью русского народа» [7, с. 137]. К. С. Медведчикова сравнивая в своей статье использование библеизмов поэтами С. Кековой и М. Борцовой, отмечает, что «одни и те же языковые единицы — библеизмы — в идиостилях каждого поэта выявляют особое понимание и восприятие окружающего его мира, обладают особой эстетической энергией» [12, с. 35]. О. Ломакина анализирует особенности использования БФ в языке Л. Н. Толстого, изучает их окказиональные преобразования [9]. Л. А. Гусева исследует БФ в стихах Н. И. Глазкова [2]. К. Н. Дубровина изучает стилистическое использование рассматриваемых единиц в произведениях В. В. Маяковского

[4]. Т. М. Шихова исследует употребление БФ в поэзии Серебряного века и делает вывод, что «употребление данной области фразеологии в названный период в целом активно и представлено многообразием ее структурно-семантических преобразований» [19, с. 109]. Е. Г. Озерова рассматривая функционирование БФ в русских лирикопрозаических текстах, отмечает, что библеизмы в качестве стилистических маркеров «не только отражают систему ценностей, сформированную православными истоками славянской духовности, но и формируют особое русское языковое сознание на всех его уровнях» [16, с. 33].

Данная работа в продолжение вышеназванных исследований рассматривает особенности употребления БФ в современных русских художественных текстах. Под употреблением в соответствии с определением В. И. Макарова понимается «речевой феномен, закрепляющий актуальный смысл единицы в высказывании, не нарушающий тождество ее значения и имеющий способность к развитию у нее новых семантических оттенков и отдельных значений» [11, с. 75]. Таким образом, мы рассматриваем БФ в аспекте их узуального и индивидуального, то есть окказионального использования.

Так, БФ *от мала до велика* имеет значение «абсолютно все независимо от возраста» [5, с. 473]. С данной семантикой он использован в тексте И. Л. Муравьевой: «Они, например, говорили ему: «Не ври, будь честным», но он не мог не врать, потому что врала целая школа — *от мала до велика*, и радио врало, и телевидение, врали вывески на домах, витрины магазинов, афиши театров, учебники, книги!» [15, с. 145]. Здесь оборот *от мала до велика* означает абсолютно всех людей в школе.

БФ *до второго пришествия* связывается с библейским событием — Вторым пришествием Иисуса Христа, которое по Новому Завету произойдет внезапно и неожиданно (1 Фес. 5: 1–3). Данное словосочетание в современном русском языке означает «очень долго, до неопределенного срока» [5, с. 178]. Пример употребления: «Ну, думаю, дело сдвинулось с мертвой точки. Пока не уберете, говорю, будете сидеть хоть до вечера, хоть до утра, хоть *до второго пришествия*» [18, с. 90].

Индивидуально-авторское использование БФ наряду с их узальным употреблением также находится в фокусе внимания ученых [6; 17]. Трансформация БФ в основном воплощается в их инновационном употреблении журналистами и авторами художественной литературы посредством сознательного нарушения норм, стремления к максимально яркой выразительности языка. Трансформации могут быть подвергнуты и семантическое содержание, и структурный образ библейского фразеологизма (см. 14, с. 17–35).

Распространенные способы семантической трансформации библейских фразеологизмов: буквализация, семантизация и двойная актуализация значения и др.

«При буквализации значения исходное, прямое значение сочетания, представляющее собой образную основу ФЕ, не только актуализируется, но и выступает на первый план, часто противопоставляясь фразеологическому значению оборота» [13, с. 20].

Так, выражение *сбиться с пути* в Библии означает «отойти от Господа, Бога своего, и начать «блудно ходить вслед чужих богов» (Втор. 31:16; см. также Лев. 20:5–6), не выполнять нравственные предписания закона, совершать предосудительные поступки, а также забыть главный завет Господа — любовь к ближнему своему» [5, с. 578]. Пример употребления: «Ночью вертолетчик ведет свою насекомообразную машину по курсу и видит костер — ну, ясно, кто-то заблудился, *сбился с пути*, надо подобрать. Быть может, им вменено подбирать заблудившихся? Вот и спасение» [10, с. 30].

Под семантизацией БФ понимается раскрытие «в контексте исходного образного представления, ситуации» [14, с. 22]. Например, БФ *страх Божий*, берущий начало в Ветхом Завете, означает трепетное благоговение перед Господом и Его непостижимой всемогущей волей, заключающее в себе мудрое смиление и отказ от зла, нечестия, беззакония и неправды [5, с. 637–638].

Литература:

- Савва (Мажуко Дмитрий Иванович, архимандрит Гомельского Свято-Никольского монастыря). Апельсиновые святыне. Записки православного оптимиста / Архимандрит Савва (Мажуко). — М.: «РИПОЛ Классик», 2016. — 302 с.
- Гусева, Л. А. Библейская фразеология в стихотворных текстах Н. И. Глазкова / Л. А. Гусева // Верхневолжский филологический вестник. — 2017. — № 1. — С. 43–39.
- Дубровина, К. Н. Библейские фразеологии в русской и европейской культуре / К. Н. Дубровина. — М. : Флинта : Наука, 2012. — 264 с.
- Дубровина, К. Н. Стиlistическое использование библеизмов в творчестве В. В. Маяковского / К. Н. Дубровина // Вестник РУДН. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. — 2010. — № 3. — С. 103–116.
- Дубровина, К. Н. Энциклопедический словарь библейских фразеологизмов / К. Н. Дубровина. — М. : Флинта : Наука, 2010. — 808 с.
- Зайцева, Я. С. Структурно-семантические и стилистические особенности фразеологизмов библейского происхождения в современном русском языке: дис. ... канд. фил. наук / Я. С. Зайцева. — М., 2010. — 291 с.
- Зубова, Ж.А. Библейская фразеология в художественных произведениях М. М. Пришвина / Ж. А. Зубова, М. А. Анзина // Вестник КГУ им. Н. А. Некрасова. — 2015. — № 3. — С. 137–140.
- Кучерская, М. А. Тетя Мотя / М. А. Кучерская. — М. : Астрель, 2012. — 506 с.
- Ломакина, О. Особенности употребления библейских фразеологических единиц в языке Л. Н. Толстого / О. Ломакина // Anuari de filologia. Llengües i literatures modernes. — 2012. — № 2. — С. 45–54.

В соответствии с лексикографическим определением, в русском языке он употребляется в качестве междометия и означает «жуть, ужас, кошмар» и одновременно «выражает сильные отрицательные эмоции» [5, с. 637–638]. Пример использования: «Как примирить научную истину с церковной, страх Божий с поиском правды?» [8, с. 38]. В данном контексте слово утрачивает словарное значение и приобретает окказиональный смысл церковной истины, вложенный в него автором.

К средствам семантического преобразования относится и двойная актуализация значения библейского фразеологизма. «При реализации семантической двуплановости происходит совмещение целостно-фразеологического и буквального, аналитико-лексического значения выражения» [18, с. 104].

В качестве еще одного примера приведем фразеологизм *между землей и небом*, который встречается в Ветхом Завете (см. 2 Цар. 19:9; Иез. 8:3 и др.). Пример использования: «Между землей и небом — так далеко, такая пропасть разорвала мир людей и мир небесный, они хотели сделать лестницу для Бога, чтобы Он сошел к ним и с ними остался» [1, с. 64]. Здесь данный фразеологизм имеет двоякое значение. С одной стороны, он буквально означает расстояние: между землей и небом действительно далеко. С другой стороны, он подразумевает пропасть между земным миром и царствием небесным.

Помимо упомянутого окказионального употребления БФ, следует отметить индивидуально-авторскую модификацию их структуры, выражающуюся в расширении или редукции компонентного состава.

Таким образом, любая из описанных трансформаций БФ представляет собой авторскую стратегию, реализуемую в различных дискурсах. Используя фразеологизм как стилистический инструмент, писатель одновременно генерирует уникальную экспрессию и осуществляет целенаправленное эмоциональное воздействие на реципиента.

10. Маканин, В. С. Кавказский пленный / В. С. Маканин. — М. : Эксмо, 2009. — 448 с.
11. Макаров, В. И. Фразеологическое значение и употребление в художественном тексте: дис. ... канд. филол. наук / В. И. Макаров. — Новгород, 1997. — 171 с.
12. Медведчикова, К. С. Библеизмы в современном поэтическом тексте / К. С. Медведчикова // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. — 2012. — Т. 12, № 1. — С. 33–36.
13. Мелерович, А. М. Проблемы фразеологической семантизации преобразованных фразеологизмов / А. М. Мелерович, В. М. Мокиенко // Фразеологизм и его лексикографическая разработка. — Минск : Наука и техника, 1987. — С. 36–40.
14. Мелерович, А. М. Фразеологизмы в русской речи: Словарь / А. М. Мелерович, В. М. Мокиенко. — М. : ACT, 2005. — 856 с.
15. Муравьева, И. Л. Веселые ребята / И. Л. Муравьева. — М. : Эксмо, 2008. — 346 с.
16. Озерова, Е. Г. Библеизмы как стилистические маркеры лирикопрозаического текста / Е. Г. Озерова // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. — 2014. — № 20 (191). — С. 28–34.
17. Реунова, Е. В. Лингвопрагматический анализ библеизмов в русском, испанском, итальянском, французском и английском языках: дисс. ... канд. фил. наук / Е. В. Реунова. — М., 2015. — 255 с.
18. Иванов, А. В. Географ глобус пропил / А. В. Иванов. — М. : ACT, 2013. — 443 с.
19. Шихова, Т. М. Употребление эвристических фразеологизмов библейского происхождения / Т. М. Шихова // Вестник Поморского университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. — 2009. — № 4. — С. 102–109.

Место перевода финансовой отчетности в классификации видов перевода

Платнер Екатерина Валерьевна, студент магистратуры
Московская международная академия (г. Москва)

В данной статье рассматриваются роль и значимость перевода финансовой отчетности в контексте переводческой деятельности.

Ключевые слова: перевод, финансовая отчетность, классификация.

Place of financial statement translation in the classification of translation types

This article clarifies the role and importance of financial statement translation within the scope of translation activities.
Keywords: translation, financial statement, classification.

Перевод финансовой отчетности — эффективный инструмент взаимодействия между специалистами в области финансов и экономики. Перевод финансовой документации сохраняет связь с лингвистикой и лексикологией, поскольку финансовые термины основаны на словах и словосочетаниях номинативного характера [12].

Для определения места перевода финансовой отчетности в классификации видов перевода необходимо изучить взгляды отечественных исследователей на трактовку понятия «термин». Это проиллюстрировано на рис. 1.

По данным рис. 1, в исследованиях отечественных ученых существует множество теорий и подходов к определению понятия «термин». И. А. Алексеева писала: «Научный термин — это слово или словосочетание специального языка, созданное для точного выражения специальных понятий и обозначения специальных предметов» [1]. Основываясь на определении И. А. Алексеевой, понятие «финансовый термин» можно трактовать следующим образом: «Слово или словосочетание специального языка, созданное для точного выражения финансовых понятий и обозначения экономических явлений и процессов».

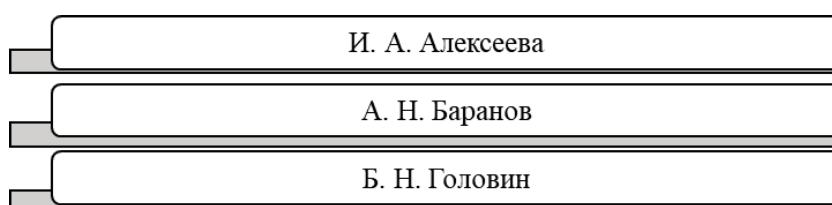

Рис. 1. Список отечественных ученых, сформулировавших определение понятия «термин» [17, с. 139]

А. Н. Баанов утверждает: «Термины можно определить как слова (словосочетания) метаязыка науки и приложений научных дисциплин, а также слова, обозначающие реалии областей конкретной практической деятельности человека» [3]. Следовательно, финансовый термин — это слово или словосочетание, обозначающее реалии сферы финансов.

Как отметил Б. Н. Головин, «...термин — отдельное слово или словосочетание, обозначающее профессиональное понятие и предназначенное для удовлетворения специфических нужд общения в сфере определенной профессии...» [6]. На основании данного определения, финансовый термин — это слово или словосочетание, обозначающее финансовое понятие и предназначенное для удовлетворения потребностей специалистов в области финансов.

Для определения места финансового перевода в классификации видов переводческой деятельности следует рассмотреть группы финансовых терминов, проиллюстрированные на рис. 2:

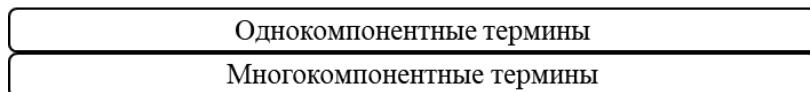

Рис. 2. Группы финансовых терминов [21, с. 108]

На основании данных, представленных на рис. 2, можно сделать следующие обоснованные выводы:

- 1) Однокомпонентный термин — это лексическая единица, состоящая из одного слова;
- 2) Многокомпонентный термин — это лексическая единица, состоящая из словосочетания, включающего в себя два и более слова [13]. Многокомпонентные термины состоят из нескольких однокомпонентных терминов, употребляемых вместе по определенным моделям для выражения одного понятия [21].

Финансовая терминология — это замкнутый словарный контекст, которым владеют специалисты в области финансового перевода. Данная терминология понятна только специалистам, работающим в финансовом секторе [19]. Например, финансовые термины в своей деятельности используют переводчики финансовой документации.

В основе перевода финансовых терминов лежит работа с различными материалами финансовой тематики. Прежде всего, перевод финансовой терминологии связан с анализом конкретной экономической системы, поскольку различие экономических систем — одна из главных проблем перевода [14].

В современной теории и практике перевода существует несколько основных подходов к классификации видов переводческой деятельности. В рамках жанрово-стилистической классификации видов перевода выделяют два вида переводческой деятельности. Это проиллюстрировано на рис. 3.

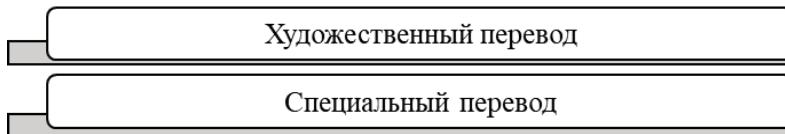

Рис. 3. Жанрово-стилистическая классификация перевода [8, с. 71]

По данным рис. 3, в рамках жанрово-стилистической классификации перевода выделяют следующие виды переводческой деятельности:

1. Художественный перевод — деятельность, связанная с переводом литературных произведений.
2. Специальный перевод — деятельность, связанная с переводом специализированных текстов. **Финансовый перевод, включая перевод финансовой отчетности**, относится к категории специального перевода и занимает важное место в профессиональной сфере [4].

Для определения места финансового перевода в классификации специальных видов перевода необходимо рассмотреть направления, выделяемые в рамках данной категории. Это проиллюстрировано на рис. 4.

По данным рис. 4, в рамках специального перевода выделяют следующие виды переводческой деятельности:

1. Технический перевод — деятельность, связанная с выражением в письменной или устной форме специальной технической информации, представленной на одном языке, средствами другого языка [7].
2. Научный перевод — деятельность, связанная с переводом текстов, насыщенных терминами и терминологическими словосочетаниями, а также лексическими конструкциями и сокращениями [18].
3. **Финансовый перевод — деятельность, связанная с переводом текстов финансового характера и переводом финансовых отчетов** [4]. Перевод финансовой отчетности является разновидностью финансового перевода.
4. Медицинский перевод — деятельность, связанная с переводом научных текстов, предназначенных для специалистов, работающих в области медицины, и посвященных вопросам здоровья человека [10].

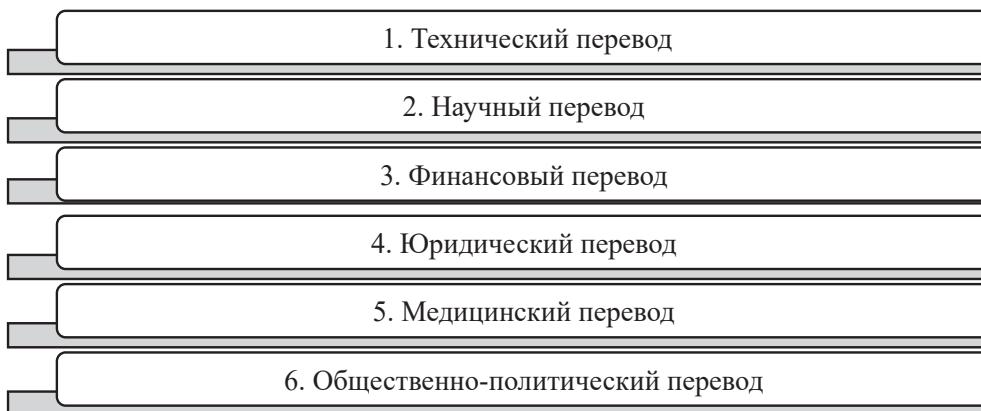

Рис. 4. Направления, выделяемые в рамках специального перевода [8, с. 72]

5. Общественно-политический перевод — деятельность, связанная с переводом текстов, для которых характерно описание места и участников действия, а также наличие определенной терминологии [15].

6. Юридический перевод — деятельность, связанная с переводом нормативных документов, имеющих юридическое значение и применяемых в области права и юриспруденции [5].

Говоря о юридическом переводе, следует выделить один ключевой аспект. Юридический перевод включает в себя использование языка для специальных целей в контексте права или использование языка в юридических целях [2].

Относительно финансового перевода следует подчеркнуть, что данный вид деятельности характеризуется следующими признаками [16]:

- 1) работа с документацией финансовой, банковской и биржевой сферы;
- 2) необходимость точного воспроизведения специализированной терминологии;
- 3) строгие требования к точности перевода числовых данных;
- 4) важность сохранения юридической силы документов.

Финансовый перевод, в частности перевод финансовых документов, занимает особое место в профессиональной иерархии — особое положение среди других видов специального перевода [11]:

- Перевод финансовой отчетности требует глубоких знаний в области экономики и финансов [9];
- Этот вид перевода предполагает работу с большим объемом документации;
- Перевод финансовой документации часто требует дополнительного согласования с экспертами в финансовой сфере;
- Перевод финансовых документов связан с высокой степенью ответственности из-за возможных финансовых последствий ошибок.

Междисциплинарный характер финансового перевода проявляется в его практическом применении. Области практического применения финансового перевода включают международную торговлю, банковскую сферу и инвестиционные проекты. Междисциплинарное значение перевода финансовой документации обусловлено интенсивным развитием международных экономических отношений и глобализацией финансовых рынков [20]. Виды перевода и дисциплины, с которыми перевод финансовой отчетности находится в тесной взаимосвязи, представлены в таблице 1.

Таблица 1. Междисциплинарное значение перевода финансовой отчетности

Дисциплина и (или) вид перевода	Значение
Юриспруденция, юридический перевод	Финансовые документы зачастую сопровождаются нормативными и правовыми аспектами. Без точного финансового перевода невозможна корректная юридическая интерпретация
Техника, технический перевод	Документация по финансовым технологиям
Экономика и экономический перевод	Понимание финансовых инструментов и принципов бухгалтерской отчетности, эффективное проведение трансграничных финансовых операций, составление отчетов и контрактов, влияние на финансовые потоки и экономическую статистику. Без точного финансового перевода невозможно выполнение международных финансовых соглашений
Лингвистика	Способность точной и однозначной передачи информации между языками, что делает переводчиков финансовой отчетности, что делает финансовых переводчиков участниками междисциплинарного процесса

По данным таблицы 1, перевод финансовой документации тесно связан со следующими направлениями и дисциплинами:

- 1) Юриспруденцией и юридическим переводом — взаимосвязь финансового перевода с юриспруденцией и юридическим переводом заключается в работе с контрактами [14];
- 2) Техникой и техническим переводом — взаимосвязь финансового перевода с техникой и техническим переводом состоит в переводе документов по финансовым технологиям [11];
- 3) Экономикой и экономическим переводом — взаимосвязь финансового перевода с экономикой и экономическим переводом заключается в переводе аналитических материалов;
- 4) Лингвистикой — данная дисциплина обеспечивает межъязыковую и межкультурную коммуникацию.

Таким образом, перевод финансовой отчетности является узкоспециализированной областью переводческой деятельности. Этот вид перевода ориентирован на работу с финансово-экономическими текстами. Перевод финансовой документации — неотъемлемая часть финансового перевода и профессиональной переводческой практики. В классификации видов переводческой деятельности финансовый перевод выделяется как самостоятельная категория, обладающая четко определенной предметной специализацией.

Литература:

1. Алексеева И. А. Проблемы термина и терминообразования / И. А. Алексеева. — Пермь: Издательство Пермского государственного национального исследовательского университета, 1998.
2. Апасова Ю. Н. К вопросу понятия юридического перевода с точки зрения права / Ю. Н. Апасова // Nomothetika: Философия. Социология. Право. — 2021. — № 1. — С. 29.
3. Баранов А. Н. Введение в прикладную лингвистику: учеб. пособие / А. Н. Баранов. — М.: Едиториал УРСС, 2009.
4. Вечедова А. Д. Особенности перевода финансово-экономической лексики в разносистемных языках в работе со студентами неязыковых факультетов / А. Д. Вечедова, Д. У. Алигаджиева // Известия Дагестанского государственного педагогического университета. Психолого-педагогические науки. — 2012. — № 4 (21). — С. 109–110.
5. Виноградов В. В. Введение в переводоведение (общие и лексические вопросы) / В. В. Виноградов. — М.: Издательство института общего среднего образования РАО, 2001.
6. Головин Б. Н. Лингвистические основы учения о терминах: учеб. пособие для филол. спец. вузов / Б. Н. Головин, Р. Ю. Кобрин. — М.: Высшая школа, 1987.
7. Жаринова И. А. Формирование навыков перевода технических текстов у аспирантов на примере учебника «Основы технического перевода: теория и практика» / И. А. Жаринова // Самарский государственный технический университет: Вестник Самарского государственного технического университета. Серия: Психолого-педагогические науки. — 2018. — № 1 (37). — С. 51.
8. Карпова С. Н. Специальный перевод как основа межъязыковой профессиональной коммуникации / С. Н. Карпова // Вестник Российской таможенной академии. — 2012. — № 4. — С. 71–72.
9. Козеева А. Н. Трудности перевода профессионализмов в финансовой сфере / А. Н. Козеева. — Владимир: Современные исследования, 2023.
10. Колобаев В. К. Особенности перевода медицинских текстов / В. К. Колобаев, Т. А. Синицына // СПб.: Северо-западный государственный медицинский университет им. И. И. Мечникова. — 2025. — № 1 (117). — С. 52.
11. Курдяяцева А. И. Специфика перевода научно-технических текстов / А. И. Курдяяцева, В. В. Добросок // Успехи в химии и химической технологии. — 2020. — № 10. — С. 79–80.
12. Лейчик В. М. Терминоведение / В. М. Лейчик. — М.: Издательство ЛКИ, 2007.
13. Малиновская Т. Н. Однокомпонентные англоязычные общественно-политические термины: структурные особенности, словообразовательные способы и модели (на материале англо-русского словаря терминов Европейской конвенции по правам человека) / Т. Н. Малиновская // Мир науки, культуры, образования. — 2023. — № 5 (102). — С. 329.
14. Мельничук М. В. Проблемы перевода экономических и юридических текстов в контексте особенностей специальных терминов / М. В. Мельничук, В. М. Осипова // Austrian Journal of Humanities and Social Sciences. — 2015. — № 1. — С. 71–72.
15. Негматова С. М. Особенности перевода общественно-политической лексики и терминов в контексте общелингвистической теории перевода / С. М. Негматова // Вестник Таджикского государственного университета права, бизнеса и политики. — 2023. — № 4 (97). — С. 68.
16. Нелюбин Л. Л. Толковый переводоведческий словарь / Л. Л. Нелюбин. — М.: Флинта: Наука, 2003.
17. Тургунбеков Т. А. Анализ типов перевода финансовых терминов на русский язык / Т. А. Тургунбеков, Л. В. Ключникова // Theory and history of culture, art. — 2024. — Т. 14, № 6А. — С. 139.
18. Утесова К. У. Особенности перевода научно-технических текстов / К. У. Утесова // Проблемы филологии, культурологии и искусствоведения в свете современных исследований. — 2016. — № 7. — С. 53–54.

19. Хакиева З. У. Место терминологии в лексической системе языка / З. У. Хакиева // Современная филология. — 2011. — № 5. — С. 209–212.
20. Щербакова И. В. Особенности перевода экономических текстов / И. В. Щербакова // Проблемы современной науки и образования. — 2017. — № 1. — С. 4–8.
21. Юкляева Е. А. Использование особенностей перевода новейших финансовых терминов при обучении иностранному языку в финансово-экономическом вузе / Е. А. Юкляева // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Образование и педагогические науки. — 2020. — № 2 (835). — С. 108–114.

Определение способов преодоления сложностей, возникающих при переводе финансовой отчетности (на материале документации торговой сети SPAR)

Платнер Екатерина Валерьевна, студент магистратуры
Московская международная академия (г. Москва)

В данной статье рассматриваются пути преодоления трудностей, возникающих при переводе финансовой документации сети магазинов SPAR.

Ключевые слова: лексические трудности, грамматический строй, экстралингвистика, перевод, финансовая отчетность, торговая сеть.

Identification of ways to overcome the difficulties arising in the translation of financial statements (based on the documentation of the SPAR retail chain)

This article reveals strategies for overcoming lexical, grammatical, and extralinguistic challenges while translating SPAR financial statements.

Keywords: lexical difficulties, grammatical structure, extralinguistics, translation, financial statement, retail chain.

Преодоление трудностей при переводе финансовой отчетности торговой сети SPAR требует комплексного подхода, включающего принятие лингвистических,

методологических и технологических решений. Необходимо выделить основные причины возникновения этих трудностей. Причины проиллюстрированы на рис. 1:

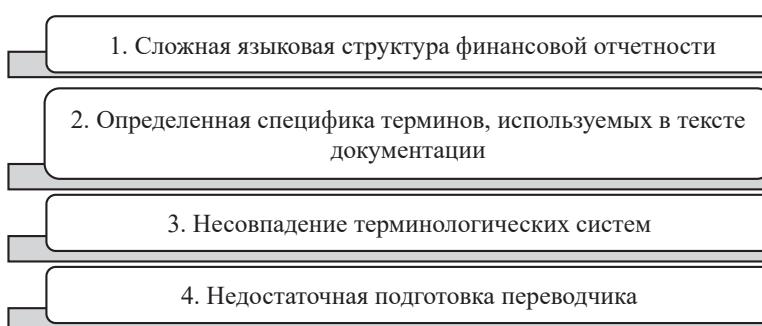

Рис. 1. Причины возникновения сложностей [1, с. 1601]

Как отмечено на рис. 1, основными причинами, по которым возникают сложности при переводе финансовой отчетности торговой сети SPAR, являются следующие факторы:

1. Финансовая документация сети магазинов SPAR характеризуется сложной языковой структурой [2].
2. Терминология, используемая в тексте финансовой отчетности торговой сети, имеет особую специфику.

3. Несовпадение терминологических систем ведет к различию объемов понятий, передаваемых термины-аналогами, что приводит к отсутствию переводческих соответствий для ряда терминологических единиц, используемых в тексте финансовых документов сети магазинов SPAR.

4. Недостаточная подготовка переводчика в сфере финансов, аудита и инвестиций.

Необходимо выявить сложности, возникающие в процессе перевода финансовой документации торговой сети SPAR, для определения путей их преодоления.

Первой лексической трудностью является использование большого количества финансовых терминов в тексте отчетности торговой сети SPAR [3]. Финансовая терминология чаще всего переводится с английского языка на русский с помощью лексических и лексико-грамматических трансформаций. Основными трудностями, возникшими при переводе финансовых терминов, стали:

1) Многозначность терминов. Например: понятие «equity» может быть переведено с английского языка на русский как «капитал», «акционерный капитал» или «доля участия». Термин «stocks» переводится не только как «акции», но и как «запасы». «Profit» в зависимости от контекста может означать «выгода» или «прибыль»;

2) Отсутствие эквивалентов. Термины «royalty», «balance», «commission» не имеют прямых эквивалентов в русском языке, поэтому могут быть переведены лишь с помощью транслитерации.

Предлагаемые способы преодоления первой лексической трудности:

1) Использование глоссариев — создание или применение существующих справочников терминов, используемых в финансовой отчетности сети магазинов SPAR;

2) Контекстуальный анализ — перевод финансовых терминов с учетом общего контекста документации SPAR;

3) Глубокое изучение предметной области — детальный анализ четырех форм финансовой отчетности и МСФО;

4) Применение транслитерации при работе с безэквивалентной лексикой, используемой в тексте финансовых документов торговой сети SPAR.

Второй лексической трудностью стало исследование многокомпонентной терминологии, используемой в тексте финансовой отчетности сети магазинов SPAR. При переводе многокомпонентных финансовых терминов применяются не только привычные лексические и лексико-грамматические трансформации, но и следующие приемы:

— Использование предложного падежа. Например, в названии четвертой формы финансовой отчетности «cash flow statement» используется предложный падеж;

— Функциональная замена. Например, многокомпонентное понятие «capital amount» переводится с английского языка на русский как «размер капитала», а термин «capital reduction» в переводе с английского языка означает «уменьшение капитала».

Также в процессе проведения анализа были выявлены грамматические особенности текста финансовых документов сети магазинов SPAR. Первой грамматической трудностью является перевод изъявительного наклонения глагола, поскольку в тексте финансовой документации торговой сети SPAR преобладает данное наклонение. Основными сложностями, возникшими при переводе изъявительного наклонения, стали:

1) Временные соответствия — различия в системе времен английского и русского языков. Например, в английском языке в предложении «To get a complete picture of the status of JSC SPAR RETAIL» используется глагол «to get» в начальной форме с частицей «to», а в русском — исходная форма «получить»;

2) Контекстуальная адаптация — необходимость учета контекста. Например, общеязыковым лексическим значением слова «recent» является прилагательное «недавний», а в предложении «In such cases, we prioritize the more recent data» оно используется в значении «свежие».

Предлагаемые способы преодоления трудностей перевода изъявительного наклонения:

1) Учет контекста при выборе временной формы глагола;

2) Сохранение точности при переводе финансовой отчетности сети магазинов SPAR;

3) Проверка согласования подлежащего и сказуемого.

Второй грамматической трудностью является перевод страдательного залога, поскольку в тексте финансовой документации торговой сети SPAR преобладают пассивные конструкции. Основные сложности, возникшие при переводе страдательного залога:

1) Различия в употреблении страдательного залога в английском и русском языках. Например, английская пассивная конструкция «Expenses were reduced» переводится на русский язык как «Расходы были снижены»;

2) Отсутствие прямого соответствия некоторым страдательным конструкциям. Например, глагол «to find» переводится с английского языка на русский как «находить». В пассивной конструкции «can be found» данный глагол употребляется в значении «может быть найден» или «может быть обнаружен». Прямое соответствие страдательной конструкции «can be found» не всегда очевидно.

Способы преодоления возникших трудностей:

1) Контекстуальный анализ предложения для выбора оптимального способа перевода;

2) Учет стилистических особенностей текста;

3) Сопоставление англоязычных и русскоязычных грамматических конструкций;

4) Использование синонимических замен при необходимости.

Третьей особенностью грамматического строя является ограниченная сочетаемость грамматических конструкций и лексических единиц, используемых в тексте финансовой отчетности сети магазинов SPAR. Ограниченно сочетающиеся грамматические конструкции и лексические единицы, используемые в текстах четырех форм финансовой документации торговой сети, переводятся с применением лексических, лексико-грамматических и грамматических трансформаций. Основными методами перевода ограниченно сочетающихся грамматических конструкций и лексических единиц стали следующие лексические преобразования:

1) Компенсация. Примеры использования: финансовые термины «deferred tax assets», «total for section» и «value added tax on purchased items»;

2) Экспликация. Примеры использования: финансовые понятия «dividend yield», «brief analysis of financial results», «cash equivalents» и еще 69 случаев применения данного вида переводческой трансформации;

3) Грамматические замены. Примеры использования: термины «sales profit», «the report highlights», «expenses were reduced» и еще 6 случаев применения этого вида преобразования.

В процессе применения этих переводческих преобразований возникают трудности, заключающиеся в несовпадении правил сочетаемости терминов в ИЯ и ПЯ, различии грамматических структур и стилистических несоответствиях. Способы преодоления трудностей, возникающих в процессе перевода ограниченно сочетающихся грамматических конструкций и лексических единиц, используемых в тексте финансовой документации торговой сети SPAR:

- 1) Тщательный анализ контекста;
- 2) Определение доминирующего значения;
- 3) Выявление ключевых семантических компонентов;
- 4) Изучение широкого контекста использования;
- 5) Определение функциональной нагрузки конструкции;
- 6) Анализ стилистических особенностей;
- 7) Использование словарей.

Четвертой особенностью грамматического строя является применение словообразовательных моделей в текстах финансовых документов торговой сети SPAR. К словообразовательным моделям, используемым в текстах четырех форм финансовой отчетности сети магазинов SPAR, относятся:

- 1) Префиксация. Примеры: финансовые понятия «intangible», «non-current» и «pre-tax revenue»;
- 2) Аббревиатура. Примеры: аббревиатуры «EBIT» и «EBITDA».

При использовании моделей префиксации и аббревиации возникают определенные трудности, заключающиеся в многозначности словообразовательных элементов и различиях в морфемах.

Способы преодоления возникших сложностей:

- 1) Определение словообразовательных моделей — моделей префиксации и аббревиации;
- 2) Выявление семантических компонентов;
- 3) Анализ контекста использования терминов, построенных с помощью словообразовательных моделей.

Пятой особенностью грамматического строя является перевод причастий прошедшего времени, используемых в тексте финансовой документации сети магазинов SPAR. Примеры: причастия II, такие как «fixed», «added» и «purchased», в финансовых терминах «fixed assets» и «value added tax on purchased items».

В процессе перевода причастий прошедшего времени возникли трудности, связанные с необходимостью сохранения точности финансовой терминологии, а также с различиями в употреблении этой части речи в английском и русском языках.

Способы преодоления возникших сложностей:

1) Определение роли причастия в предложении. В предложениях, используемых в текстах финансовых документов торговой сети, причастия II «fixed», «added» и «purchased» являются второстепенными членами — определениями;

2) Учет специфики финансовой сферы;

3) Обращение к финансовым словарям;

4) Замена причастия на имя прилагательное. Пример: при переводе финансового понятия «fixed assets» причастие прошедшего времени «fixed» заменяется прилагательным «основные»;

5) Проверка наличия эквивалентов в русском языке. Примеры: термины «fixed assets» и «value added tax on purchased items» имеют устойчивые русскоязычные эквиваленты — понятия «основные средства» и «налог на добавленную стоимость по приобретенным ценностям»;

6) Применение экспликации. При переводе финансового термина «value added tax on purchased items» используется метод описательного перевода.

Шестой особенностью грамматического строя является перевод атрибутивных конструкций, активно используемых в текстах финансовых документов торговой сети SPAR.

При переводе атрибутивных конструкций, применяемых в тексте отчетности сети SPAR, был использован следующий алгоритм:

1. Определение границ атрибутивной группы:

— Субстантивный перевод. Примеры: финансовые термины «intangible assets», «fixed assets» и «financial investments»;

— Адъективный перевод. Примеры: финансовые понятия «sales profit», «accounts receivable» и «interest payable»;

— Описательный перевод. Примеры: термины «accounts payable», «cash flow statement» и «current liquidity ratio».

2. Выделение ключевых и зависимых элементов.

3. Анализ смысловых связей между компонентами.

4. Перевод главных слов и определений.

5. Проверка соответствия официальному-деловому стилю.

В процессе перевода атрибутивных конструкций возникают трудности, связанные с учетом специфики финансовой терминологии и необходимостью сохранения точности формулировок.

Способы преодоления сложностей:

1) изучение широкого контекста использования финансовой терминологии;

2) анализ стилистических особенностей финансовой отчетности сети магазинов SPAR;

3) использование в процессе перевода гlosсария финансовой документации, специализированных словарей и терминологических баз.

Помимо лингвистических, грамматических и экстралингвистических трудностей, переводчик сталкивается

и с другими сложностями. Они проиллюстрированы на рис. 2.

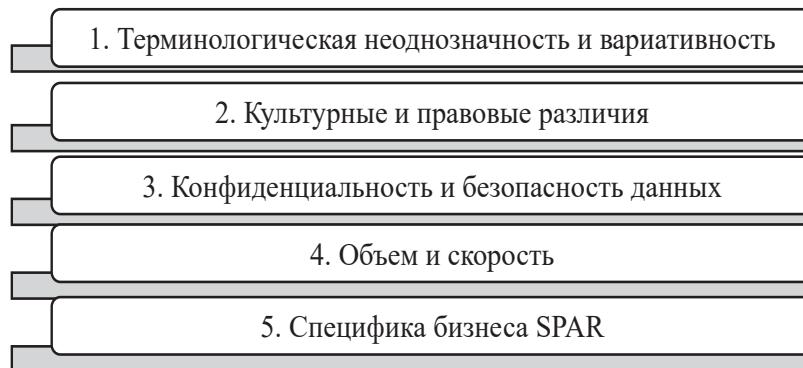

Рис. 2. Сложности, возникающие в процессе перевода финансовой документации сети магазинов SPAR [3]

На основании данных, представленных на рис. 2, можно сделать следующие выводы:

1) Финансовая лексика может иметь разные эквиваленты в разных языках, а также отличаться в зависимости от стандартов бухгалтерского учета. Например, термин «запасы», используемый в тексте финансовой отчетности торговой сети SPAR, с русского языка на английский может быть переведен как «stocks» или «inventory» в зависимости от контекста. Специфические термины, используемые внутри SPAR (названия внутренних проектов, систем или категорий товаров), могут не иметь прямых эквивалентов;

2) Различия в законодательстве и бухгалтерских нормах между странами могут приводить к тому, что одни и те же операции отражаются по-разному. Это затрудняет понимание и сравнение отчетности. Культурные особенности могут влиять на интерпретацию некоторых финансовых показателей или на то, как они представлены в финансовой документации сети магазинов SPAR;

3) Разные страны, в которых функционируют магазины сети SPAR, могут требовать определенные форматы или дополнительные разделы в финансовой отчетности, которые отсутствуют в исходном документе. Различия также могут наблюдаться в представлении дат, чисел, валют и единиц измерения;

4) Финансовая документация торговой сети SPAR является конфиденциальной информацией. Обеспечение безопасности при переводе имеет огромное значение;

5) Большой объем финансовой отчетности сети магазинов SPAR и сжатые сроки для ее перевода могут создавать значительное давление;

6) Торговая сеть SPAR имеет сложную структуру, включающую франчайзинг, прямые продажи и дистрибуцию. Это послужило причиной появления таких статей в отчетности, как роялти, комиссионные и возвраты от франчайзи. Данные статьи документации требуют точного понимания и перевода. Многообразие товарных категорий оказывает влияние на структуру доходов и расходов, требуя специфической терминологии.

Также были разработаны способы преодоления экстралингвистических сложностей, выявленных в процессе перевода финансовой отчетности сети магазинов SPAR. К способам преодоления экстралингвистических трудностей относят:

- 1) Использование стандартизованных финансовых терминов в соответствии с действующими нормативами;
- 2) Проверка соответствия переведенных документов местным нормам;
- 3) Адаптация финансовой терминологии с учетом культурных различий
- 4) Учет национальных особенностей при переводе;
- 5) Сохранение стилистики официальных документов;
- 6) Использование корректных формулировок понятий на ИЯ и ПЯ.

При переводе атрибутивных конструкций, используемых в тексте финансовой документации торговой сети SPAR, возникают трудности, связанные с учетом специфики финансовой терминологии и необходимостью сохранения точности формулировок.

Способы преодоления этих сложностей:

- 1) Изучение широкого контекста использования финансовой терминологии;
- 2) Анализ стилистических особенностей финансовой отчетности сети магазинов SPAR;
- 3) Использование в процессе перевода глоссария финансовой документации, специализированных словарей и терминологических баз.

Кроме того, были определены следующие способы преодоления всех сложностей, возникающих при переводе финансовой отчетности сети магазинов SPAR:

1. Создание и использование специализированной терминологии.

Предлагаемое действие — разработка подробного глоссария финансовых терминов, специфичных для SPAR, с эквивалентами на всех целевых языках. Этот глоссарий необходимо регулярно обновлять.

Ключевые моменты:

- 1) Включение общепринятых финансовых терминов;
- 2) Добавление внутренних терминов SPAR (названия систем, структур, категорий);
- 3) Указание на соответствие стандартам бухгалтерского учета (МСФО, GAAP и т. д.);
- 4) Регулярное согласование и утверждение глоссария с финансовым департаментом и юридическим отделом.

2. Привлечение специализированных переводческих агентств и переводчиков.

Предлагаемые действия: сотрудничество с агентствами, имеющими опыт работы с финансовой документацией, и привлечение носителей языка или специалистов в области перевода, обладающих глубокими знаниями в области финансов и бухгалтерского учета, понимающих международные стандарты отчетности и рынок различной торговли.

Ключевые моменты:

- 1) Долгосрочное сотрудничество с проверенными исполнителями;
- 2) Проведение тестовых переводов для оценки качества;
- 3) Предоставление переводчикам доступа к глоссарию и образцам предыдущих переводов.

3. Стандартизация формата и структуры финансовой отчетности.

Предлагаемые действия: упрощение финансовой документации для дальнейшей локализации и определение требований к переводу в специфическом формате.

Ключевые моменты:

- 1) Создание шаблонов отчетности для различных стран;
- 2) Использование программ, позволяющих обрабатывать различные форматы файлов;
- 3) Четкое определение правил форматирования (даты, числа, валюты).

4. Процедуры контроля качества и вычитки.

Предлагаемые действия: внедрение многоуровневой системы контроля качества, а также редакторская, техническая и экспертная вычитка.

Ключевые моменты:

Литература:

1. Борунов И. А. Особенности перевода терминологических единиц в сфере финансов, аудита и инвестиций с английского языка на русский / И. А. Борунов, И. А. Улиткин // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2022. — № 8. — С. 1604.
2. Официальный сайт SPAR [Электронный ресурс] // SPAR — Главная страница. — Режим доступа: URL: <https://myspar.ru/> (дата обращения: 03.12.2025).
3. Accounting statements and financial analysis of SPAR [Электронный ресурс] // Audit-it.ru. — 2025. — Режим доступа: URL: https://www.audit-it.ru/buh_otchet/7729395624_ao-spar-riteyl?ysclid=mh32lq83su678562734 (дата обращения: 03.12.2025).

- 1) Четкое определение зон ответственности за каждый этап вычитки;
- 2) Обратная связь с переводчиками финансовой отчетности сети магазинов SPAR по результатам вычитки для улучшения будущих переводов.

5. Обеспечение конфиденциальности и безопасности.

Предлагаемые действия:

- 1) Заключение NDA со всеми исполнителями;
- 2) Использование защищенных каналов передачи данных;
- 3) Ограничение доступа к документам только для тех, кто непосредственно задействован в переводе;
- 4) Рассмотрение возможности перевода внутри защищенной сети компании или с использованием специализированных защищенных платформ.

6. Поэтапный перевод и использование черновиков.

Предлагаемое действие: рассмотрение возможности перевода черновиков с последующей их доработкой. Данное действие предлагается при работе с масштабными или срочными проектами. Это позволяет быстрее получить ориентировочный перевод и параллельно работать над другими задачами.

Ключевой момент: управление ожиданиями заказчика относительно качества черновиков.

7. Обучение внутренних сотрудников.

Предлагаемое действие: проведение регулярных тренингов для сотрудников финансового отдела и других заинтересованных сторон по работе с переводчиками, предоставлению необходимой информации и использованию глоссария.

Таким образом, адекватный перевод финансовой отчетности торговой сети SPAR требует комплексного подхода, сочетающего в себе технологические решения, глубокое понимание специфики бизнеса, привлечение квалифицированных специалистов и строгие процедуры контроля качества. Создание прочной основы из специализированной терминологии и налаженная коммуникация между всеми участниками перевода финансовой документации сети магазинов SPAR являются ключевыми факторами в преодолении возникающих сложностей.

Молодой ученый

Международный научный журнал

№ 49 (600) / 2025

Выпускающий редактор Г. А. Письменная

Ответственные редакторы Е. И. Осянина, О. А. Шульга, З. А. Огурцова

Художник Е. А. Шишков

Подготовка оригинал-макета П. Я. Бурьянов, М. В. Голубцов, О. В. Майер

За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы.

Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов.

При перепечатке ссылка на журнал обязательна.

Материалы публикуются в авторской редакции.

Журнал размещается и индексируется на портале eLIBRARY.RU, на момент выхода номера в свет журнал не входит в РИНЦ.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-38059 от 11 ноября 2009 г., выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

ISSN-L 2072-0297

ISSN 2077-8295 (Online)

Учредитель и издатель: ООО «Издательство Молодой ученый». 420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.

Номер подписан в печать 17.12.2025. Дата выхода в свет: 24.12.2025.

Формат 60×90/8. Тираж 500 экз. Цена свободная.

Почтовый адрес редакции: 420140, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Юлиуса Фучика, д. 94А, а/я 121.

Фактический адрес редакции: 420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.

E-mail: info@moluch.ru; <https://moluch.ru/>

Отпечатано в типографии издательства «Молодой ученый», 420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.